

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н. А. Добролюбова»
(НГЛУ)

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н. А. Добролюбова

Выпуск 2 (66)

Нижний Новгород

2024

Печатается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета
им. Н. А. Добролюбова. Вып. 2 (66). — Н. Новгород: НГЛУ, 2024. — 198 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Ж. В. Никонова

Редакционная коллегия:

А. В. Иванов (*зам. главного редактора*), М. А. Ариян, О. В. Байкова (Киров),
К. Э. Безукладников (Пермь), М. К. Бронич, М. А. Викулина,
Н. К. Гарбовский (Москва), Н. А. Голубева, М. А. Грачев, Б. А. Жигалев,
В. И. Карасик (Москва), С. Б. Королева, Л. П. Крысин (Москва), И. В. Леушина,
Н. В. Макшанцева, М. И. Никола (Москва), О. А. Обдалова (Томск),
О. Г. Оберемко, Е. Р. Поршнева, Л. В. Рацибурская, Т. Н. Синеокова,
В. В. Сдобников, Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция),
У. Реннер-Хенке (Германия), К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008 г.

Журнал включен ВАК РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ISSN 2072-3490

© НГЛУ, 2024

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

LINGUISTICS UNIVERSITY OF NIZHNY NOVGOROD

LUNN BULLETIN

Issue 2 (66)

Nizhny Novgorod

2024

LUNN Bulletin. Issue 2 (66). — Nizhny Novgorod: Linguistics University of Nizhny Novgorod, 2024. — 198 p.

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

Zh. Nikonova

Editorial Board:

A. Ivanov (*Deputy Editor-in-Chief*), M. Ariyan, O. Baykova (Kirov), K. Bezukladnikov (Perm), M. Bronich, M. Vikulina, N. Garbovsky (Moscow), N. Golubeva, M. Grachev, B. Zhigalev, V. Karasik (Moscow), S. Koroleva, L. Krysin (Moscow), I. Leushina, N. Makshantseva, M. Nikola (Moscow), O. Obdalova (Tomsk), O. Oberemko, E. Porshneva, L. Ratsiburskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov, D. Boxer (USA), D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© LUNN, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА.....	9
Компенсационный коммуникативный акт в структуре глобального коммуникативного акта (на материале современного английского языка) <i>Бугрова С. Е., Кабанова И. Н.</i>	9
Почерк врача как прецедентный феномен <i>Дугалич Н. М.</i>	19
Исламская терминосистема в современном интернет-пространстве и мусульманской духовной литературе <i>Зубайдуллаев И. А.</i>	30
Санкции как фактор вариативности экономической терминосистемы русского языка <i>Зубкова М. А.</i>	43
Названия японских нарративов в аспекте лингвокреативности <i>Козачина А. В., Перминова А. К.</i>	61
Портрет колещатовцев Воронежской области в диалектной картине мира <i>Недоступова Л. В.</i>	73
Современное переводоведение: настоящее и будущее <i>Разина И. С., Сдобников В. В.</i>	93
<i>KRISENMODUS</i> : эволюция восприятия концепта <i>КРИЗИС</i> в немецком обществе <i>Разумных Е. В., Максимова Г. А.</i>	107
Семейная коммуникация через призму разговорного анализа (на материале англоязычных кинофильмов) <i>Тырыгина В. А.</i>	121
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР	148
«Полтава» в английской пушкинистике XX века: канон, парадигма, механизмы <i>Королева С. Б.</i>	148

О религиозной составляющей в художественном творчестве Дороти Ли Сэйерс <i>Лукманова О. Б.</i>	162
Формы присутствия и художественный смысл «китайского» в поэтическом цикле В. Кучерявкина «До Янджоу тысяча ли» <i>Цзоу Синь</i>	181
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	196

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE	9
The Compensatory Communicative Act in the Structure of the Global Communicative Act <i>Svetlana Ye. Bugrova, Irina N. Kabanova</i>	9
Doctors' Handwriting as a Precedent Phenomenon <i>Natalia M. Dugalich</i>	19
Islamic Terminology in Online Media Space and Muslim Spiritual Literature <i>Ibodullo A. Zubaidullaev</i>	30
Sanctions as a Variability Factor within the Economic Terminological System of the Russian Language <i>Marina A. Zubkova</i>	43
Narrative Titles through the Lens of Linguocreativity <i>Anna V. Kozachina, Anna K. Perminova</i>	61
The Portrait of Koleschatovites of the Voronezh Region in the Dialect Picture of the World <i>Lubov V. Nedostupova</i>	73
Modern Translation Studies: The Present and the Future <i>Irina S. Razina, Vadim V. Sdobnikov</i>	93
<i>Krisenmodus</i> : Evolution of the 'Crisis' Concept as Perceived by the German Society <i>Elena V. Razumnykh, Galina A. Maksimova</i>	107
Family Communication through the Lens of Conversation Analysis (based on English-language films) <i>Valentina A. Tyryguina</i>	121
ARTISTIC TEXT AT THE INTERSECTION OF CULTURES	148
"Poltava" in English Pushkin Studies of the 20th Century: The Canon, the Paradigm, and the Mechanisms <i>Svetlana B. Koroleva</i>	148

The Religious Component in the Prose, Poetry, and Plays by Dorothy L. Sayers <i>Olga B. Lukmanova</i>	162
Forms and Meaning of “Chinese” Details and Symbols in Vladimir Kucheryavkin’ Poetic Cycle “It’s A Thousand Li to Yangzhou” <i>Zou Xin</i>	181
CONTRIBUTORS’ INFORMATION	196

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.111'42

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-9-18

КОМПЕНСАЦИОННЫЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ АКТ В СТРУКТУРЕ ГЛОБАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО АКТА (на материале современного английского языка)

С. Е. Бугрова, И. Н. Кабанова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье рассматривается коммуникативный акт как нетождественный речевому акту и понимаемый как сложное явление, включающее как лингвистические, так и экстралингвистические составляющие коммуникативной ситуации, такие прагматические детерминанты, как: знания о мире, мнения, установки, цели адресанта, необходимые для понимания текста. Коммуникативный акт, являющийся центральным понятием теории коммуникации, оказывается многоэтапной структурой, где наиболее важным этапом является первый, подготовительный или превербальный этап, когда происходит осознание мотивов, потребностей, определяющих возможные варианты поведения (коммуникативные стратегии и тактики), и формируется коммуникативная интенция, направленная на реализацию глобальной социальной цели. Процесс коммуникации нередко характеризуется возникновением коммуникативных неудач, определяемых как некоторая «проблема» в общении, вызывающая непонимание между коммуникантами, причинами которой служат как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Устранение непонимания требует восполнения информационного вакуума, то есть компенсации. Сигналом о наличии коммуникативной неудачи могут служить эксплицитные вербальные маркеры, которые также сообщают о том, что в структуре основного глобального коммуникативного акта возникает дополнительный коммуникативный акт, направленный на преодоление коммуникативной неудачи, а следовательно, описываемый в терминах компенсаторности. Компенсационный коммуникативный акт, в отличие от глобального коммуникативного акта, всегда управляется коммуникативной целью преодоления коммуникативной неудачи.

Ключевые слова: коммуникативный акт; структура коммуникативного акта; глобальный коммуникативный акт; коммуникативная неудача; компенсаторность; компенсационный коммуникативный акт.

Цитирование: Бугрова С. Е., Кабанова И. Н. Компенсационный коммуникативный акт в структуре глобального коммуникативного акта (на материале современного английского языка) //

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 2 (66). С. 9–18. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-9-18.

The Compensatory Communicative Act in the Structure of the Global Communicative Act

Svetlana Ye. Bugrova, Irina N. Kabanova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article looks at the communicative act as a complex notion, different from the speech act and determined by both linguistic and extralinguistic components of the communicative situation, namely such pragmatic determinants as knowledge about the world, opinions, communicative intentions and goals of the speaker necessary for understanding the text. A basic term of the theory of communication, the communicative act is a multi-stage structure in which the first, preliminary phase proves to be of the highest importance. It is the stage when the speaker realizes inner motives and needs which define potential behavior patterns, and forms the communicative intention, aimed at realizing the overarching social goal. The process of communication is often accompanied by communicative failures or “problems” which cause misunderstandings and may be triggered by both linguistic and extralinguistic factors. To eliminate misunderstanding between the interlocutors, any informative vacuum which is there must be filled or compensated. There are explicit verbal markers that signal communicative failures, also signaling the emergence of an additional communicative act which seeks to eliminate the communicative failure and therefore can be described as compensatory. Thus the compensatory communicative act, as opposed to the global communicative act, is always governed by the communicative goal of eliminating communicative failure.

Key words: communicative act; communicative act structure; global communicative act; communicative failure; compensatory means; compensatory communicative act.

Citation: Bugrova, Svetlana Ye. & Kabanova, Irina N. (2024) The Compensatory Communicative Act in the Structure of the Global Communicative Act. *LUNN Bulletin*, 2 (66), 9–18. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-9-18.

1. Введение

Понятие коммуникативного акта является центральным понятием теории коммуникации и прагмалингвистики как науки в целом. Однако современная трактовка этого понятия складывалась довольно долго и претерпела значительные изменения. Кроме того, в лингвистических изысканиях термины «речевой акт» и «коммуникативный акт» зачастую рассматриваются как тождественные и синонимичные. Однако думается, что подобное понимание не является корректным. В зависимости от области исследования, от того, какой критерий положен в основу трактовки и в рамках какой коммуникативной модели осуществляется анализ, лингвистическая литература насчитывает многочисленные трактовки акта коммуникации.

Так, Большой энциклопедический словарь предлагает следующее определение речевого акта: «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе» (БЭС 1998: 412). В рамках «теории речевых актов», разработанной Дж. Остином и Дж. Серлем и в последующем используемой как базовая при изучении коммуникации (Anscombe 1963; Sadock 1974; Holdcroft 1978; Bach, Harnish 1979; Kreckel 1981; Searle 1986; Pratt 1986; Harris 1988; Tsohatzidis 1994; Тер-Минасова 2000; Гуревич 2007; Бочкарев 2012; Ponte, Korta, Perry 2023 и др.), речевой акт детерминируется как акт речи, «состоящий в произнесении говорящим предложения в ситуации непосредственного общения со слушающим» (Новое в зарубежной лингвистике 1986: 11). И в первом, и во втором случае трактовка термина представляется слишком узкой. Речевой акт, соответствующий всем нормам и максимам общения, представляет собой некоторую идеальную модель и, более того, полностью исключает общение, отклоняющееся от нормы, как, например, неофициальное общение, характеризующееся спонтанностью, неподготовленностью и, следовательно, являющееся далеким от лингвокультурного стандарта (Скробнев 1985).

Понимание речевого акта как организованных в цепочечном порядке высказываний адресанта, с одной стороны, позволило детально описать внутреннюю структуру акта общения, однако, с другой стороны, речевой акт — это не только грамматическая структура предложения, но и намерение говорящего, а также социальный контекст, в котором высказывание произносится, причем коммуникативно значимой может стать совершенно любая форма поведения. Имеются в виду как вербальные средства общения, так и невербальные, поскольку в определенной ситуации даже молчание может производить необходимый прагматический эффект.

В связи с этим прагмалингвисты сходятся во мнении, что речевой акт — это слишком узкое понятие, чтобы описать коммуникативную ситуацию в целом, и требуется введение термина, позволяющего вывести понимание коммуникации в область коммуникативного поведения, придающего сообщению оболочку, доступную для восприятия оппонентом, выраженную как лингвистическими, так и паралингвистическими средствами и образующую «особый мир, сосуществующий и хорошо согласованный с вербальным миром» (Богданов 1987: 19). Важной при этом оказывается способность коммуникантов корректно интерпретировать прагматическую ситуацию общения, в свою очередь определяемую социальным контекстом, установками на коммуникативное взаимодействие, социальными, культурологическими и личностными характеристиками говорящих.

Таким образом, представленный тройной оппозицией (локутивный, иллюкутивный, перлокутивный компоненты) речевой акт заменяется в последующем

понятием «коммуникативный акт», отражающим внеречевые моменты: условия коммуникации, характеристики коммуникантов и коммуникативные установки говорящих, в основе которых лежит некоторая глобальная цель, трактуемая как социальное намерение говорящих, управляющая коммуникативным актом в целом и тем самым позволяющая детерминировать коммуникативный акт как глобальный коммуникативный акт. При этом «речевой акт» предстает как частное, составляющее коммуникативный акт. Исходя из разграничения терминологии, можно сделать вывод, что структурно коммуникативный акт оказывается более сложноорганизованным.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом статьи послужили диалогические единства из англоязычной художественной прозы, отражающие реальный процесс речевой коммуникации и содержащие примеры коммуникативных неудач, позволяющих исследовать компенсаторный аспект в контексте компенсаторного коммуникативного акта как добавочного в структуре основного глобального акта. Исследование языкового материала осуществляется с помощью метода лингвопрагматической интерпретации, метода лингвистического описания, а также дефиниционного анализа.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Обобщая лингвистические изыскания в области структуры коммуникативного акта (Апполонская, Пиотровский 1985; Зимняя 1985; Кубрякова 1991; Бурлакова, Варшавская и др. 1997; Гойхман, Надеждина 1997; Клюев 1998; Труфанова 2001; Колшанский 2008; Матвеева, Ленец, Петрова 2013 и др.), можно представить коммуникативный акт как конгломерат следующих этапов, или фаз.

1. Внелингвистическая фаза или превербальный этап:

- 1) этап мотивационно-побудительный, на котором происходит порождение смысла высказывания, выделение мотивов, коммуникативного намерения;
- 2) этап мысленного внутреннего представления смысла генерируемого высказывания; уровень, отвечающий за создание денотата высказывания;
- 3) этап прогнозирования возможных результатов коммуникации на основе предыдущего положительного или отрицательного опыта; завершение этих решений формированием тактико-стратегического плана по реализации.

2. Этап внутренней речи, для которого характерен подбор лингвистических средств для грамматического оформления высказывания и выражения коммуникативных стратегий, организованных в определенной очередности.

3. Этап перехода к внешней речи. Как уже отмечалось ранее, коммуникативный акт сочетает в себе как лингвистическую, так и нелингвистическую

составляющие, то есть коммуникация предполагает и невербальный способ выражения, в таком случае, третий и четвертый этапы коммуникативного акта могут быть выражены кинесически — с помощью паралингвистических средств.

4. Вербальный этап, а именно фаза осуществления звукового оформления высказывания; непосредственный обмен репликами.

5. Оценка результатов реализации коммуникативных намерений, соотнесение с реальным результатом речевого взаимодействия.

6. Положительный или отрицательный эффект от коммуникативной интеракции, представляющий собой эмоциональный положительный или отрицательный отклик коммуникантов и сохраняемый в течение некоторого времени после акта коммуникации.

Здесь, как можно видеть, компоненты коммуникативного акта отделяются от прагматических параметров коммуникативной ситуации — локальные и темпоральные аспекты, качественные характеристики коммуникантов, такие как возраст, национальность, гендер и прочие. Таким образом, составляющие коммуникативного акта привязаны непосредственно к речепроизводству, а коммуникативные параметры ситуации существуют вокруг него (речепроизводства), оказывая влияние.

Практически любое коммуникативное взаимодействие характеризуется социальной и коммуникативной целенаправленностью, актуализирующейся в контексте социальной цели, а также через коммуникативные интенции говорящих. Успех в осуществлении коммуникативной интенции и, шире, глобальной социальной цели воспринимается как оптимальный результат коммуникативных усилий говорящих и оценивается как эффективное или успешное общение. Однако изучение коммуникации только с позиций успешности не позволяет в полной мере описать процессы и составляющие коммуникативной интеракции, поскольку общение в подавляющем большинстве случаев сопряжено с отклонением от «нормы», от «идеального» общения. При данных обстоятельствах внимание сосредоточивается на неэффективном общении, что позволяет изучить и описать механизмы возникновения «проблем» и разработать план для их устранения и накопления коммуникативного опыта. Подобные отклонения от норм, «проблемы» в общении в лингвистической литературе получили наименование «коммуникативные неудачи».

Стремление коммуникантов преодолеть коммуникативную неудачу, добиться понимания в результате коммуникативного акта включает компенсационный аспект, то есть набор средств, который «индивид использует для преодоления кризиса, наступающего, когда языковые структуры неадекватно отражают и передают мысли говорящего» (перевод наш. — С. Б., И. К.) (Tarone 1977: 195).

(1) *Connie: What do you mean?*

Mellors: *I mean as 'appen Ah can find anuther pleece as 'll du for rearin' th'pheasants. If yer want ter be 'ere, yo 'll non want me messin' abaht a' th'time.*

She looked at him, getting his meaning through the fog of the dialect.

Connie: *Why don't you speak ordinary English?*

Mellors: *Me! Ah thouwt it wor ordinary.*

She was silent for a few moments in anger (Lawrence 2003: 88).

Адресант испытывает трудности при декодировании сообщения (*Why don't you speak ordinary English?*), так как адресат переключился на диалект, что провоцирует возникновение непонимания, сопровождаемого негативной реакцией со стороны адресанта. Очевидно, что в определенный момент у адресанта возникает необходимость заполнить возникший информационный вакуум с целью устранения непонимания. Такая необходимость выражена эксплицитно: *What do you mean?*. При этом адресат отчасти неосознанно осуществляет намерение, попытку компенсировать необходимую для понимания информацию: *I mean as 'appen Ah can find anuther pleece as 'll du for rearin' th'pheasants. If yer want ter be 'ere, yo 'll non want me messin' abaht a' th'time.* Возникновение дополнительного намерения — преодоления коммуникативной неудачи — означает, что в структуре глобального коммуникативного акта появляется дополнительный коммуникативный акт, который правомерно описать в терминах компенсаторности.

(2) Laura: *I think it's that one. Clarence House.*

With a thump of her heart, Laura realized that it reminded her of home.

Laura: *What do you think?*

Dan: *It's a fantastic house. It must have a stunning view.*

Laura: *No, I mean do you think it could be my dad's?*

Dan put an arm around her. 'Laura, you can't guess by looking at his plant pots. You won't know until you ask him' (Henry 2012: 165).

Не понимая, что именно хотел узнать адресант, адресат высказывается относительно внешнего вида дома. Очевидно, что ожидания Лоры не оправдываются, и она разъясняет, о чем именно она спрашивала. Попытка адресанта устранить непонимание представляет собой ряд этапов: определение причины, порождающей непонимание; разъяснение непонятного; оценивание результата. Безусловно, эти этапы невозможно проиллюстрировать, поскольку это когнитивный процесс, не имеющий вербального отражения. Тем не менее преодоление коммуникативной неудачи происходит в определенной последовательности и имеет структуру, которую можно представить следующим образом.

1. Превербальная фаза:

- 1) этап осознания наличия «проблемы»;
- 2) определение области возникновения коммуникативной неудачи;

- 3) этап мотивационно-побудительный, на котором возникает потребность преодолеть коммуникативную неудачу, а следовательно, соответствующего коммуникативного намерения;
- 4) формирование компенсационного тактико-стратегического плана по устранению коммуникативной проблемы;
- 5) подбор лингвистических средств для выражения компенсационных коммуникативных стратегий и тактик.

2. Фаза перехода к внешней речи.

3. Фаза непосредственного устранения коммуникативной неудачи: осуществление звукового оформления высказывания или вербально-смысловой этап, заполнение информационного вакуума, усиление сообщения признаками достоверности.

4. Оценка результатов процесса преодоления коммуникативной неудачи.

Основываясь на намерении говорящих преодолеть непонимание, вышеупомянутые фазы можно объединить в **компенсационный коммуникативный акт**.

На следующем примере можно проиллюстрировать некоторые фазы компенсационного коммуникативного акта:

(3) Lacey: *How much is a krona?*

Stockholms Auktionverks calling: 'How much is a krona?' the voice responded.

Lacey: *How much is a krona in dollars?*

Stockholms Auktionverks calling: 'Ah, I see. [...]' (Martin 2011: 293).

Превербальная фаза представляет собой когнитивный процесс, который запускается автоматически и не выражен эксплицитно, а следовательно, довольно трудно поддается иллюстрированию. Однако результатом того, что процессы по осознанию наличия непонимания, определение его источника, формирование тактико-стратегического плана соответственно общей цели имеют место, служит уровень эффективности устранения коммуникативной неудачи.

Фаза преодоления коммуникативной неудачи: How much is a krona in dollars? Адресант заполняет информационный вакуум, возникший из-за национальных различий говорящих, посредством конкретизации объекта обсуждения.

Фаза оценивания результатов процесса преодоления коммуникативной неудачи: Ah, I see. Коммуникативное намерение полностью реализуется за счет сообщения адресантом дополнительной информации для достижения понимания (*How much is a krona in dollars?*).

Таким образом, устранение «проблемы» предполагает появление компенсационного коммуникативного акта в глобальном коммуникативном акте. Структурно данные коммуникативные акты схожи, однако они отличаются по цели — в случае компенсационного коммуникативного акта целью является

преодоление коммуникативной неудачи, которая, думается, остается неизменной для всех компенсационных коммуникативных актов.

4. Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что структура глобального коммуникативного акта состоит из определенных этапов, число которых стабильно и варьируется только качественно в зависимости от способа выражения (вербальное или невербальное) коммуникативной интенции. Однако в структуре глобального коммуникативного акта может появиться дополнительный коммуникативный акт в случае, если в ходе интеракции возникает коммуникативная неудача, выражаемая в непонимании. Такой коммуникативный акт всегда характеризуется компенсаторной направленностью. Более того, думается, что число таких дополнительных компенсационных коммуникативных актов может быть неограниченно, поскольку не всегда коммуникативная неудача преодолевается с первого раза. В таком случае в структуре глобального акта будет наблюдаться ряд последовательных попыток компенсации информационного вакуума. Данная гипотеза требует дальнейшего изучения.

Список литературы / References

- Апполонская Т. А., Пиотровский Р. Г.* Функциональная грамматика — фрейм — автоматическая переработка текста // Проблемы функциональной грамматики. Москва: Наука, 1985. С. 180–197. [Appolonskaya, Tatiana A., & Piotrovskij, Raymond H. (1985) Funkcional'naya grammatika — frejm — avtomaticheskaya pererabotka teksta (Functional Grammar — Frame — Automatic Processing of Text). In *Problemy funkcional'noj grammatiki* (Problems of Functional Grammar). Moscow: Nauka, 180–197. (In Russian)].
- Бурлакова В. В., Варшавская А. И. и др.* Актуализация предложения: в 2 т. Т. 1: Категории и механизмы. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. [Burlakova, Varvara V., Varshavskaya, Alevtina I., et al.. (1997) *Aktualizaciya predlozheniya: v 2 t. Vol. 1: Kategorii i mekhanizmy* (Actualising the Sentence: in 2 vols. T. 1: Categories and Mechanisms). Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta. (In Russian)].
- Богданов В. В.* Функции вербальных и невербальных компонентов в речевом общении // Языковое общение: единицы и регулятивы. Калинин: КГУ, 1987. С. 18–24. [Bogdanov, Vladimir V. Funkcii verbal'nyh i neverbal'nyh komponentov v rechevom obshchenii (Functions of Verbal and Non-verbal Components). In *Yazykovoe obshchenie: edinicy i regulyativy* (Language Communication: Units and Regulators) Kalinin: KGU, 18–24. (In Russian)].
- Бочкарёв А. И.* Классификация речевых актов // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты: Сб. материалов III Междунар. науч.-метод. конф. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2012. С. 4–9. [Bochkaryov, Arsenty I. (2012) Klassifikaciya rechevyh aktov (Speech Acts Classification) In *Mezhkul'turnaya kommunikaciya: lingvisticheskie i lingvodidakticheskie aspekty: Sb. materialov III Mezhdunar. nauch.-metod. konf.* (Intercultural Communication: Linguistic and Linguodidactic Aspects: Collection of Materials

- of the III International Scientific-methodical Conference). Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 4–9. (In Russian)].
- Гойхман О. Я., Надеина Т. М. Основы речевой коммуникации: Учебник для вузов. М.: ИНФРА-М, 1997. [Goykhman, Oskar Ya., & Nadeina, Tatiana M. (1997) *Osnovy rechevoj kommunikacii: Uchebnik dlya vuzov* (Fundamentals of Speech Communication: Textbook for Universities). Moscow: INFRA-M. (In Russian)].
- Гуревич Л. С. Коммуникативный акт vs Речевой акт: проблемы соотношения понятий // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Т. 5. Вып. 1. С. 103–108. [Gurevich, Lyubov S. (2007) *Kommunikativnyj akt vs Rechevoj akt: problemy sootnosheniya ponyatij* (A Speech Act vs A Communicative Act: the Problem of Terms Relation). *NSU Vestnik, Series: Linguistics and Intercultural Communication*, Vol. 5 (1), 103–108. (In Russian)].
- Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. 2-е изд. М.: Просвещение, 1985. [Zimnyaya, Irina A. (1985) *Psihologicheskie aspekty obucheniya govoreniyu na inostrannom yazyke*. 2-e izd. (Philological Aspects of Teaching in a Foreign language. 2nd ed.). Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)].
- Клюев Е. В. Речевая коммуникация: Учебное пособие для университетов и вузов. М.: ПРИОР, 1998. [Klyuev, Evgeny V. (1998) *Rehevaya kommunikaciya: Uchebnoe posobie dlya universitetov i vuzov* (Speech Communication: Textbook for Universities and Higher Education Institutions). Moscow: PRIOR. (In Russian)].
- Колшанский Г. В. Паралингвистика. Изд. 3-е. М.: URSS, 2008. [Kolshansky, Gennady V. (2008) *Paralingvistika* (Paralinguistics). Izd. 3-e. Moscow: URSS. (In Russian)].
- Кубрякова Е. С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. [Kubryakova, Elena S. (1991) *Chelovecheskij faktor v yazyke. Yazyk i porozhdenie rech* (Human Factor in Language. Language and Speech Production). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Матвеева Г. Г., Ленец А. В., Петрова Е. И. Основы прагмалингвистики: Монография. Москва: Флинта, 2013. [Matveeva, Galina G., Lenec, Anna V., & Petrova, Ekaterina I. (2013) *Osnovy pragmalingvistiki: Monografiya* (Fundamentals of Pragmalinguistics: Monograph) Moscow: Flinta.
- Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1985. [Skrebnev, Yuri M. (1985) *Vvedenie v kollokvialistiku* (Introduction into Colloquialistics). Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. (In Russian)].
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / Slovo, 2000. [Ter-Minasova, Svetlana G. (2000) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya* (Language and Cross-cultural Communication). Moscow: Slovo. (In Russian)].
- Труфанова И. В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2001. № 3. С. 56–65. [Trufanova, Irina V. (2001) *O razgranichenii ponyatij: rechevoj akt, rechevoj zhanr, rehevaya strategiya, rehevaya taktika* (On the Distinction of Concepts: Speech Act, Speech Genre, Speech Strategy, Speech Tactics). *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 3, 56–65. (In Russian)].
- Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. [Novoe v zarubezhnoj lingvistike (New in Foreign Linguistics) (1986) *Teoriya rechevyh aktov* (Speech Acts Theory). Is. 17, Moscow: Progress. (In Russian)].
- Anscombe, Gertrude Elizabeth Margaret. (1963) *Intention*. 2d Edition. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press.

- Bach, Kent, & Harnish, Robert M. (1979) *Linguistic Communication and Speech Acts*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Ponte, Marta, Korta, Kepa, & Perry, John. (2023) Critical Pragmatics: Nine misconceptions. *Topoi*, Vol. 42, 913–923.
- Harris, Wendell V. (1988) *Interpretive Acts: In Search of Meaning*. Oxford: Clarendon Press.
- Holdcroft, David. (1978) *Words and Deeds: Problems in the Theory of Speech Acts*. Oxford: Clarendon Press.
- Kreckel, Marga. (1981) *Communicative Acts and Shared Knowledge in Natural Discourse*. London, N. Y.: Acad. Press.
- Pratt, Mary L. (1986) Ideology and Speech Act Theory. *Poetics Today*, 7: 59–72.
- Sadock, Jerrold M. (1974) *Toward a Linguistic Theory of Speech Acts*. New York: Academic Press.
- Searle, John R. (1986) *Meaning, Communication and Representation*. Oxford: Clarendon Press.
- Tarone, Elaine. (1977) Conscious Communication Strategies in Interlanguage. In Brown, Douglas, Yorio, Ca, & Crymes, Ruth (eds.) *on TESOL '77*. Washington D. C.: TESOL, 194–203.
- Tsohatzidis, Savas L. (1994) *Foundations of Speech Act Theory: Philosophical and Linguistic Perspectives*. London: Routledge.

Словари / Dictionaries

- Языкознание. Большой энциклопедический словарь* / Под ред. В. Н. Ярцевой. 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. [*Yazykoznaniiye. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* / Pod red. V. N. Yartsevov. 2-ye izd. (1998) (Linguistics. Large Encyclopaedic Dictionary. In Yartseva, Victoria N. (ed.). 2nd ed.). Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. (In Russian)].

Источники языкового материала / Language material resources

- Henry, Veronica. (2012) *The Long Weekend*. London: Orion Books.
- Lawrence, David H. (2003) *Lady Chatterley's Lover*. Moscow: Jupiter-Inter.
- Martin, Steve. (2011) *An Object of Beauty*. London: Phoenix.

УДК 811.161.1'272:004.738.5

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-19-29

ПОЧЕРК ВРАЧА КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН

Н. М. Дугалич

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, Россия

Цель статьи — оценить феномен *почерк врача*, который частотно используется в комических поликодовых жанрах как прецедентный, и рассмотреть семантику его употребления в контексте карикатуры и мема в трех лингвокультурах: русской, арабской и французской. Исследование посвящено описанию поликодовых текстов медицинского дискурса в различных лингвокультурах и выполнено на массиве поликодовых сообщений общим объемом более 1300 текстов. Принадлежность текстов различных жанров определяется их тематикой (коммуникация врач — пациент и врач — врач), наличием медицинской терминологии и медицинской символики. Автор полагает, что понимание феномена *почерк врача* как невербального знака, который в поликодовом тексте вербализуется, получает статус символа и трансформируется в иконический прецедентный феномен, реализованный как прецедентная ситуация. Исследование показало, что прецедентные феномены, которые частотно используются в комических поликодовых жанрах, чаще представлены национальными, понятными носителю конкретной лингвокультуры. Рассматриваемый прецедентный феномен, однако, является наднациональным, поскольку его употребление в вербальном и визуальном ряду поликодового текста карикатуры и мема характеризуется идентичной интенцией автора, формирует схожие контексты и имеет близкие смыслы.

Ключевые слова: прецедентный феномен; медицинский дискурс; мем; карикатура; русский язык; арабский язык; французский язык.

Цитирование: Дугалич Н. М. Почерк врача как прецедентный феномен // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 2 (66). С. 19–29. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-19-29.

Doctors' Handwriting as a Precedent Phenomenon

Natalia M. Dugalich

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

The purpose of the article is to evaluate the phenomenon of doctors' handwriting, which is often used in comic polycode genres as a precedent phenomenon, and to consider the semantics of its use in the context of caricature and meme in three linguistic cultures — Russian, Arabic, and French. The study provides a descriptive analysis of more than 1,300 polycode messages the medical dis-course in various linguistic cultures . The choice of texts of various genres is determined by their subject matter

(doctor – patient and doctor – doctor communication) as well as by the presence of medical terminology and medical symbols. The author believes that as a non-verbal sign verbalized in a polycode text, doctors' handwriting receives the status of a symbol and is transformed into an iconic precedent phenomenon, typically realized as a precedent situation. The study shows that precedent phenomena, often used in comic polycode genres, are more frequently represented by national precedent phenomena, comprehensible only to carriers of a particular linguistic culture. The precedent phenomenon under consideration, however, is supranational, since its use in the verbal and visual range of polycode texts (caricatures and memes) in different national cultures reflects the same authorial intentions, forms similar contexts, and has similar meanings.

Key words: precedent phenomenon; medical discourse; meme; caricature; Russian language; Arabic language; French language.

Citation: Dugalich, Natalia M. (2024) Doctors' Handwriting as a Precedent Phenomenon. *LUNN Bulletin*, 2 (66), 19–29. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-19-29.

1. Введение

Жанровое своеобразие медицинского дискурса остается актуальным направлением в современной лингвистике. Исследования ведутся в области изучения монокодовых и поликодовых текстов различных жанров (Косицкая, Матюхин 2018; Дугалич 2023), коммуникативных стратегий (Жура 2008; Зубкова 2020), языковых средств, используемых в медицинском дискурсе (Ткачева 2022; Степанова 2022). Принадлежность текстов разных жанров к медицинскому дискурсу определяется их содержанием (различные аспекты здоровья человека), формой (использованием лексических единиц, принадлежащих к лексико-тематическим группам *болезнь, физиология, лекарство, гигиена, ЗОЖ* и др.), участниками общения (преимущественно врач — пациент, врач — врач), включением терминов, символов (белый халат, красный крест, медицинские инструменты и оборудование и др.). Данное исследование посвящено *почерку врача* как прецедентному тексту в трех лингвокультурах и проведено на материале русского, французского и арабского языков. Общее число поликодовых текстов, которые были получены методом сплошной выборки из сети Интернет, — более 1300. Выбранные для анализа 600 текстов относятся к двум жанрам: карикатура и мем. Поликодовый текст (Новоспаская, Дугалич 2022) позволяет рассмотреть прецедентный характер данного феномена в двух рядах — визуальном и вербальном — и определить общее в его оценке в трех рассматриваемых лингвокультурах.

Прецедентные феномены (ПФ) вербального уровня, рассматриваемые в работах Ю. Н. Караулова (Караулов 1987), Д. Б. Гудкова (Гудков, Захаренко, Красных, Багаева 1997: 111–112), Г. Г. Слышкина (Слышкин 2000), Л. А. Мардиевой (Мардиева 2016) и мн. др., понимаются и классифицируются как 1) прецедентные ситуации; 2) прецедентные тексты; 3) прецедентные имена; 4) прецедентные высказывания (Гудков, Захаренко, Красных, Багаева 1997: 83–86). Л. А. Мардиева указывает на разделение прецедентных феноменов на вербальные и визуальные,

которые представлены иконическими (карикатуры, рисунки, фотографии и др.) и жестовыми (позы, взгляды, движения рук и др.) прецедентными феноменами (Мардиева 2016: 290–293). Исходя из понимания феномена *почерк врача* как невербального знака, подлежащего вербализации и выступающего в определенном контексте как символ, мы относим данный культурный феномен к иконическим прецедентным феноменам, реализованным как прецедентная ситуация.

Лингвокультурные особенности поликодового текста частотно рассматриваются в лингвистике в аспекте включенности прецедентных феноменов, которые становятся эффективным инструментом компрессии текста практически во всех малых поликодовых жанрах, в том числе, для создания комического эффекта (Кустова 2011; Нефедова, Сотникова 2020; Цзоу, Новоспасская 2021) в рекламе, карикатуре и мемах.

Цель настоящего исследования состоит в описании малых поликодовых жанров медицинского дискурса в аспекте использования прецедентного феномена *почерк врача*.

Задачи исследования включают: 1) анализ прецедентных феноменов полученных методом сплошной выборки карикатур и мемов на русском, французском и арабском языках; 2) типологизацию использованных прецедентных феноменов; 3) сопоставительный анализ прецедентного феномена *почерк врача* с точки зрения интенции автора, контекста и смысла.

2. Характеристика материала и методов исследования

Поликодовые тексты, содержащие прецедентный феномен *почерк врача*, составили 4 % от общего числа текстов: 4 мема на русском языке, 2 мема на французском языке, 3 мема на арабском языке и по 4 карикатуры на рассматриваемых языках (всего 21 текст). Анализ отобранных текстов проведен с использованием количественного, семантического и контекстного методов по алгоритму анализа поликодового текста политического дискурса (Эбзеева, Дугалич 2018).

3. Результаты исследования и их обсуждение

В ходе анализа установлено, что прецедентный феномен *почерк врача* можно оценить как прецедентный феномен наднационального уровня, поскольку основные его маркеры совпадают в трех рассмотренных лингвокультурах в двух жанрах — карикатуре и меме.

3.1. Прецедентный феномен на материале карикатуры

Карикатуры медицинского дискурса — сложившееся явление в медиапространстве, поскольку в них комически осмысливается широкий круг общественных проблем. 25 % карикатур содержат прецедентные феномены на вербальном

и / или визуальном уровне. Как правило, данные прецедентные феномены относятся к знакам культуры, которые идентифицируются только носителями конкретной лингвокультуры, например, на Рис. 1а мы видим, как обыгрывается сюжет сказки «Репка». На карикатуре изображены герои сказки: дед, бабка, Жучка, кошка и мышка. Около выросшей репы полулежит дед, страдающий от боли в животе (на это указывает кинесика персонажа: прикрытые глаза, рука лежит на области подреберья); рядом валяются бутылки из-под спиртного, бабка и животные встревожены. Бабка сообщает врачу причину вызова трансформированным зачином сказки: «Посадил дед ~~репу~~ печень!» Языковая игра строится на употреблении в трансформированном зачине лексико-семантического варианта (ЛСВ) глагола *посадить* в переносном значении (ЛСВ₁ *посадить* ‘закопать корнями в землю для выращивания’ и ЛСВ₂ *посадить* ‘длительным использованием привести в непригодное к использованию состояние’).

Французская карикатура (см. Рис. 1б) включает два прецедентных феномена:

1. Использование чисел 33 и 50 в коммуникации врача и пациента. Во время аускультации органов дыхания французские врачи просят пациентов сказать «тридцать три», потому что артикуляция *trente-trois*, содержащая носовые и вибранты, позволяет врачу воспринимать вибрации грудной клетки, передаваемые голосом. В контексте карикатуры 33 воспринимается как сумма, которую министр здравоохранения *Docteur Braun* ‘доктор Брон’ предлагает как цену осмотра (*Dites 33 !* ‘Скажите 33!’). Ему возражает обнищавший врач (на это указывает лозунг демонстранта, отсутствие одежды в визуальном ряду и *Médecin en grève* ‘бастующий врач’ в вербальном компоненте): *Non ! 50 € !* ‘Нет! 50 евро!’.

2. Подпись на бейджике врача *Docteur Braun* ‘доктор Брон’ — министр здравоохранения и профилактики Франции в период с 4 июля 2022 г. по 20 июля 2023 г.

В арабской карикатуре (см. Рис. 1в) при обсуждении хирургами плана операции используется известная арабская счетная игра *حقرا ... بقرا* ‘хакра-бокра’, в которую играют дети с целью выбрать что-то или кого-то во время игры:

- أي عرق، أقطع؟ ‘Какой сосуд резать?’
 – نسيت نظرية "حقرا ... بقرا"؟ ‘Ты забыл считалочку хакра-бокра?’

В трех рассмотренных примерах авторская интенция не воспринимается реципиентом без знания прецедентных феноменов. Интегративные отношения, при которых текст, содержащий прецедентные знания, дополняет изображение для совместной трансляции информации, опираются на сказку «Репка» — прецедентный феномен, который необходим читателю для достижения комического эффекта.

а

б

в

Рис. 1. Примеры карикатур, содержащих национальные ПФ

В карикатурах, представленных в подборке 2, используется прецедентный феномен *почерк врача*.

На Рис. 2а врачи (мы идентифицируем мужчин как врачей по надетым на них белым халатам, под которыми видны галстук и рубашка), оказавшиеся на необитаемом острове, объединены отсутствием навыка разборчивого письма: каждый мужчина оставляет на песке надпись SOS, которая на самом деле является каракулями. Таким образом, почерк врача маркируется как профессиональная особенность.

На Рис. 2б изображены врачи (*Manifestation des médecins* 'демонстрация врачей'), обсуждается имеющее мировую известность общественное явление — забастовки медиков, основным требованием которых является многоаспектное реформирование системы здравоохранения Франции.

В обсуждаемой подборке почерк врача интерпретируется в ситуациях двух типов: 1) когда врачи заинтересованы в полноценной коммуникации (Рис. 2а и 2б); 2) когда написанное врачом сообщение нечитаемо из-за экономии усилий (стандартная ситуация заполнения медицинских протоколов). На Рис. 2б врачи узнаются по белым халатам и фонендоскопам (наиболее частотный символ врача в поликодовых текстах медицинского дискурса наряду с красным крестом). Эту информацию дублирует единица вербального компонента *médecins* 'врачи'. Также на рисунке у каждого врача на шее виден небрежно повязанный шарф — визуальный символ француза, часть французского культурного кода (Каллан 2019).

На Рис. 2в отчаявшийся прочитать эпикриз пациент в сопровождении жены приходит к врачу или работнику аптеки с просьбой прочитать написанное. Это вызывает затруднения, и возникает следующий обмен репликами:

– مين ع يفك خط الدكتور

‘Кто может расшифровать почерк врача?’

– الذي نسبته من عنده.

‘Тот, кто это написал’

Таким образом, прецедентный феномен *почерк врача* интерпретируется не как профессиональная особенность, объединяющая врачей, а как непрофессионализм, затрудняющий получение лечения больным. Данную интенцию поддерживают 2 карикатуры на русском языке, 2 карикатуры на французском языке и 1 арабская карикатура.

а

б

в

Рис. 2. Примеры карикатур, содержащих ПФ *почерк врача*

3.2. Прецедентный феномен на материале мема

Мем — новое явление в интернет-пространстве, это изображение (обычно фотография), сопровождаемое небольшим текстом, в котором визуально и вербально выражается сатирическое отношение к актуальной общественной проблеме или явлению, реализующее прагматическую функцию, многократно повторяемое (реплицируемое, вирусное), часто серийное (Гусейнова, Дугалич, Ломакина и др. 2022). Мем широко распространен в рассматриваемых лингвокультурах, в русскоязычном интернете представлен также особый вид мема — демотиваторный постер. По сложившейся в русскоязычном и англоязычном интернет-пространстве традиции предполагается черный или синий фон демотиватора, Times New Roman как закреплённый шрифт и комментарии в лаконичной форме (Бугаева 2011; Каменева, Рабкина 2013). Мем (как и демотиватор) медицинского дискурса ранее не рассматривался в научной литературе на русском языке.

Приведем примеры мемов, построенных на прецедентных феноменах одной лингвокультуры. Визуальной основой демотиватора на русском языке (см. Рис. 3а) стал кадр из кинофильма Леонида Гайдая «Кавказская пленница» (1967), на котором изображен врач психиатрической клиники в сопровождении медсестры. Врач произносит ставшую прецедентным высказыванием фразу: «Алкоголики — это наш профиль!», которая используется как подпись под изоб-

ражением. Демотиватор обыгрывает дихотомию *пациент психиатрической клиники* (нервничающий Шурик) — *врач психиатрической клиники* (спокойный, оптимистично настроенный человек) и *нервный* — *спокойный* в подписи *Алкоголь убивает нервные клетки, остаются только спокойные.*

а

б

в

Рис. 3. Примеры мемов медицинского дискурса, содержащих национальные ПФ

На Рис. 3б представлен французский мем, на котором жизнерадостный мужчина-врач готов записать жалобы пациента: *Alors...* ‘Итак...’ *Dis-moi tout ce que t’as dit à l’infirmière il y a 5 minutes* ‘Скажи мне все, что ты сказал медсестре 5 минут назад’. Подтекст мема объясняется прецедентным знанием — общественной проблемой Франции, которая получила название «медицинская пустыня». В настоящее время в стране не хватает врачей всех специальностей, не выходят на пенсию врачи преклонных лет, прием ведут средние медицинские работники.

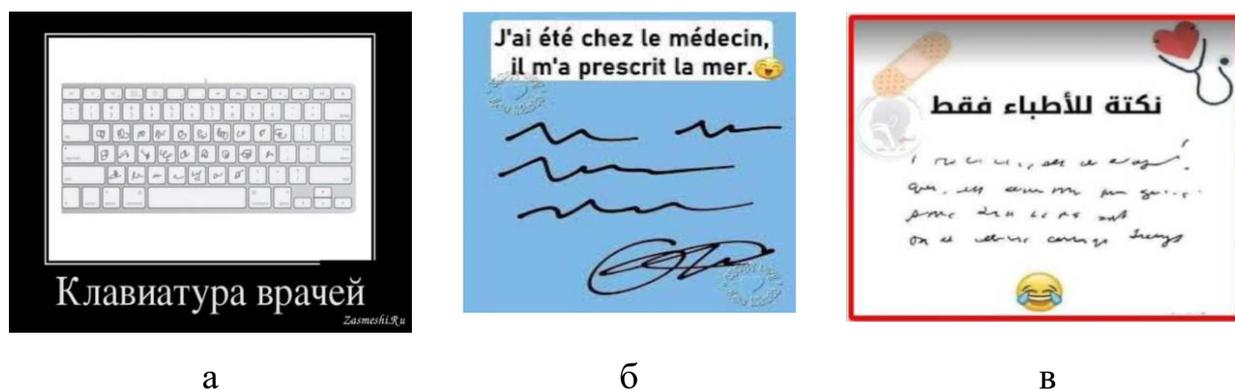
Рис. 3в — мем на арабском языке, комический эффект которого построен на упоминании песни известной ливанской певицы Файруз *Sahar El Layali Violin* из альбома *Fairuz Instrumental 3*. На изображении читатель видит фрагмент приема стоматолога, содержащий диалог медсестры и пациентки:

– افتحى فمك احكى ااه	‘Открой рот и скажи «а»’
– اه اه اه اه اه	‘Аааааааааа-х’
– يا سهر الليالي	‘Бессонные ночи’.

Пациентка в ответ на просьбу начинает петь песню, которую, несмотря на нарушенную открытием рта артикуляцию, узнает медсестра.

В демотиваторе на русском языке (см. Рис. 4а) представлена фотография клавиатуры с раскладкой из непонятных символов, повторяющихся, как следует

понимать реципиенту, элементы почерка врача. Данный мем обращается к теме перехода врачей на ведение записей в электронных картах, что, как предполагается, в условиях перехода на цифровое ведение документации в сфере здравоохранения позволит уйти от давно существующей проблемы нечитаемого почерка врача.

а б в
Рис. 4. Примеры мемов, содержащих ПФ почерк врача

Французский мем (см. Рис. 4б) иллюстрирует вариативные способы интерпретации выданного врачом заключения: *J'ai été chez le médecin, il m'a prescrit la mer* 'Я был у врача, он прописал мне море'. Дублирующая связь вербального и визуального компонентов поликодового текста (волнообразная запись врача на голубом фоне и лексическая единица *la mer* 'море' / фотография записи в медицинской карте и фраза *le médecin m'a prescrit* 'врач мне прописал' создают комический эффект).

Арабские мемы не имеют сложившейся формы, в частности, рамка может быть цветная, а вывод не вынесен за пределы изображения, однако по содержанию, главным образом по иронической подписи, мы относим подобные интернет-изображения (см. Рис. 4в) к мемам. Перед нами объявление, написанное врачом, а также набор символов, иллюстрирующих принадлежность к медицинскому дискурсу: в углах объявления изображены фонендоскоп, сердечко и пластырь. Изображение сопровождается подписью *نكتة للأطباء فقط* 'шутка только для врачей'. Мем иллюстрирует особенность почерка врача, которая заключается в том, что написанное одним врачом прочитывается другим врачом без особых усилий, т. е. перед нами объединяющее врачей профессиональное явление. В расшифровке написанного помогает четкая структура любого медицинского документа: так, например, визит пациента к врачу описывается в строго определенном порядке в таких разделах, как жалобы, анамнез, эпиданамнез, диагноз, лечение, а сложившийся контекст позволяет расшифровать непонятные элементы отдельных слов. Французский и арабский мемы сопровождаются смеющимся смайликом.

4. Заключение

Исследование показало, что прецедентные феномены являются эффективным средством создания комического эффекта в поликодовых комических жанрах медицинского дискурса — карикатуре и меме. Рассмотренный языковой материал позволил увидеть необходимость декодирования прецедентной основы текста для восприятия смысла и понимания интенции автора.

Выделенные в массиве мемов и карикатур тексты на русском, французском и арабском языках, использующие прецедентный феномен *почерк врача*, демонстрируют однообразие в его интерпретации. Использование данного феномена на материале карикатуры и мема объединяется в такие темы, как профессиональная солидарность врачей, неэффективная коммуникация врача и пациента, который воспринимает почерк как шифр, и маркер социальной группы. Рассмотренные поликодовые тексты характеризуются идентичной интенцией автора (создание комического эффекта и / или обсуждение общественной проблемы через высмеивание), формируют схожие контексты (профессиональное общение или обращение врача к больному) и имеют близкие смыслы. Нами не отмечены культурно значимые коннотации в использовании прецедентного феномена *почерк врача*, что позволяет оценить данный прецедентный феномен как элемент прецедентности наднационального уровня.

Список литературы / References

- Бугаева И. В. Демотиваторы как новый жанр в интернет-коммуникации: жанровые признаки, функции, структура, стилистика // *Стиль*. 2011. № 10. С. 147–158. [Bugaeva, Irina V. (2011) Demotivatory kak novyy zhanr v internet-kommunikatsii: zhanrovye priznaki, funktsii, struktura, stilistika (Demotivators as a New Genre in Internet Communications: Genre Features, Functions, Structure, Style). *Style*, 10, 147–158. (In Russian)].
- Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В., Багаева Д. В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // *Вестник Московского государственного университета. Серия 9. Филология*. 1997. № 4. С. 106–118. [Gudkov, Dmitriy B., Zakharenko, Irina V., Krasnykh, Viktoria V., & Bagaeva, D. V. (1997) Nekotorye osobennosti funktsionirovaniya pretsedentnykh vyskazyvaniy (Some Features of the Functioning of Precedent Statements). *Lomonosov Philology Journal*, 4, 106–118. (In Russian)].
- Гусейнова Л. Д., Дугалич Н. М., Ломакина О. В. и др. Отражение социокультурного контекста в русских, французских и азербайджанских интернет-мемах // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2022. № 13 (4). С. 1020–1043. [Guseynova, Lala D., Dugalich, Natalia M., Lomakina, Olga V., et al. (2022) Otrazhenie sotsiokul'turnogo konteksta v russkikh, frantsuzskikh i azerbaydzhanskikh internet-memakh (The Reflection of the Socio-Cultural Context in Russian, French and Azerbaijani Internet Memes). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13 (4), 1020–1043. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-1020-1043. (In Russian)].

- Дугалич Н. М. Конститутивные признаки медицинского плаката [Электронный ресурс] // Российский социально-гуманитарный журнал (Вестник МГОУ). 2023. № 4. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1366> (дата обращения 15.01.2024). [Dugalich, Natalia M. (2023) (2024, January 15) Konstitutivnye priznaki meditsinskogo plakata (Constitutive Characteristics of a Medical Poster). *Russian Social and Humanitarian Journal*, 4. Retrieved from: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1366>. (In Russian)].
- Жура В. В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении: Дис. ... д-ра. филол. наук. Волгоград, 2008. [Zhura, Viktoria V. (2008) *Diskursivnaya kompetentsiya vracha v ustnom meditsinskom obshchenii*: Dis. ... d-ra filol. nauk (Discursive Competence of a Doctor in Oral Medical Communication: PhD (Advanced) Thesis in Philology). Volgograd. (In Russian)].
- Зубкова О. С. Репрезентация смысловой предикации в медицинском дискурсе // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 4 (39). С. 83–90. [Zubkova, Olga S. (2020) Re-presentatsiya smyslovooy predikatsii v meditsinskom diskurse (Representation of Semantic Predication in Medical Discourse). *Theory of Language and Intercultural Communication*, 4 (39), 83–90. (In Russian)].
- Каллан Д. К. Бонжур, Счастье! Французские секреты красивой жизни. М.: ОДРИ, 2019. [Callan, Jamie K. (2019) *Bonzhur, Schast'ye! Frantsuzskkiye sekrety krasivoy zhizni* (Bonjour, Happiness! French Secrets of a Beautiful Life). Moscow: ODRI. (In Russian)].
- Каменева В. А., Рабкина Н. В. Функциональный и прагматический потенциал демотиваторов как визуально-вербальной формы современной интернет-коммуникации // Политическая лингвистика. 2013. № 1 (43). С. 144–151. [Kameneva, Verinika A., & Rabkina, Nadezda V. (2013) Funktsional'nyy i pragmaticheskiy potentsial demotivatorov kak vizual'no-verbal'noy formy sovremennoy internet-kommunikatsii (Functional and Pragmatic Potential of Demotivators as a Visual-verbal form of Modern Internet Communication). *Political Linguistics*, 1 (43), 144–151. (In Russian)].
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. [Karaulov, Yuriy N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* (Russian Language and Linguistic Personality). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Косицкая Ф. Л., Матюхина М. В. К вопросу о жанровой палитре медицинского дискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 7 (196). С. 43–47. [Kositskaya, Faina L., & Matyukhina, Maria V. (2018) K voprosu o zhanrovoy palitre meditsinskogo diskursa (On the Question of the Speech Genre Differentiation of the French Scientific Medical Discourse). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 7 (196), 43–47. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-133-137. (In Russian)].
- Кустова О. А. Комизм в поликодовых текстах малого формата (на материале карикатуры) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2011. № 2. С. 114–119. [Kustova, Olga A. (2011) Komizm v polikodovykh tekstakh malogo formata (na materiale karikatury) (Comedy in Small Format Polycode Texts (Based on Caricatures)). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2, 114–119. (In Russian)].
- Мардиева Л. А. Виртуальная действительность в языковой и в неязыковой репрезентации (на материале медиатекстов): Дис. ... д-ра. филол. наук. Казань, 2016. [Mardieva, Lyaylya A. (2016) *Virtual'naya deystvitel'nost' v yazykovoy i v neyazykovoy reprezentatsii (na materiale mediatekstov)*: Dis. ... d-ra. filol. nauk (Virtual Reality in Linguistic and Non-linguistic Representation (Based on Media Texts): PhD (Advanced) Thesis in Philology). Kazan. (In Russian)].

- Нефедова Л. А., Сотникова Е. С. Лингвокультурные особенности русскоязычного дискурса социальной рекламы о безопасности дорожного движения // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2020. Вып. 50. С. 40–55. Nefedova, Lubov' A., & Sotnikova, Elizaveta S. (2020) Lingvokul'turnye osobennosti russkoyazychnogo diskursa sotsial'noy reklamy o bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya (Linguistic and Cultural Features of the Russian Public Service Advertising Discourse on Road Safety). *LUNN Bulletin*, 50, 40–55. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-50-2-40-55. (In Russian)].
- Новоспасская Н. В., Дугалич Н. М. Терминосистема теории поликодовых текстов // Русистика. 2022. № 20 (3). С. 298–311. [Novospasskaya, Natalia V., & Dugalich, Natalia M. (2022) Terminosistema teorii polikodovykh tekstov (Terminology of the Theory of Polycode Texts). *Russian Language Studies*, 20 (3), 298–311. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311. (In Russian)].
- Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. [Slyshkin, Gennady G. (2000) *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnyye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* (From Text to Symbol: Linguocultural Concepts of Precedent Texts in Consciousness and Discourse). Moscow: Academia. (In Russian)].
- Ткачева Т. А. Инициальные аббревиатуры как результат процесса компрессии в медицинском терминологическом образовании и их языковой статус (на материале русского и французского языков) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 19 (1). С. 42–48. [Tkacheva, Tat'yana A. Initsial'nye abbreviatury kak rezul'tat protsessa kompressii v meditsinskom terminoobrazovanii i ikh yazykovoy status (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov) (Abbreviations as a Result of Compression in Medical Term Formation and Their Language Status (based on the Russian and French Languages). *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 19 (1), 42–48. DOI: 10.14529/ling220106. (In Russian)].
- Цзоу Х., Новоспасская Н. В. Классификация элементов лингвокультурологической информации в поликодовом тексте печатной рекламы на материале русского и китайского языков // Litera. 2021. № 2. С. 1–10. [Zou, Huajing, & Novospasskaya, Natalia V. Klassifikatsiya elementov lingvokul'turologicheskoy informatsii v polikodovom tekste pechatnoy reklamy na materiale russkogo i kitayskogo yazykov (Classification of the Elements of Linguoculturological Information in The Polycode Text of Print Advertising Based on the Material of Russian and Chinese Languages). *Litera*, 2, 1–10. DOI: 10.25136/2409-8698.2021.2.35001. (In Russian)].
- Эбзеева Ю. Н., Дугалич Н. М. Методика анализа креолизованного текста политической карикатуры на арабском и французском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. № 23 (1). С. 127–133. [Ebzeeva, Yulia N., & Dugalich, Natalia M. (2018) Metodika analiza kreolizovannogo teksta politicheskoy karikatury na arabskom i frantsuzskom yazykakh (Methodology for Analyzing Creolized Text of Political Cartoon in the Arabic and French Languages). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 23 (1), 127–133. DOI: 10.22363/2312-9220-2018-23-1-127-133. (In Russian)].
- Stepanova, Elena S. (2022) Metaphorical Representation of Coronavirus in Medical Myths. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13 (1), 174–183. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-1-174-183.

УДК 81'1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-30-42

ИСЛАМСКАЯ ТЕРМИНОСИСТЕМА В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ И МУСУЛЬМАНСКОЙ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

И. А. Зубайдуллаев

Самаркандский государственный университет имени Шарофа Рашидова,
Самарканд, Республика Узбекистан

В последние десятилетия отмечается тенденция интереса и обращения многих народов к своим национальным истокам, в том числе к религии, что находит отражение в распространении, возвращении в обиход и в язык религиозной лексики. Анализ заимствованных в русский язык лексем ислама показывает активный процесс адаптации данных теонимов к русскому тексту религиозного дискурса. Наряду с духовной литературой, опубликованной на русском языке, одним из основных источников пополнения русского языка теологической лексикой ислама являются интернет-ресурсы: специализированные сайты, соцсети, «Ютьюб», интернет-СМИ.

Цель данной статьи – рассмотреть процесс адаптации заимствований и возрождения отдельных мусульманских религиозных терминов в русском языке.

Основными источниками изучения функционирования исламизмов в интернет-пространстве являются различные интернет-ресурсы как религиозного, так светского и новостного содержания. Функционирование данных религиозных терминов изучалось с использованием описательного метода.

Ключевые слова: ислам; теонимы; религия; лексика; интернет-пространство.

Цитирование: Зубайдуллаев И. А. Исламская терминосистема в современном интернет-пространстве и мусульманской духовной литературе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 2 (66). С. 30–42. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-30-42.

Islamic Terminology in Online Media Space and Muslim Spiritual Literature

Ibodullo A. Zubaidullaev

Samarkand State University named after Sharof Rashidov,
Samarkand, Republic of Uzbekistan

In recent decades, many ethnic groups have displayed a growing interest towards and a turning to their national origins, including religion, and this process has brought about the return of religious vocabulary into national languages, expansion of the religious layer of the language's vocabulary, and its popularization. The analysis of borrowed Islamic lexemes provided in the study shows an active process of adaptation of these theonyms to Russian religious texts. Along with spiritual literature published in Russian, Internet resources remain an important source of replenishing the Russian

layer of theological vocabulary with Islamic terms. The purpose of the article is to examine the process of adaptation of Islamic borrowings as well as recovery of individual Muslim religious terms in the Russian language. The main sources of material for the study of how Islamic terms function in the online media space are various Internet resources with religious, secular, and news content, and the author uses the descriptive method for his analysis.

Citation: Zubaidullaev, Ibodullo A. (2024) Islamic Terminology in Online Media Space and Muslim Spiritual Literature. *LUNN Bulletin*, 2 (66), 30–42. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-30-42.

1. Введение

Основной предпосылкой взаимовлияния языков являются исторические контакты народов. Как считает Л. П. Крысин, «...наличие более или менее тесных политических, экономико-промышленных и культурных связей между народами-носителями языков являются причинами заимствования слов одного языка другим» (Крысин 2004: 25). Однако в настоящее время немаловажную роль в процессе заимствования лексики играют интернет-ресурсы.

Исследователи, изучающие современные заимствования в русский язык, отмечают большой поток англицизмов через Глобальную сеть. Так, А. В. Зорина пишет: «В связи с популяризацией интернета последние три десятилетия охарактеризованы волной массовых заимствований англицизмов» (Зорина 2018: 6).

Через интернет-пространство происходит не только заимствование англицизмов или слов из европейских языков. Глобальная сеть является одним из существенных факторов проникновения лексем из религиозных источников и их быстрой адаптации в русскоязычной среде. Предмет исследования обусловлен данным фактом.

Изучению православной лексики и святцев посвящены работы О. Н. Емельяновой (Емельянова 2012), И. К. Матея (Матей 2016), С. А. Смирновой (Смирнова 2014), А. С. Щербак (Щербак 2017) и других исследователей.

В данной работе рассматривается проникновение теологической лексики ислама.

Под исламизмами мы будем понимать слова-заимствования, обозначающие реалии материальной и духовной культуры ислама, из мусульманских духовных источников, включая Куран, хадисы, тафсир (толкование Курана), труды исламских ученых-богословов, фикх и произведения искусства, истории, литературы и т. д.

В настоящее время массмедиа, в том числе интернет-СМИ, являющиеся средой установления многочисленных контактов, активно способствуют заимствованию исламизмов в русскоязычный сегмент религиозной терминосистемы.

По нашему мнению, существование множества сайтов, посвящённых исламу, обусловлено, с одной стороны, тем, что ислам затрагивает все стороны

жизни мусульман, а с другой — широким охватом мусульманской аудитории в России и странах постсоветского пространства.

В силу определенных факторов отдельные исламизмы, функционировавшие в русском языке (в российском обществе), вышли из активного употребления по экстралингвистическим причинам и исчезли из поля зрения не только общественности, но и представителей отдельных профессий (социологов, политологов, журналистов). В последнее время по мере возрождения ислама в России и на бывшем постсоветском пространстве активно используется в работах исследователей словосочетание «исламское возрождение» (Солтанова 2015; Буттаева 2010, 2014, 2015). Если исламский фактор для представителей названных направлений представляется интересным, то для лингвистов также является актуальным вопрос заимствований из исламской терминосистемы.

Проблема исламских религиозных терминов частично исследована в работах, посвященных функционированию арабизмов и восточных заимствований в русском языке (Александрова 2011; Бахтиярова, Фаткуллина 2015; Аль Каззаз, Байкулова 2019, 2021 и др.), а исламские религионимы и их функционирование в русском языке на данном этапе развития науки недостаточно изучены.

На наш взгляд, одним из актуальных направлений современного сравнительно-сопоставительного языкознания является сфера терминосистемы ислама и ее состояние в религиозной литературе и интернет-пространстве раскрытие содержательной стороны исламизмов, путей их проникновения в русский язык. Этими факторами обуславливается актуальность представленного исследования.

Задачи исследования заключаются в:

- выявлении лексем-исламизмов в текстах духовной литературы и интернет-пространстве;
- описании их функционирования и трактовки в соответствии с выявленными источниками;
- изучении процесса адаптации рассматриваемых лексем в русском языке и русской речевой практике в интернет-пространстве.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования послужили интернет-ресурсы, ориентированные на ислам и мусульманскую духовную литературу, а также толковые словари русского языка, в которых закреплены исламизмы.

В работе применялись следующие методы: описательный, семантико-стилистический, структурно-смысловой, метод дискурсивного, контекстуального, функционального и культурологического анализа.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Ислам затрагивает абсолютно все аспекты жизни человека, который его исповедует. Правоверные мусульмане, или, как их еще называют, «соблюдающие мусульмане», стараются жить согласно канонам своей религии, чтобы каждое их действие осуществлялось в соответствии с требованиями шариата. По этой же причине в последнее время на русскоязычных исламских сайтах и в литературе «шариат» стал одним из самых частотных терминов наряду со многими лексемами, которые нами уже описаны (см. [Зубайдуллаев 2021, 2022]).

Ислам — не только религиозное учение, но и особая культура. Он регламентирует деятельность мусульманина во всех сферах его жизни. Формирование образа жизни, регулирование различных его сторон осуществляется шариатом или специальными предписаниями. Слово «шариат» в арабском языке дословно означает «водопой» или «источник», затем его стали употреблять в значении «прямой путь» (Шейх Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф 2022: 88).

В отличие от многих других исламских теонимов, закрепившихся в интернет-пространстве, лексема «шариат» зафиксирована во многих словарях, в том числе в толковых словарях русского языка. Если обратиться ко времени расцвета ислама в Поволжье и Приаралье, то на обширных территориях сегодняшней Российской Федерации с X–XVI веков действовали законы шариата. После присоединения данных территорий к Российскому государству сохранились и действовали шариатские суды (Старостина 2002). Термин «шариат» использовался и в дореволюционный период, и в первые годы советского правления в так называемых «шариатских судах». «На проходившем в мае 1917 года во Владикавказе Первом съезде горских народов Кавказа было решено “ввести во всех судах по всем делам мусульман правила Корана и шариата”». Лишь после революции 1917 г. они были сначала ограничены и позже упразднены полностью (Бобровников 2011).

Однако после этих событий слово «шариат» сохранилось лишь в словарях русского языка; поскольку такого понятия не существовало в жизни советского общества, в речевом обиходе это слово и не использовалось.

Рассмотрим трактовки лексем «шариат» в толковых словарях русского языка. Так, в Толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой данная лексема трактуется как «Совокупность религиозных и юридических норм, основанных на Коране; мусульманское право» (Ефремова 2012); в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: «В исламе: свод религиозных и юридических правил, основанных на Коране» (Ожегов, Шведова 1994); в Словаре русского языка: «Совокупность религиозных и юридических норм мусульманского феодального права, действующих в некоторых странах, где ислам

является государственной религией» (Евгеньева 1999). Аналогичные объяснения мы находим и в других словарях.

В советской публицистике избегали использовать слово «шариат», а где необходимо было его употребить, заменяли словосочетанием «законы ислама». С начала 90-х гг. XX века данная лексема вновь стала использоваться в текстах различных жанров, особенно научных, как и многие другие исламские понятия, которые представлены в литературе и на интернет-ресурсах, например: «Какую роль в жизни мусульманского общества играет шариат?» (<https://otvet.mail.ru/question/48700334>); «Есть ли у христиан аналог мусульманского шариата? Если да, то как это называется?» (<https://otvet.mail.ru/question/216983739>); «...Шариат не признает игры на деньги, так как считает, что азартные люди...» (<https://autogear.ru/article/162/762/chto-takoe-shariat-islamskiy-shariat/>); «...исламской этико-правовой системы называются шариатом» (<https://studfile.net/preview/5176467/page:21/>); «Какие цели преследует шариат? Существуют ли доказательства целей шариата? Для чего вообще современным мусульманам шариат?» (https://vk.com/wall-3963339_318270); «Источники шариата на современном этапе» (<https://topwork24.ru/readyworks/37935>); «Путь шариата в оберегании супружеской жизни» (<https://lektsii.org/10-30775.html>); «Шариат. Закон жизни мусульман» (<http://lawlibrary.ru/izdanie33296.html>).

Таким образом, лексема «шариат» достаточно широко используется в интернет-пространстве. Слово употребляется и в значении «религия». Разница в том, что «религия» включает в себя как вопросы вероубеждения (акийда), так и практические вопросы. В этом смысле «шариат» представляет практическую, т. е. внешнюю сторону духовной жизни мусульман (Хамди 2013: 35). В настоящее время слово «шариат» находится в процессе перехода из категории периферийной лексики в категорию активной лексики.

Основными источниками шариата являются Куран и Сунна. Обратим внимание на слово «сунна», которое в последние годы весьма широко используется как профессиональная лексема теологов в произведениях на русском языке по теме ислама. Как и многие другие исламские термины, он безэквивалентен и не имеет синонимов не только в русском, но и других языках мира.

Сунна дословно обозначает «духовный путь», «пример», «образец» и имеет три основных значения: «1. Переданные и дошедшие все сведения относительно высказываний, поступков и одобрений Пророка Ислама, включающие его нравственные качества, биографию, применяется в терминологии мухаддисов (наука о хадисах); 2. Категория деяний по примеру Пророка, требующихся шариатом некатегоричным образом, по вероубеждению мусульманина; выполняющие получают воздаяние, невыполнивший не осуждается; применяется в терминологии факихов (лиц, которые занимаются исламской юриспруденцией);

3. Исходившие от Пророка высказывания, действия или одобрения (хукмы), которые могут служить доводом-доказательством для положений шариата» (Шейх Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф 2012: 15). С точки зрения допустимости человеческих поступков Сунна — требование шариата, но не являющееся обязанностью; за совершение ее человек получает вознаграждение, а не выполнивший ее не осуждается.

Данный религионим достаточно широко представлен в интернет-пространстве. Это иллюстрируют следующие примеры: «Как реагировать, по сунне?» (<https://otvet.mail.ru/question/226118873>); «Сунна — это воплощение по Корану. (<https://otvet.mail.ru/question/210929843>); «Что такое сунна. Степени достоверности хадисов» (<https://islam.global/verouchenie/prorok-mukhammad/sunna/>); «Понятие Сунны» (<https://islamdag.ru/verouchenie/23012>); «12 сунн посланника Аллаха (мир ему и благословение аллаха), которые нам следует возродить в нашей жизни» (<https://azan.ru/maqalat/read/12-sunn-poslannika-Allaha-mir-emu-i-blagoslovenie-Allaha-kotoryie-8791>) и другие.

Итак, исламизм «сунна» достаточно широко представлен в интернет-пространстве, что способствует активному его проникновению в русскоязычную речь.

По нашему мнению, к концу 90-х гг. XX века с началом перевода мусульманской религиозной литературы происходит и процесс адаптации мусульманской теологической системы к русскому языку: перевод книг религиозного содержания с различных языков, в частности с арабского, а также их издание на русском языке. В настоящее время терминосистема ислама прошла в основном адаптацию к русскому языку, но этот процесс ещё не завершён полностью.

На начальном этапе освоения исламизмов в переводе на русский язык такие термины, как «фарз», «ваджиб», «сунна», адаптировавшиеся в духовной литературе на русском языке, передавались лишь одной русской лексемой «обязательные», что было семантически неполноценным, поскольку все они считаются обязательными и имеют различные подуровни в шариатском понимании. Анализ литературы и соцсетей религиозного содержания показывает, что данная проблема решается в русском языке, где благополучно используются теологические термины, обозначающие истинные значения в необходимых контекстах.

Как и в случае с термином «шариат», до 90-х гг. прошлого века слово «сунна» встречалось крайне редко, поскольку не было потребности использовать его в письменных текстах, контексты которых требовали бы подобных терминов. В основном термин употреблялся в проповедях имамов мечетей, хотя на русском языке они читались также редко, причем в стенах всего лишь Исламского института в Ташкенте и медресе «Мир араб» в Бухаре.

Ранее термин «сунна» присутствовал только в словаре Д. Н. Ушакова (Ушаков 1940). В настоящее время термин обрел вторую жизнь и употребляется в свободном сочетании. Он закреплен в Новом толково-словообразовательном словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой как «Мусульманское священное предание, содержащее рассказы о жизни Мухаммеда, а также его высказывания, и являющееся дополнением к Корану». В начале процесса адаптации религионим «сунна» в русских текстах заменялся словом «хадис». Сейчас данный теоним встречается в научных и научно-познавательных статьях, интернет-СМИ и в соцсетях, освещающих исламские темы. Например, «Как правильно понимать следование Сунне и почему это так важно?» (<https://m.islam-today.ru/veroucenie/nravstvennost/kak-pravilno-ponimat-sledovanie-sunne-i-pocemu-eto-tak-vazno/>); «...Живу по Корану и сунне. Суннит.» (<https://otvet.mail.ru/question/41301845>); «... касательно здоровья, гигиены, питания, распорядка дня, сегодня называется лечением по Сунне, или пророческой медициной» (<https://www.facebook.com/sennamed.official/>), «Как правильно входить в дом и покидать его по сунне» (<http://quran-sunna.ru/kak-pravilno-vxodit-v-dom-i-pokidat-ego-po-sunne/>); «Соблюдать все виды суннатов, которые мы получили от Пророка, да благословит его Аллах» (<https://taalib.ru/hadis/253-sunne>); «Этикет бракосочетания согласно пречистой сунне» (<https://lektsii.com/2-84846.html>); «Путешествие в Сунне» (<https://turbina.ru/guide/Sunne-Shvetsiya-123697/>); «...Однако альтернатива таблеткам и сиропам есть — это природные лекарства, известные из Сунны...» (<https://lkray-promo.ru/gripp/kak-lechit-gripp-po-sunne/>); «Как дать имя ребенку по сунне» (<https://hultafors-russia.ru/kak-dat-imya-rebenku-po-sunne>); «Евкуров призвал молодежь показывать свою приверженность к сунне» (<https://gazetaingush.livejournal.com/3669218.html>) и многие другие варианты.

Разумеется, существенная часть религиозной лексики уже стала предметом изучения исследователей-филологов и используется в профессиональной деятельности специалистов-религиоведов, а также религиозных деятелей. Отметим, что данная лексика распространена как в среде мусульман, так и в светском обществе. Относительно недавно большинство русских не знало таких специфических исламских понятий, как халяль, харам, намаз, хадж и др., а сегодня они известны подавляющей части жителей российских регионов.

Поэтому, указывая на многочисленность подобных лексем, О. В. Загорская справедливо отмечает, «...что в настоящее время происходит не только актуализация многих словесных единиц названной группы и повышение частотности их употребления в русских публицистических текстах, но и углубление в русском языковом сознании семантики целого ряда лексем (прежде всего относящихся к важнейшим понятиям мусульманства: хадж, Рамадан, шариат

* Принадлежит компании Meta, признанной экстремисткой и запрещенной в РФ

и т. п.) с учетом традиционной для конфессиональной лексики в целом двуплановости и обращенности не только к бытовому, но и религиозному сознанию» (Загоровская 2001).

«Фетва» (фатуа, фатва; досл. «мнение») в арабском языке употребляется в значениях «молодой человек», «крепкий молодой человек», «решение факиха». «Фатва» как шариатский термин в Большой советской энциклопедии определен как «в мусульманских странах юридическое заключение (обычно в форме вопроса и ответа) высшего религиозного авторитета (муфтия, шейх-уль-ислама) о соответствии того или иного действия или явления Корану и шариату» (БСЭ). Другой источник определяет данный термин следующим образом: «богословско-правовое заключение, сделанное для разъяснения и практического применения какого-либо предписания шари'ата или истолкование какого-либо казуса с позиций шари'ата» (Ислам: Энциклопедический словарь, 1991: 252). Исламский энциклопедический словарь дает иное определение данному теониму: «...в исламском праве — разъяснение какой-либо религиозно-правовой проблемы, а также ответ (ифта) на вопрос религиозного характера (истифта), который дает компетентный человек (муфтий)» (Али-заде 2007: 282).

До событий 1917 г. в местах компактного проживания мусульман на территории России религионим «фетва» функционировал и находился в активном употреблении. Умма Российской империи соблюдала ислам строже, чем современные мусульмане, и старалась следовать религиозным положениям. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона под редакцией И. Е. Андреевского, изданном в 1890–1907 гг., в первой словарной статье, посвященной слову «фетва», отмечено: «...за Фетвой к муфтию обращается или кади (судья), если в законах не находит достаточно ясного указания для какого-нибудь судебного случая, или одна из тяжущихся сторон; да и вне всякого судебного разбирательства Ф. испрашивают себе у муфтия отдельные лица для личного, житейского руководства (напр. по вопросу о разрешении от какого-нибудь обряда, пищи и т. д.)» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона).

В тот же период в трех словарях иностранных слов появляются словарные статьи с этим словом. В словаре А. Д. Михельсона «Объяснение иностранных слов» (1865 г.) слово «саиб-фетва» объяснено как «Турецкое название великого муфти, как главы правосудия» (Михельсон 1877). В Словаре иностранных слов Ф. Павленкова (1907 г.) «фетва» определяется как «приговор муфтия» (Павленков 1907); у А. Н. Чудинова в «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (1910 г.) «фетва» — это: «1) решение турецкого муфти в затруднительном судебном деле. 2) скрепление великим визирем» (Чудинов 1894). Таким образом, авторы связывают данный термин только с лицом, выносящим фетву, что сужает значение данного исламского термина.

Принятый СНК РСФСР 23 января (5 февраля) 1918 г. «Декрет об отделении церкви от государства» способствовал выведению из активного словаря населения религиозных терминов.

С 30-х по 90-е гг. XX века «фетва» переводилась или передавалась в советских текстах как: «мусульманское духовенство вынесло заключение» или «мусульманское духовенство постановило», что привело к исключению данного слова из активного словаря советских мусульман. В настоящее время термин «фетва» активно используется как в речи практикующих мусульман, так и в исламском медиапространстве.

Кроме того, адаптации термина «фетва» в русскоязычном мусульманском обществе способствует периодическое вынесение или объяснение фетв Центрального или региональных духовных управлений мусульман России: «Совет муфтиев ЦДУМ принял фетву, осуждающую войну в Ираке» (<https://www.bashinform.ru/news/politics/2003-04-07/soviet-muftiev-tdum-prinyal-fetvu-osuzhdayuschuyu-voynu-v-irake-2003368>); «Духовное управление мусульман объяснило фетву о недопустимости межконфессиональных браков» (<https://tass.ru/obschestvo/9966309>); «Совет улемов ДУМ РФ принял фетву, регламентирующую убой птицы» (<https://muslim.ru/articles/280/31185/>) и т. д.; статьи, публикуемые улемами (богословами) России в различных журналах или выложенные в сети Интернет, а также интернет-каналы, сайты мечетей: «Фетва об опасных сектах... Данной фетвой мы намерены обозначить признаки тех течений...» (<https://umma.ru/fetva-ob-opasnyh-sektah/>); «О фетве про межрелигиозные браки» (<https://youtu.be/mjmls6ACWIk>); «Как выдается фетва по ханафитскому мазхабу?» (<https://youtu.be/7w6jFYT-IJg>); «Фетва, вышедшая в 2019 г. В РФ» (<https://youtu.be/7YK1YKz3OuY>); «Фетва “Положение относительно работы в местах, где продается алкоголь и свинина”» (<https://youtu.be/oYL-rpQpFFM>); «Что такое фетва и кто может их выносить?» (<http://azan-syzran.ru/chto-takoe-fetva-i-kto-mozhet-ix-vynosit/>) и т. д.

По нашему мнению, политизация ислама экстремистами, деятельность СМИ (телевидение, пресса) способствовали формированию в массовом сознании населения понимания религиозного термина «фетва» как «судебного решения, подлежащего исполнению» или «решения, подлежащего исполнению таких действий, как убийство, террор и т. д.». Разъяснения этого термина, размещенные в сети Интернет, обеспечивают правильное понимание «фетвы» как части духовной культуры ислама.

4. Заключение

Таким образом, по мере увеличения выпуска исламской духовной литературы, числа русскоязычных мусульманских религиозных сайтов происходит обогащение русского языка религиозизмами ислама. В настоящее время продолжаются процессы адаптации мусульманской духовной литературы к языковым возможностям русскоязычных пользователей Всемирной сети, закрепления исламизмов в русском языке, развития особого религиозного стиля на основе ислама.

В связи с большим спросом людей, изучающих и интересующихся исламом, функционирует множество исламских религиозных сайтов, отвечающих на все вызовы современности с учетом доводов шариата. Можно утверждать, что в быстром закреплении в русском языке исламских религиозизмов велика роль Глобальной сети, ресурсы которой ежедневно посещают миллионы людей со всех уголков земного шара и которая становится фактором быстрого распространения исламизмов.

Список литературы / References

- Александрова О. И.* Многозначность заимствованных лексических единиц (на примере лексики арабского происхождения) [Электронный ресурс] // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 1. С. 46–49. [Aleksandrova, Oksana I. (2011) *Mnogoznachnost' zaimstvovannykh leksicheskikh edinit* (na primere leksiki arabskogo proiskhozhdeniya) (Polysemy of Loanwords (as an Example of the Originally Arabic Lexical Units)). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 1, 46–49. (In Russian)].
- Али-заде А. А.* Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. [Ali-zade, Aydin A. (2007) *Islamskii ehntsiklopedicheskii slovar'* (Islamic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Ansar. (In Russian)].
- Аль Каззаз Мохаммед Абд Али Хуссейн, Байкулова А. Н.* Методика изучения иноязычной лексики (на материале арабских заимствований) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Филология. Журналистика. 2019. Т. 19. № 3. С. 310–314. [Al-Qazzaz, Mohammed Abd Ali Hussein, & Baikulova, Alla N. (2019) *Metodika izucheniya inoyazychnoi leksiki* (na materiale arabskikh zaimstvovaniĭ). *Izvestia of Saratov university. New series. Series: Philology. Journalism*, 19, 3, 310–314. (In Russian)]
- Байкулова А. Н., Аль Каззаз Мохаммед Абд Али Хуссейн* Лексика иноязычного происхождения: арабизмы со значением «украшения и оккультные предметы» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. № 4. С. 393–400. [Baikulova, Alla N., & Al-Qazzaz, Mohammed Abd Ali Hussein (2021) *Leksika inoyazychnogo proiskhozhdeniya: arabizmy so znacheniem «ukrasheniya i okkul'tnye predmety»* (Lexis of a Foreign Language Origin: Arabisms with the Meaning of “Jewelry and Occult Objects”). *Izvestia of Saratov university. New series. Series: Philology. Journalism*, 21, 4, 393–400. (In Russian)].
- Бахтиярова А. Н., Фаткуллина Ф. Г.* Арабские заимствования в лексической системе русского языка // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-27. С. 6124–6128 [Bakhtiyarova,

- Alfira N., & Fatkullina, Fluza G. (2015) Arabskie zaimstvovaniya v leksicheskoi sisteme russkogo yazyka (Arabic Loanwords in the Lexical System of the Russian Language). *Fundamental research*, 2-27, 6124–6128. (In Russian)].
- Бобровников В. О. Шариат и адат в российском нормативном пространстве // Государственная служба. 2011. № 5. С. 90–94. [Bobrovnikov, Vladimir O. (2011) Shariat i adat v rossiiskom normativnom prostranstve (Sharia and Adat in the Russian Regulatory Space). *Gosudarstvennaya sluzhba*, 5, 90–94. (In Russian)].
- Буттаева А. М. Исламское возрождение в России // Вестник Дагестанского научного центра. 2009. № 36. С. 71–79 [Buttaeva, Asiyat M. (2009) Islamskoe vozrozhdenie v Rossii (Islamic Renaissance in Russia). *Herald of Dagestan Scientific Center*, 36, 71–79. (In Russian)].
- Буттаева А. М. Качественная характеристика процесса исламского возрождения // Исламоведение. 2014. № 3 (21). С. 30–35. [Buttaeva, Asiyat M. (2014) Kachestvennaya kharakteristika protsessa islamskogo vozrozhdeniya (Qualitative Characteristics of the Process of Islamic Revival). *Islamovedeniye*, 3 (21), 30–35. (In Russian)].
- Буттаева А. М. Качественная характеристика процесса исламского возрождения // Россия и мусульманский мир. 2015. № 10 (280). С. 34–42. [Buttaeva, Asiyat M. (2015) Kachestvennaya kharakteristika protsessa islamskogo vozrozhdeniya (Qualitative Characteristics of the Process of Islamic Revival). *Russia and the Moslem World*, 10 (280), 34–42. (In Russian)].
- Емельянова О. Н. Квалификация конфессиональной лексики в толковых словарях русского языка // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2012. № 2. С. 317–322. [Yemelyanova, Olga N. (2012). Kvalifikatsiya konfessional'noy leksiki v tolkovykh slovaryakh russkogo yazyka (Qualification of Religious Words in Explanatory Dictionaries of the Russian Language). *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev*, 2, 317–322. (In Russian)].
- Загоровская О. В. Лексические инновации в русском языке новейшего периода // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX–XXI веков. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 10–12. [Zagorovskaya, Olga V. (2001) Leksicheskie innovatsii v russkom yazyke noveishego perioda (Lexical Innovations in the Russian Language of the Modern Period). In *Aktual'nye problemy izucheniya i prepodavaniya russkogo yazyka na rubezhe XX–XXI vekov* (Current Problems of Studying and Teaching the Russian Language at the Turn of the 20th–21st Centuries). Voronezh: VSU, 10–12. (In Russian)].
- Зорина А. В. Англицизмы в современном русском языке (на примере интернет-лексики) // Казанский лингвистический журнал. 2018. Т. 1. № 2. С. 5–14 [Zorina, Anna V. (2018) Anglitsizmy v sovremennom russkom yazyke (na primere internet-leksiki) (English-Language Loan Words in Modern Russian (by the Example of the Internet Vocabulary)). *Kazan Linguistic Journal*, 1, 2, 5–14. (In Russian)].
- Зубайдуллаев И. А. Лексико-тематическая группа «Рамазан» в семантическом и функциональном аспектах // Вестник Башкирск. ун-та. 2021. Т. 26. № 4. С. 1111–1116. [Zubaidullaev, Ibodullo A. (2021) Leksiko-tematicheskaya grupa «Ramazan» v semanticheskom i funktsional'nom aspektakh (Lexico-Thematic Group “Ramazan” in Semantic and Functional Aspects). *Vestnik Bashkirsk. un-ta*, 26, 4, 1111–1116. (In Russian)].
- Зубайдуллаев И. А. Функционирование исламских религиозных терминов в русском языке (на примере медиапространства) // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 2 (93). С. 306–308. [Zubaidullaev, Ibodullo A. (2022) Funktsionirovanie islamskikh religioznykh terminov v russkom yazyke (na primere mediaprostranstva) (Functioning of Islamic Religious Terms in Russian Language (with Reference to Media Space)). *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniy*, 2 (93), 306–308. (In Russian)].

- Крысин Л. П.* Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Krysin, Leonid P. (2004) *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* (Russian Word, one's own and Someone else's: Studies in Modern Russian Language and Sociolinguistics). Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russian)].
- Матей И. К.* О семантике православной терминологической лексики // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2016. № 2 (21). С. 15–20. [Matei, Igor K. (2016) O semantike pravoslavnoi terminologicheskoi leksiki (About Semantics of Orthodox Terminological Lexicon). *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*, 2 (21), 15–20. (In Russian)].
- Смирнова С. А.* О понятии «Церковная лексика» // Научный диалог. 2014. № 12 (36). С. 84–97. [Smirnova, Svetlana A. (2014) O ponyatii «Tserkovnaya leksika» (On Concept of “Church Lexis”). *Nauchnyi Dialog*, 12 (36), 84–97. (In Russian)].
- Солтанова Г. Р.* «Исламское возрождение» как исторически обусловленная борьба внутри ислама // *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2015. № 7-8. С. 89–92. [Soltanova, Gulsan R. (2015) «Islamskoe vozrozhdenie» kak istoricheskii obuslovlennaya bor'ba vnutri islama (“Islamic Revival” as a Historically Determined Struggle Within Islam). *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*, 7-8, 89–92. (In Russian)].
- Старостина С. А.* Шариат в истории Российского государства: объективная закономерность или парадокс. Калининград: КЮИ МВД России, 2002. [Starostina, Svetlana A. (2002) *Shariat v istorii Rossiiskogo gosudarstva: ob'ektivnaya zakonomernost' ili paradoks* (Sharia in the History of the Russian State: Objective Pattern or Paradox). Kaliningrad: KYUI MVD Rossii. (In Russian)].
- Шейх Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф.* Разногласия: причины и решения. Ташкент: Hilol Nashr MChJ, 2012. [Sheikh Mukhammad Sadyk Mukhammad Yusuf. (2012) *Raznoglasiya: prichiny i resheniya* (Disagreements: reasons and solutions). Tashkent: Hilol Nashr MChJ. (In Russian)].
- Шейх Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф.* Путь к совершенному счастью. Ташкент: Hilol Nashr MChJ, 2022. [Sheikh Mukhammad Sadyk Mukhammad Yusuf. (2022) *Put' k sovershennomu schast'yu* (The Path to Perfect Happiness). Tashkent: Hilol Nashr MChJ. (In Russian)].
- Щербак А. С., Казанкова А. А.* Лексические группировки слов: взаимоотношение языковой и ономастической картины мира // Неофилология. 2017. № 4 (12). С. 42–49. [Shcherbak, Antonina S., & Kazankova, Anastasia A. Leksicheskie gruppировki slov: vzaimootnoshenie yazykovoi i onomasticheskoi kartiny mira (Lexical Classifications of Words: Relations of Linguistic and Onomastic World Views). *Neofilology*, 4 (12), 42–49. (In Russian)].

Словари / Dictionaries

- Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Дрофа, Русский язык, 2000. [Efremova, Tatyana F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* (New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Word-formative). Moscow: Drofa, Russkiy yazyk. (In Russian)].
- Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. [Islam: Ehntsiklopedicheskii slovar' (1991) (Islam: Encyclopedic Dictionary). Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. (In Russian)].

- Михельсон А. Д. Объяснение всех иностранных слов (более 50000 слов), вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. По словарям: Гейзе, Рейфа и др. / сост. Михельсон. Изд. 7-е, добавленное 2-м т. Т. 2. М.: Типография Э. Лисснер и Ю. Роман, 1877. [Mikhelson, Alexey D. (1877) *Ob'yasnenie vsekh inostrannykh slov (bolee 50000 slov), voshedshih v upotreblenie v russkij yazyk, s ob'yasneniem ih kornej* (Explanation of all Foreign Words (more than 50,000 Words) that Have Entered into Use in the Russian Language, With an Explanation of Their Roots). Po slovaryam: Gejze, Rejfa i dr. / sost. Mihel'son. Izd. 7-e, dobavlennoe 2-m t. (According to the Dictionaries: Geise, Reif and others. / compiled by. Mikhelson (ed.) 7th, added 2nd vol.). Moscow: Tipografiya E. Lissner i YU. Roman, 1877. (In Russian)].
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov> (дата обращения: 24.03.2024). [Ozhegov, Sergej I., & Shvedova, Nataliya Yu. (2024, March 24) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Russian Language). Retrieved from <https://gufo.me/dict/ozhegov>. (In Russian)].
- Павленков Ф. Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, 1907. [Pavlenkov, Florentiy F. (1907) *Slovar' inostrannykh slov, voshedshih v russkij yazyk* (Dictionary of Foreign Words that Have Entered the Russian Language). Saint Petersburg: Tipografiya YU. N. Erlih. (In Russian)].
- Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999 // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/25/ma470205.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 24.03.2024). [*Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* (1999) (2024, March 24) / RAN, In-t lingvistich. issledovaniy; Pod red. A. P. Evgen'evoi (Dictionary of the Russian Language: In 4 volumes / RAS, Institute of Linguistics. research; Ed. A. P. Evgenieva). Retrieved from <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/25/ma470205.htm?cmd=0&istext=1>. (In Russian)].
- Толковый словарь русского языка: В 4 т. [Электронный ресурс] М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. Т. 4. URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 23.03.2024). [*Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* (1940) (2024, March 23) М.: Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1940. Т. 4. (Explanatory Dictionary of the Russian Language in 4 vols. Vol. 4). Retrieved from <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>. (In Russian)].
- Хамди Дендюрен. Энциклопедия норм и правил Ислама. Стамбул: Издательство «ЭркаМ», 2013 (1435 Х.). [Khamdi Dendyuuren. (2013) *Ehntsiklopediya norm i pravil Islama* (Encyclopedia of Norms and Rules of Islam). Stambul: Izdatel'stvo «EhrkaM». (1435 KH.). (In Russian)].
- Чудинов А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: Материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи. СПб.: Изд. книгопродавца В. И. Губинского, 1894. [Chudinov, Alexander N. (1894) *Slovar' inostrannykh slov, voshedshih v sostav russkogo yazyka: Materialy dlya leksicheskoy razrabotki zaimstvovannykh slov v rus. lit. rechi* (Dictionary of Foreign Words that Have Entered the Russian Language: Materials for Lexical Development of Borrowed Words in Russian lit. Speech). Saint Petersburg: Izd. knigoprodavca V. I. Gubinskogo. (In Russian)].
- Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. [Электронный ресурс] URL: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/> (дата обращения: 24.03.2024) [Ehntsiklopedicheskii slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona. (2024, March 24) (Encyclopedic Dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron). Retrieved from <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/>. (In Russian)].

УДК 811.161.1

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-43-60

САНКЦИИ КАК ФАКТОР ВАРИАТИВНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

М. А. Зубкова

Тверской государственный университет, Тверь, Россия

Масштабные изменения условий осуществления экономической деятельности в результате введённых в 2014–2023 гг. антироссийских санкций не могли не повлиять на экономическую лексику и терминологию. Целью исследования является анализ фактов количественной и качественной вариативности экономической терминологии под влиянием санкций. Под количественной вариативностью подразумевается вариативность плана выражения термина, его формальная вариативность, которую можно отследить, например, зафиксировав термины-неологизмы, а также появляющиеся новые коннотации терминов. Под качественной вариативностью подразумевается вариативность плана содержания термина, его семантическая вариативность. Для достижения поставленной цели использовались метод сплошной выборки, коннотативный анализ, компонентный анализ и корпусный статистический анализ. Материалом исследования послужили нормативные акты и официальные документы РФ, ЕС и США, статьи российских СМИ, опубликованные в 2014–2023 гг. В результате проведённого анализа количественной вариативности экономической терминологии были зафиксированы 89 терминов, чьё появление или актуализация связаны с введением антироссийских санкций. Обнаруженные термины-неологизмы образованы различными способами (морфологический, семантический, синтаксический, заимствование и аббревиация), большинство неологизмов — термины-словосочетания. Статистический анализ материалов СМИ позволил выделить 6 терминов, имеющих наибольшую частотность употребления в текстах, посвящённых санкциям: *санкции*, *инфляция*, *импортзамещение*, *капитал*, *курс*, *экономика*. Проведено дополнительное исследование и сделано предположение, что данные термины относятся к базовым понятиям санкционного дискурса, а высокая частота их использования приводит к развитию всей отраслевой экономической терминосистемы. Качественная вариативность экономической терминосистемы под воздействием санкций исследована на примере коннотативных и семантических изменений термина *санкции*, а также терминов *импортзамещение* и *национальная платёжная система*. Сделан вывод, что качественная вариативность выражается через актуализацию некоторых значений терминов, появление новых словоформ, развитие их коннотации и ассоциативных связей, эмоциональных оценок и образов. В заключении сделан общий вывод о положительной динамике экономической терминосистемы под воздействием санкций, о высоком уровне её адаптивных способностей и устойчивости развития в изменяющихся условиях.

Ключевые слова: экономические санкции; экономический термин; экономическая терминосистема; качественная вариативность терминов; количественная вариативность терминов; факторы вариативности терминосистем.

Цитирование: Зубкова М. А. Санкции как фактор вариативности экономической терминосистемы русского языка // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 2 (66). С. 43–60. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-43-60.

Sanctions as a Variability Factor within the Economic Terminological System of the Russian Language

Marina A. Zubkova

Tver State University, Tver, Russia

Unprecedented anti-Russian sanctions, which were introduced in 2014–2023, have had an impact not only on economic activity, but also on economic vocabulary and terminology. The goal of the research is to analyze facts of quantitative and qualitative variability of economic terminology under the influence of these sanctions. Quantitative variability means variability of expression, i.e. its formal variability, which can be tracked, for example, by recording neologisms and emerging new connotations of terms. Qualitative variability means variability in content, i.e. its semantic variability. Using the method of continuous sampling, connotative analysis, component analysis, and corpus statistical analysis, the author examines regulations and official documents of the Russian Federation, the EU, and the USA as well as materials from Russian media, published in 2014–2023. As a result of the analysis of the quantitative variability of economic terminology, 89 terms were recorded whose appearance or updated expression were associated with the introduction of anti-Russian sanctions. The discovered neologisms are mainly formed using various methods of term formation (morphological, semantic, syntactic, borrowing, and abbreviation), and most of them are term-word combinations. Statistical analysis of media materials made it possible to identify six terms that have the highest frequency of use in texts devoted to sanctions: *sanctions*, *inflation*, *import substitution*, *capital*, *exchange rate*, and *economy*. Additional research showed that these six terms relate to the basic concepts of sanctions discourse, and the high frequency of their use leads to the development of the economic terminology system. The qualitative variability of the economic term system under the influence of sanctions was then examined using the example of connotative and semantic changes in the terms *sanctions*, *import substitution* and *national payment system*. The author demonstrates that qualitative variability is expressed through the updating of certain meanings of terms, the emergence of new word forms, the development of their connotations and associative connections, emotional assessments, and image, and makes a general conclusion about the positive dynamics of the economic term system under the influence of sanctions, the high level of its adaptive abilities, and sustainability of its development in the changing conditions.

Key words: economic sanctions; economic term; economic term system; qualitative variability of terms; quantitative variability of terms; factors of variability of term systems.

Citation: Zubkova, Marina A. (2024) Sanctions as a Variability Factor within the Economic Terminological System of the Russian Language. *LUNN Bulletin*, 2 (66), 43–60. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-43-60.

1. Введение

Санкционное давление на современную экономику России началось с 2014 г., а в 2022 г. приняло беспрецедентный характер по своему масштабу и последствиям. Многие экономические связи оказались деформированными, деятельность кредитных организаций и предприятий подверглась рестрикциям. Масштабные изменения условий осуществления экономической деятельности не могли не повлиять на экономическую лексику и терминологию. Цель данной работы заключается в описании и анализе количественных и качественных проявлений вариативности экономической терминосистемы под воздействием антироссийских экономических санкций 2014–2023 гг.

В последнее время появились отечественные исследования, посвящённые такому понятию, как «санкционный дискурс», то есть предметом исследования становится особый вид дискурса, формируемый политиками и СМИ при обсуждении антироссийских санкций 2014–2023 гг. (Кропотухина, Тихонов 2015; Виданов, Pinelli 2019; Бойко 2020; Литвиненко 2022). Новизна данного исследования состоит в том, что в нём впервые проанализированы текущие процессы изменения экономической терминологии под влиянием определённого внешнего фактора в виде экономических санкций. В отличие от дискурсивного анализа, терминологическое исследование сосредоточено на рассмотрении процессов изменения определённой отраслевой терминосистемы, функционирующей и развивающейся как единое целое внутри общей системы языка.

Под экономическим термином в данной работе понимается лексическая единица экономического языка для специальных целей, обозначающая понятие экономической сферы знаний и экономической деятельности. Совокупность экономических терминов формирует экономическую терминосистему — знаковую модель экономического языка для специальных целей, структура которой соответствует структуре системы понятий экономической сферы знаний и экономической деятельности.

На данный момент в области исследования экономической терминологии достигнуты значительные результаты. В работах отечественных и зарубежных лингвистов рассматриваются следующие вопросы: классификация экономических терминов и их свойства (Александрова 2000), особенности экономического дискурса (Евтушина, Ковальская 2014; Montanari 2012), проблема детерминологизации экономической терминологии (Акинин 2010), проблемы полисемии, метафоризации и способов образования экономической лексики (Епаринаова 2013; Ramies, Ruiz 2017) и другие.

Экономическая терминология русского языка в настоящее время отличается своим динамичным развитием. В основе развития любой терминосистемы лежат принципы и механизмы её вариативности (вариантности), под которой далее будем понимать «способ существования, функционирования и эволюции

языковых единиц, связанный с возможностью их модификаций» (Сложеникина 2010: 3). В современной лингвистике вариативность определяется как фундаментальное свойство языковой системы и функционирования всех единиц языка, как один из факторов развития языка, проявляющийся на всех его уровнях (Хомутова 2005: 28). В результате сложных внутриязыковых процессов и сильнейшего влияния внешних факторов происходят постоянные изменения языковой нормы, появляются новые языковые варианты, новые способы языкового выражения мыслительного содержания (Деркач, Каразия, Плисов, Федоров, Хохлова 2013: 4). Таким образом, вариативность любой отраслевой терминологии, так же как и естественного языка, представляет собой непрерывный процесс создания и выбора вариантов термина под воздействием внешних и внутренних факторов.

Диахронические исследования экономической терминологии имеют большое теоретическое и практическое значение и представлены в работах многих отечественных и зарубежных учёных (Давлетукаева 2002; Museanu 2012; Арсениевич 2013; Кострубина 2018). Исследованию вариативности терминосистем под воздействием различных факторов была посвящена наша статья (Зубкова 2019), а также диссертация (Зубкова 2021). В данной работе вариативность экономической терминологии рассматривается в двух аспектах: в количественном (подразумевает вариативность плана выражения термина, формальную вариативность, которую можно отследить, зафиксировав термины-неологизмы, а также появляющиеся новые коннотации терминов) и в качественном (подразумевает вариативность плана содержания термина, семантическую вариативность, когда у термина появляется или изменяется значение). Такой подход, на наш взгляд, позволит провести глубокий двухэтапный анализ развития экономической терминосистемы русского языка, зафиксировать её изменения в современных условиях.

2. Характеристика материала и методов исследования

Основными методами исследования в данной работе являются метод сплошной выборки слов исследуемой лексической группы, коннотативный анализ, компонентный анализ и корпусный статистический анализ. Материалом исследования послужили нормативные акты и официальные документы Правительства РФ, Банка России, Министерства финансов РФ, официальные документы ЕС и США, материалы российских СМИ, опубликованные в 2014–2023 гг.

Исследования процессов вариативности терминосистем сопряжены с определёнными трудностями. Структурная взаимосвязь терминов, входящих в состав экономической терминосистемы, формирует её внутреннюю и внешнюю среду функционирования и позволяет ей исторически развиваться как единое целое.

Таким образом, в случае фиксации каких-либо качественных и количественных изменений в составе экономической терминосистемы необходимо учитывать, что данные изменения представляют собой лишь малую долю происходящих внутри неё глубинных механизмов саморегуляции и развития. Кроме того, необходимо учитывать, что все факторы, оказывающие влияние на определённый вид деятельности, в большей или меньшей степени связаны между собой. Так, например, развитие внутреннего инвестиционного рынка или экономические меры поддержки строительной отрасли в 2014–2023 гг. связаны не только с проблемами в данных секторах и необходимостью их изменений, но и в том числе с санкционным давлением, оказываемым на всю экономику, и необходимостью поиска новых возможностей и приспособления к сложившимся условиям работы. Таким образом, при оценке полученных в данной работе результатов необходимо учитывать их вероятную неоднозначность.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Результаты рассмотрения количественных изменений экономической терминологии под воздействием санкций

С помощью электронной нормативно-правовой базы «Гарант» (garant.ru) и электронных баз новостных материалов СМИ «РИА новости» (ria.ru) и «Лента.Ру» (lenta.ru) нами были отобраны и зафиксированы термины, появившиеся или актуализировавшие своё значение в 2014–2023 гг., а именно:

– *иностранная платёжная система; значимая платёжная система; национально значимая платёжная система; прямые участники платёжной системы; национальная система платёжных карт (НСПК); национальные платёжные инструменты; оператор НСПК; участник НСПК; индивидуальный участник НСПК; системный участник НСПК; операционный центр НСПК; платёжный клиринговый центр НСПК; субъекты национальной платёжной системы; система быстрых платежей (СБП)* (Федеральный закон от 05.05.2014 № 112-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «О национальной платёжной системе» и отдельные законодательные акты РФ»);

– *введена новая категория клиентов российских банков клиент — иностранный налогоплательщик* (Федеральный закон от 28.06.2014 № 173-ФЗ «Об особенностях осуществления финансовых операций с иностранными гражданами и юридическими лицами»);

– *субординированный кредит; субординированный депозит; субординированный заем; субординированный облигационный заем* (Федеральный закон от 22.12.2014 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»);

– *амнистия капиталов; валютная амнистия* (Федеральный закон от 08.06.2015 № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках»);

– термины и понятия, означающие меры поддержки банковской системы в условиях санкций, такие как *надбавка поддержания достаточности капитала; антициклическая надбавка; надбавка за системную значимость; буфер за системную значимость; докапитализация санлируемого банка* (нормативно-правовые документы 2016 г.);

– *туристический кешбэк; детский туристический кешбэк* (программы поддержки туристической отрасли, разработанные в 2020 г. в связи с трудностями с получением виз, а также в целях привлечения капитала в экономику регионов);

– *реструктуризация обязательств по бюджетным кредитам* (Постановление Правительства РФ от 28.06.2021 № 1029);

– *партисипаторное финансирование* (Федеральный закон от 20.07.2020 г. № 216-ФЗ);

– *недружественные иностранные государства; недружественные действия; недружественные нерезиденты* (Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия США и иных иностранных государств»);

– *инвестиционная платформа* (Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ»); *финансовая платформа* (Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы»);

– *промышленная политика; промышленная инфраструктура; индустриальный (промышленный) парк; промышленный кластер; инжиниринговый центр; промышленный технопарк; технопарк в сфере высоких технологий* (Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в РФ»);

– *международная компания; международный фонд* (Федеральный закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах»);

– *параллельный импорт* (сам термин не новый, но в истории России он введён впервые с марта 2022 г. в связи с санкциями, и в русском языке актуализация данного термина привела к существенным изменениям не только экономической терминологии, но и юридической, поскольку параллельный импорт означает смену режима исчерпания исключительного права товаропроизводителя с национального на международный принцип);

– *замещающие облигации (ЗО)* (в Указе Президента РФ от 05.07.2022 № 430 введено понятие «облигации, оплата которых при их размещении осуществляется еврооблигациями или денежными средствами с целевым

использованием привлечённых денежных средств для приобретения еврооблигаций», однако новый вид долговых ценных бумаг обычно обозначается в официальных документах более кратким термином «замещающие облигации»);

- *квазироссийские компании; квазироссийские ценные бумаги;*
- *зеркалирование операций; зеркалированные сделки;*

– термины, переведённые и калькированные из документов США, Великобритании и ЕС, устанавливающих санкционный режим (www.sanctionsexpert.com; www.ofac.treasury.gov): *заблокированные / разблокированные платежи (blocked / unblocked payments); заблокированные / разблокированные средства (blocked / unblocked funds); заблокированный / разблокированный счёт (blocked / unblocked account); блокируемое лицо (blocked person); замороженные активы (asset freeze); подсанкционное лицо / лицо из санкционного списка (sanctioned person); лицензия на разблокировку (OFAC general licence); правило 50 % (OFAC 50 % Rule); адресные (прямые) санкции (primary sanctions); блокирующие санкции / санкционный список SDN (The Specially Designated Nationals list); секторальные санкции / список SSI (The Sectoral Sanctions Identifications list); политика ценового потолка (Price Cap Policy); вторичные санкции (secondary sanctions); обход санкций (sanctions evasion);*

– *дедолларизация; юанизация; редбеки* (данные термины появились в связи с ослаблением позиций доллара в международных расчётах и повышением статуса китайской валюты (юань); юанизация — термин образован по аналогии с долларизацией; редбеки — разговорное название юаней, образованное от цвета купюр (по аналогии с «гринбеками» — «зелёные, зелень»));

– термины, появившиеся в связи с работой по созданию независимой цифровой экономики в России: *цифровая экономическая среда; цифровые финансовые активы; цифровая валюта; цифровой рубль; счёт цифрового рубля; платформа цифрового рубля; открытые финансы; единая биометрическая система; цифровой профиль; цифровая экосистема; умный контракт (смайт-контракт); усиленная неквалифицированная электронная подпись; банк-робот;*

– *электронная платформа; оператор электронной платформы; пользователь электронной платформы; правила электронной платформы* (Федеральный закон от 14.07.2022 № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»);

– *зонтичные поручительства; механизм зонтичных поручительств* (меры кредитно-гарантийной поддержки предприятий МСП, разработанные Правительством РФ осенью 2021 г. в условиях внешнего санкционного давления).

Проведённое исследование позволило выделить 89 экономических терминов, появление или актуализация которых связаны с введением санкций. Зафик-

сированные термины можно сгруппировать в зависимости от различных направлений экономических мер поддержки:

- развитие независимой и безопасной электронной платёжной и финансовой системы страны;
- поддержка внутренней промышленности и бизнеса, региональной экономики и госкорпораций;
- поддержание курса национальной валюты и валютное регулирование;
- закрепление правового статуса и новых правил работы с иностранными компаниями и нерезидентами;
- поддержка банковского сектора, противодействие оттоку капитала;
- поддержка инвестиционной отрасли экономики.

Помимо официальной терминологии, в течение 2014–2023 гг. параллельно развивалась разговорная и сниженная лексика, например: *запрещенка, санкционка, санкционочка, белорусские мидии, хамончики-пармезанчики, пармезанить, сыроцид, поддержка айтишников, «обратные» релоканты* и др. Подобные лексические единицы, безусловно, не могут входить в состав экономической терминосистемы, но их появление и активное употребление в речи, на наш взгляд, может способствовать её развитию.

Экономические санкции не только повлияли на процесс образования новых экономических терминов, но и изменили частоту употребления некоторых из них. Используя сайты различных российских новостных изданий, нами было отобрано 20 статей, опубликованных в течение 2022–2023 гг. и посвящённых теме антироссийских санкций. С помощью программы *Concordancer for Windows* был проведён статистический анализ сформированного корпуса. Результаты позволили выделить шесть экономических терминов, имеющих наибольшую и относительно устойчивую частотность употребления: *санкции, инфляция, импортозамещение, капитал, курс, экономика*.

Выделенные термины были дополнительно проанализированы с помощью Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), который позволил собрать данные об упоминании терминов в различных источниках с 2011 г. до конца 2021 г., а также с помощью системы поиска на сайте интернет-издания «Лента.ру» (lenta.ru), который позволил найти данные о частоте упоминания терминов в новостных материалах СМИ с 2011 г. до конца 2022 г. Результаты представлены в Табл. 1–6.

Таблица 1. Частота упоминания словоформы «*санкц*», ед.

Год	НКРЯ	«Лента.ру»	Год	НКРЯ	«Лента.ру»
2011 г.	20	756	2017 г.	36	2244
2012 г.	32	787	2018 г.	8	1687
2013 г.	37	770	2019 г.	22	2068
2014 г.	269	2247	2020 г.	3	2213
2015 г.	137	2584	2021 г.	3	4476
2016 г.	42	2562	2022 г.	-	13070

Таблица 2. Частота упоминания словоформы «инфляц*», ед.

Период	НКРЯ	«Лента.ру»	Период	НКРЯ	«Лента.ру»
2011 г.	23	274	2017 г.	11	492
2012 г.	26	298	2018 г.	10	248
2013 г.	45	294	2019 г.	9	392
2014 г.	180	359	2020 г.	2	384
2015 г.	141	757	2021 г.	4	1357
2016 г.	22	817	2022 г.	-	2521

Таблица 3. Частота упоминания словоформы «импортозамещ*», ед.

Период	НКРЯ	«Лента.ру»	Период	НКРЯ	«Лента.ру»
2011 г.	4	-	2017 г.	2	51
2012 г.	6	-	2018 г.	3	23
2013 г.	1	-	2019 г.	4	26
2014 г.	29	25	2020 г.	3	24
2015 г.	81	118	2021 г.	3	40
2016 г.	9	84	2022 г.	-	218

Таблица 4. Частота упоминания словоформы «капитал», ед.

Период	НКРЯ	«Лента.ру»	Период	НКРЯ	«Лента.ру»
2011 г.	44	669	2017 г.	42	495
2012 г.	54	654	2018 г.	9	509
2013 г.	57	633	2019 г.	10	678
2014 г.	61	768	2020 г.	3	693
2015 г.	69	1034	2021 г.	2	1017
2016 г.	33	935	2022 г.	-	1096

Таблица 5. Частота упоминания словоформы «курс» (с сочетанием словоформ «валютн*», «евро», «доллар*», «рубл*»), ед.

Период	НКРЯ	«Лента.ру»	Период	НКРЯ	«Лента.ру»
2011 г.	66	1015	2017 г.	62	1321
2012 г.	67	1105	2018 г.	26	1421
2013 г.	73	1126	2019 г.	32	1998
2014 г.	179	1708	2020 г.	39	2040
2015 г.	162	2426	2021 г.	8	3172
2016 г.	43	2702	2022 г.	-	4098

Таблица 6. Частота упоминания словоформы «экономик*», ед.

Период	НКРЯ	«Лента.ру»	Период	НКРЯ	«Лента.ру»
2011 г.	332	1422	2017 г.	264	2253
2012 г.	421	1476	2018 г.	54	2332
2013 г.	514	1545	2019 г.	78	2462
2014 г.	797	1842	2020 г.	11	3987
2015 г.	574	2616	2021 г.	23	4539
2016 г.	253	3120	2022 г.	-	6657

Представленные данные свидетельствуют о существенном увеличении частоты использования выделенных терминов в периоды объявления санкций (2014–2015 гг. и в 2022 г.). Можно предположить, что выделенные 6 терминов относятся к базовым понятиям санкционного дискурса; высокая частота использования увеличивает их узнаваемость, в результате некоторые из значений могут стать более или менее актуальными, возникают новые коннотации и ассоциативные связи, появляются эмоциональный и культурный компоненты, что, в свою очередь, способствует вариативности и развитию экономической терминосистемы.

3.2. Результаты рассмотрения качественных изменений экономической терминологии под воздействием санкций

Изменение условий осуществления экономической деятельности влечёт за собой не только количественные изменения терминологии, но и качественные. Рассмотрим более подробно использование термина «санкции». В связи с тем, что принимаемые после 2014 г. США, ЕС и другими странами ограничительные меры в отношении России носили непредсказуемый стихийный характер, в текстах выступлений российских политиков, бизнесменов, а также в материалах СМИ после 2022 г. вместо термина «санкции» всё чаще стали использоваться термины *рестрикции* (подчёркивая несоответствие принятых мер нормам международного права) и *санкционная политика* (обращая внимание на всеобъемлющий, массовый

характер принимаемых ограничений, общую заявленную позицию недружественных стран). Кроме того, появились префиксальные формы этого термина: *контр-санкции, подсанкционный, антисанкции, антисанкционный, внешнесанкционный, предсанкционный, постсанкционный, досанкционный*. Расширился также список коннотаций, описывающих масштаб санкций и характер их последствий для российской экономики: *беспрецедентные санкции, санкционное давление, санкционный прессинг, санкционная блокада, антироссийские санкции, антисанкционный штаб, санкционный удар по экономике, санкции бьют по отношениям, ущерб от санкций, негативное влияние санкций, санкционная война Запада с Россией, военно-санкционная конфронтация, санкционный кризис, провал санкций Запада, адаптация к санкциям*. Обратим внимание на эмоционально-оценочное содержание таких коннотаций, которые создают дополнительные ассоциативные значения термина «санкции» с образами войны (блокада, война, штаб, провал, конфронтация), а также со спортивными играми и борьбой (удар, бьют, раунд, борьба, прессинг, давление), в которых западные страны и США «нападают» на Россию, а наша страна «защищается» и «противостоит». Как отмечают учёные, метафоричность и образность свойственны не только коннотативным сочетаниям термина «санкции», но и всей санкционной лексике и санкционному дискурсу (Кропотухина, Тихонов, 2015). Таким образом, качественная вариативность термина «санкции» проявляется в появлении новых словоформ, развитии коннотации и появлении новых ассоциаций, эмоциональных оценок и образов, а также в появлении новых терминов-словосочетаний, дополняющих варианты некоторых давно существующих базовых экономических понятий (например, *санкционный товар, антисанкционное регулирование рынка, санкционный риск* и др.).

Ещё одним примером качественной вариативности экономической терминологии под воздействием санкций может послужить термин «импортозамещение». Данный термин появился в экономической теории в середине XX века, однако учёные и экономисты до сих пор по-разному понимают и описывают его сущность (Федосеева 2015). В российской экономике курс на импортозамещение был взят после принятых в 2014 г. западных санкций, и с тех пор этот процесс стал частью государственной экономической политики с учётом национальных особенностей развития. Исследователи отмечают резкое увеличение частотности употребления термина «импортозамещение» в российских источниках информации после 2014 г., что привело, в частности, к развитию однокоренных единиц-компонентов, таких как *импортозаместить, импортозамещать, импортозаместиться, наимпортозаместить, импортозамещающий, импортозамещённый, импортозаместительный* (Тарасова 2018). Таким образом, в течение 2014–2021 гг. в основном происходит количественная вариативность термина «импортозамещение». Однако после широкомасштабных антироссийских санкций,

принятых в 2022–2023 гг., данный термин претерпел существенную качественную вариативность, а именно: в качестве основных критериев отбора проектов, участвующих в программе импортозамещения и получающих государственную поддержку до февраля 2022 г., были принципы экономической обоснованности и рентабельности, то есть нерентабельные проекты не реализовывались; но в феврале 2022 г. курс по импортозамещению кардинально изменил принципы, и в основе принятия решений о включении производителей в программу господдержки теперь положены принципы экономической безопасности и технологического суверенитета страны. Таким образом, термин «импортозамещение» существенно менял свой смысл под влиянием внешнего фактора воздействия, при этом немаловажную роль сыграло именно усиление степени влияния фактора.

В качестве примера изменения значения термина под влиянием санкционного фактора можно также привести термин «национальная платёжная система». Сравним определения, найденные через правовую систему «Гарант» (garant.ru):

– «национальная платежная система — совокупность операторов по переводу денежных средств (включая операторов электронных денежных средств), банковских платежных агентов (субагентов), платежных агентов, организаций федеральной почтовой связи при оказании ими платежных услуг в соответствии с законодательством РФ, операторов платежных систем, операторов услуг платежной инфраструктуры» (Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» в первоначальной редакции);

– «национальная платежная система — совокупность операторов по переводу денежных средств (включая операторов электронных денежных средств), банковских платежных агентов (субагентов), платежных агентов, организаций федеральной почтовой связи при оказании ими платежных услуг в соответствии с законодательством РФ, операторов платежных систем, операторов услуг платежной инфраструктуры, операторов услуг информационного обмена, иностранных поставщиков платежных услуг, операторов иностранных платежных систем, поставщиков платежных приложений, операторов электронных платформ, оператора платформы цифрового рубля, участников платформы цифрового рубля (субъекты национальной платежной системы)» (Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2023).

Таким образом, термин «национальная платёжная система» менял своё значение несколько раз (в 2019 г., в 2022 г. и в 2023 г.). Развитие платёжных технологий и сервисов, появление новых участников и включение их в национальную платёжную систему отражают общий курс экономики страны, направленный на достижение технологического суверенитета. Таким образом, внешняя

неблагоприятная среда (прежде всего, антироссийские санкции) привела к развитию собственных внутренних механизмов защиты финансового сектора, что, в свою очередь, привело к развитию экономической терминологии. Подобные причины привели также к изменению таких терминов, как «платёжная услуга», «электронные денежные средства», «значимая платёжная система», «иностранный платёжная система» и др.

Общее развитие банковской сферы за счёт всего многообразия внешних факторов, в том числе санкций, приводит к постоянному изменению сущности таких экономических понятий, как «*банковская деятельность*», «*банковская услуга*», «*банковский продукт*», «*банковское обслуживание*». Так, например, в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 в течение 32 лет было внесено более 50 поправок и дополнений, большая часть которых принята с 2014 г. по настоящее время. Таким образом, качественная и количественная вариативность определённых терминов под воздействием внешних факторов приводит к запуску внутренних механизмов развития и саморегуляции внутри терминосистемы, приводя к изменениям других её терминов-элементов.

4. Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы об особенностях вариативности экономической терминосистемы русского языка под влиянием экономических санкций:

1) выявленные лексические единицы образованы всеми известными на сегодняшний день способами терминообразования:

- морфологическим (префиксально-суффиксальный: *квазироссийская компания, дедолларизация* и др.; словосложение: *импортозамещение, экосреда, экосистема* и др.),
- семантическим (*зонтичные поручительства, зеркалирование операций*),
- синтаксическим (характерен для большинства выявленных терминов, например *банк-робот, смарт-контракт, платформа цифрового рубля* и др.),
- заимствованием (*партисипаторное финансирование, туристический кешбэк* и др.),
- аббревиацией (*НСПК, ЗО, список SDN* и др.).

Многообразие представленных примеров по способам терминообразования свидетельствует о том, что внутренние механизмы терминосистемы определяют тенденции и принципы её естественного развития, формируют взаимосвязанность элементов и их системность;

2) большую часть зафиксированных терминов-неологизмов составляют термины-словосочетания и сложные термины (компози́ты).

Необходимо отметить, что, несмотря на перегруженность и чрезмерную длину многих экономических терминов, в основном состоящих из нескольких существительных, согласованных в родительном падеже, наблюдается общее стремление терминосистемы к точности и однозначности элементов. Синтаксическое терминообразование позволяет передавать объёмную информацию, хорошо усваиваться широким кругом специалистов, задействованных в профессиональной экономической деятельности;

3) появление новых терминов связано с двумя параллельными процессами:

– с одной стороны, с разработкой нормативно-правовых документов США и ЕС, устанавливающих правила и понятия санкционного режима, что приводит к появлению переводных калькированных терминов в русском языке (например, *OFAC 50 % Rule* — *правило 50 %*; *primary sanctions* — *адресные (прямые) санкции* и др.);

– с другой стороны, с разработкой ответных мер и нормативно-правовой базы в российском законодательстве (например, *замещающие облигации*; *недружественные нерезиденты*; *юанизация* и др.).

Параллельные процессы в политике формируют своеобразную антиномию в экономической терминологии и таким образом способствуют её вариативности и развитию. Похожий вывод сформулирован в работе Е. Ю. Виданова и Ю. Ю. Литвиненко, которые отмечают антиномичность санкционного дискурса (в оппозициях рациональное — эмоциональное; императивность — вариативность; ограничения — возможности; чужой — свой; санкции — контрсанкции) и создание за счёт этого предпосылок для его развития в коммуникативном пространстве (Виданов, Литвиненко 2022);

4) для новой экономической терминологии характерно проявление полисемии, омонимии, синонимии и антонимии в пределах своей терминосистемы (например, *импортозамещение* — *переориентация на внутренний рынок*, *заблокированные активы* — *разблокированные активы*);

5) анализ показал активизацию экспрессивно-оценочной и мотивированной экономической терминологии под влиянием санкционного фактора (например, *недружественные страны*, *финансовое оздоровление*, *умный контракт* и др.);

6) методом статистического анализа были выделены шесть терминов, относящиеся к базовым понятиям санкционного дискурса (*санкции*, *инфляция*, *импортозамещение*, *капитал*, *курс*, *экономика*); сделан вывод о том, что высокая частота употребления базовых терминов приводит к их узнаваемости среди носителей языка, возникновению новых значений, коннотаций и ассоциативных связей, появлению эмоционального и культурного компонентов, что, в свою очередь, приводит к вариативности и развитию всей терминосистемы;

7) качественная вариативность экономической терминологии под воздействием санкций проявляется в актуализации некоторых значений терминов, появлении новых словоформ, развитии коннотации и ассоциативных связей, эмоциональных оценок и образов; качественная вариативность проявляется на всех уровнях терминосистемы, в том числе затрагивает базовые понятия, такие как *экономическая деятельность, экономика, банковская деятельность, банк* и др.

Антироссийские экономические санкции как явление современной действительности характеризуются множеством присущих им особенностей, затрагивают практически все сферы экономической деятельности и существенным образом влияют на профессиональную терминологию. Полученные результаты исследования подтверждают активную динамику экономической терминологии. В физике известен закон: только динамическая система может быть устойчива. На наш взгляд, этот принцип подходит к описанию процессов вариативности терминосистем, в том числе описанных в данном исследовании. Динамика экономической терминологии означает её развитие, жизнеспособность, функциональную устойчивость. Наблюдения за поведением экономических терминов, за трансформацией их семантики и механизмами адаптации к внешним условиям могут способствовать открытию новых методов терминологического анализа.

Список литературы / References

- Акинин Ю. В.* Детерминологизация английской экономической терминологии: лингвокультурный и функциональный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2010. [Akinin, Yuriy V. (2010) *Determinologizatsiya angliyskoy ekonomicheskoy terminologii: lingvokulturnyy i funktsionalnyy aspekt*: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk (Determinologization of English Economic Terminology: Linguistic, Cultural and Functional Aspects: Extended Abstract of PhD Thesis in Philology). Samara. (In Russian)].
- Александрова Г. Н.* Тенденции развития современной экономической терминологии в английском и русском языках // Когнитивные аспекты изучения языковых явлений в германских языках. Самара: Самар. ун-т, 2000. С. 75–81. [Aleksandrova, Galina N. (2000) *Tendentsii razvitiya sovremennoy ekonomicheskoy terminologii v angliyskom i rusском yazykakh* (Trends in the Development of Modern Economic Terminology in English and Russian). In *Kognitivnyye aspekty izucheniya yazykovykh yavleniy v germanskikh yazykakh* (Cognitive Aspects of the Study of Linguistic Phenomena in Germanic Languages). Samara, Samara National Research University, 78-81. (In Russian)].
- Арсениевич Я.* Современная экономическая терминология в СМИ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. [Arseniyevich, Yasmina. (2013) *Sovremennaya ekonomicheskaya terminologiya v SMI*: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk (Modern Economic Terminology in the Media: Extended Abstract of PhD Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].
- Бойко А. В.* Санкционный дискурс как формат политического дискурса // STUDIUM JUVENIS: Межвузовский сборник трудов молодых ученых. Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2020. Вып. 12. С. 10–14. [Boyko, Alexandr V. (2020) *Sanktsionnyy diskurs kak format*

- politicheskogo diskursa (Sanctions Discourse as a Format of Political Discourse) In *Studium Juvenis: Mezhvuzovskiy sbornik trudov molodykh uchenykh* (Studium Juvenis: Interuniversity Collection of Works of Young Scientists). Chelyabinsk: Biblioteka A. Millera, 12, 10–14. (In Russian)].
- Виданов Е. Ю., Литвиненко Ю. Ю. Антиномии санкционного дискурса (на примере высказываний об антироссийских санкциях) // Вестник ОмГПУ. Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (35). С. 71–75. [Vidanov, Yevgeniy Y., & Litvinenko, Yuliya Y. (2022) Antinomii sanktsionnogo diskursa (na primere vyskazyvaniy ob antirossiyskikh sanktsiyakh) (Antinomies of Sanctions Discourse (The Case of Rhetoric About Anti-Russian Sanctions)). *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 2 (35), 71–75. (In Russian)].
- Давлетукаева А. Ш. Диахронический аспект развития экономической терминологии (английский язык): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. [Davletukayeva, Aset Sh. (2002) *Diakhronicheskiy aspekt razvitiya ekonomicheskoy terminologii (angliyskiy yazyk): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* (The Diachronic Aspect of the Development of Economic Terminology (English): Extended Abstract of PhD Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].
- Деркач А. В., Каразия Н. А., Плисов Е. В., Федоров В. В., Хохлова И. Н. Вариативность в европейских и восточных языках: межкультурный аспект. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. В. Беринга, 2013. [Derkach, Alexandr V., Karaziya, Natalya A., Plisov, Yevgeniy V., Fedorov, Vladimir V., & Khokhlova, Irina N. (2013) *Variativnost' v yevropeyskikh i vostochnykh yazykakh: mezhkulturnyy aspekt* (Variability in European and Oriental Languages: an Intercultural Aspect). Petropavlovsk-Kamchatsky: KamGU V. Bering. (In Russian)].
- Евтушина Т. А., Ковальская Н. А. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования // Вестник ЧелГУ. 2014. № 6 (335). С. 42–46. [Yevtushina, Tatyana A., & Kovalskaya, Natalya A. *Ekonomicheskiy diskurs kak obyekt lingvisticheskogo issledovaniya* (The Economic Discourse as Object of Linguistic Research). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 6 (335), 42–46. (In Russian)].
- Епарина Е. С. К вопросу о многозначности экономических терминов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 3. С. 120–126. [Yeparinova, Yelena S. (2013) К вопросу о mnogoznachnosti ekonomicheskikh terminov (To the Problem of Polysemy of Economic Terms). *Issues of Cognitive Linguistics*, 3, 120–126. (In Russian)].
- Зубкова М. А. Взаимосвязь терминологической вариативности и развития терминосистем // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2019. № 2. С. 233–237. [Zubkova, Marina A. (2019) *Vzaimosvyaz terminologicheskoy variativnosti i razvitiya terminosistem*. (The Connection Between Variability and Development of Terminology). *Vestnik TvGU. Series: Philology*, 2, 233–237. (In Russian)].
- Зубкова М. А. Факторы образования и развития терминосистем банковской сферы как параметры их моделирования (на материале английского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2021. [Zubkova, Marina A. (2021) *Factory obrazovaniya i razvitiya terminosistem bankovskoy sfery kak parametry ikh modelirovaniya (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* (Factors of Formation and Development of Banking Terminology Systems as Parameters of Their Modeling (Based on the Material of English and Russian Languages): Extended Abstract of PhD Thesis in Philology). Tver. (In Russian)].
- Кострубина С. А. Сокращения терминов в английском и русском субъязыках экономистов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2018. [Kostrubina, Svetlana A. (2018) *Sokrashcheniya terminov v angliyskom i russkom subyazykakh ekonomistov: Avtoref. dis. ...*

- kand. filol. nauk (Abbreviations of Terms in the English and Russian Sub-Languages of Economists: Extended Abstract of PhD Thesis in Philology). Yaroslavl. (In Russian)].
- Кропотухина П. В., Тихонов В. В. Метафоры и «контрметафоры» санкционного дискурса // Политическая лингвистика. 2015. № 4 (54). С. 97–101. [Kropotukhina, Polina V., & Tikhonov, Vladimir V. (2015) Metafory i kontrmetafory sankcionnogo diskursa (Metaphors and “Counter-Metaphors” of the Sanctions Discourse). *Political Linguistics*, 4 (54), 97–101. (In Russian)].
- Сложеникина Ю. В. Терминологическая вариативность: семантика, форма, функция. М.: Издательство ЛКИ, 2010. [Slozhenikina, Yuliya V. (2010) *Terminologicheskaya variativnost: semantika, forma, funkciya* (Terminological Variability: Semantics, Form, Function). Moscow: LKI. 2010. (In Russian)].
- Тарасова М. С. Актуальная лексика периода экономических санкций 2014–2017 гг. «Импортозаместительный»: семантика, употребление, коннотации // Политическая лингвистика. 2018. № 3. С. 76–83. [Tarasova, Marianna S. (2018) Aktualnaya leksika perioda ekonomicheskikh sankciy 2014–2017. Importozamestitelnyy: semantika, upotrebleniye, konnotacii (Essential Lexis of the Period of Economic Sanctions of 2014–2017. “Import-Substitutional”: Semantics, Usage, Connotations). *Political Linguistics*, 3, 76–83. (In Russian)].
- Федосеева Г. А. Сущность и развитие теории импортозамещения // Известия СПбГЭУ. 2015. № 3. С. 144–148. [Fedoseyeva, Galina A. (2015) Sushchnost i razvitiye teorii importozameshcheniya (The Essence and The Development of Import Substitution). *Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomičeskogo universiteta*, 3, 144–148. (In Russian)].
- Хомутова Т. Н. Теория языковой вариативности: социолингвистический аспект // Вестник ЮурГУ. Серия: Лингвистика. 2005. № 11. С. 28–34. [Khomutova, Tatyana N. (2005) Teoriya yazykovoy variativnosti: sociolingvisticheskiy aspekt (Theory of Linguistic Variation: Sociolinguistic Aspect). *Bulletin of the South Ural State University. Series Linguistics*, 11, 28–34. (In Russian)].
- Montanari, Federico. (2012) Forms of Economic Discourse, the Crisis, and Financial Markets. *Sociologica*, 3, 1–21. Retrieved from <https://core.ac.uk/download/132771411.pdf>.
- Museanu, Elena. (2012) Economic Terminology — New Perspectives. *European Scientific Journal*, 253–257. Retrieved from <https://core.ac.uk/reader/328023670>.
- Pamies Antonio, Ruiz Ismael Ramos. (2017) Metaphors of Economy and Economy of Metaphors. *EUROPHRAS*, 60–69. Retrieved from <https://www.acl-bg.org/proceedings/2017/EUROPHRAS%202017/pdf/EUROPHRAS2017008.pdf>.
- Pinelli, Erica. (2019) *Sanctions against Russia: Presentation of the First Period of the Sanctioning Process in Russian Media*. Retrieved from <https://www.researchgate.net/publication/340093287>.

Источники языкового материала / Language material resources

- Лента.Ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lenta.ru> (дата обращения: 30.11.2023) [Lenta.ru. (2023, November 30) Retrieved from <https://www.lenta.ru>. (In Russian)].
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.11.2023). [NCRL. (2023, November 30) Retrieved from <https://www.ruscorpora.ru>. (In Russian)].
- Нормативно-правовая база «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 30.11.2023) [Garant. (2023, November 30) Retrieved from <https://www.garant.ru>. (In Russian)].

РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ria.ru> (дата обращения: 30.11.2023).
[RIA. (2023, November 30) Retrieved from <https://www.ria.ru>. (In Russian)].
OFAC — Office of Foreign Assets Control of the US Department of the Treasury. Retrieved from
<https://ofac.treasury.gov>.
Sanctions Glossary. Retrieved from <https://www.sanctionsexpert.com/sanctions-glossary>.

УДК 811.521:81'37

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-61-72

НАЗВАНИЯ ЯПОНСКИХ НАРРАТИВОВ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ

А. В. Козачина, А. К. Перминова

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

В статье анализируется феномен названия как неотъемлемой части нарратива, которая служит одновременно и вовлекающим фактором для реципиента, и его первым контактом с произведением. Выделяется важная роль названия в презентации нарратива, отмечаются его функции: информативная, рекламная и изобразительно-декоративная. Статья рассматривает концепцию лингвокреативности, связанную со способностью к бесконечному формированию оригинальной речи. Авторы переходят от традиционного понимания лингвокреативности к расширенному, включая нетривиальный выбор из уже известных языковых средств для построения образа объекта. Целью работы является анализ языковых средств, лежащих в основе названий японских нарративов в аспекте лингвокреативности. Теоретико-методологической базой работы являются труды отечественных и зарубежных ученых в области лингвокреативности, нарратива и названий. Основными методами исследования выступают описательный, сравнительно-сопоставительный, семантический анализ, контекстуальный анализ, морфологический и морфемный анализ и метод сплошной выборки. В качестве материала исследования использованы манга (японские комиксы) и аниме (японская анимация). В рамках статьи представлен анализ способов конструирования названий японских нарративов и использованных языковых средств с точки зрения лингвокреативности. Были изучены структурные и семантические особенности названий-словоформ, названий-словосочетаний и названий-предложений на предмет реализации лингвокреативности. В рамках каждой категории названий были уточнены подкатегории. Так, в категории «названия-словоформы» были выявлены подкатегории неологизмов, диалектизмов, фонетических каламбуров и иероглифической игры, в «названиях-словосочетаниях» — использование фонетических каламбуров, иероглифической игры, старых форм японского языка и идиом, а в «названиях-предложениях» — использование длинных названий. Также были выделены устойчивые формулы. В результате проведенного анализа выявлены способы реализации лингвокреативности в процессе формирования названий нарративов. Полученные результаты могут дать новые исследовательские перспективы в области языкознания и изучения нарратива. В качестве перспективы научного исследования авторы рассматривают комплексное исследование лингвокультурных кодов, лежащих в основе названий японских нарративов.

Ключевые слова: лингвокреативность; нарратив; название; японский язык; аниме; манга.

Цитирование: Козачина А. В., Перминова А. К. Названия японских нарративов в аспекте лингвокреативности // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 2 (66). С. 61–72. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-61-72.

Narrative Titles through the Lens of Linguocreativity

Anna V. Kozachina, Anna K. Perminova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

The authors analyze the phenomenon of the title as an integral part of the narrative, which serves both as an engaging factor for the recipient and their first contact with the text. The article emphasizes the important role of the title in the presentation of the narrative and points out its functions: informative, advertising, and visual-decorative. The authors consider the paradigm of linguocreativity associated with the ability to continuously generate unique speech, shifting from its traditional understanding to a more extended one, which includes a non-trivial choice of already known linguistic means used to build an image of an object. The aim of the research is to analyze the linguistic means underlying the names of Japanese narratives within the context of linguocreativity. The theoretical and methodological framework of the study is formed by the research of Russian and foreign scholars in the field of linguocreativity, narrative studies, and title studies. The main research methods are descriptive, comparative, and semantic analysis, contextual analysis, morphological and morphemic analysis, and the method of continuous sampling. Manga (Japanese comic strips) and anime (Japanese animation) are used as the research material. The article analyses the ways of constructing the names of Japanese narratives and the linguistic means used for the purpose from the point of view of linguocreativity. The authors examine structural and semantic features of word-form titles, word-phrase titles, and sentence titles to see how linguocreativity is realized, and identify a number of subcategories within each category of titles. For instance, within the category of “word-form titles,” they identify the subcategories of neologisms, dialectisms, and phonetic and hieroglyphic play-on-words; within the “word-form titles” category, they identify the subcategories of a) the use of phonetic and hieroglyphic play-on-words and b) old forms of Japanese and idioms; while the “sentence titles” category demonstrates the use of long names. Several stable structures were also identified. In general, the results of the analysis clearly demonstrate how linguocreativity is realized in the process of forming titles of narratives. The obtained results can open up new research prospects in the field of linguistics and narrative studies, while a comprehensive study of linguocultural codes underlying the names of Japanese narratives may serve as a promising subject for further research.

Key words: linguocreativity; narrative; title; Japanese language; anime; manga.

Citation: Kozachina, Anna V., Perminova, Anna K. (2024) Narrative Titles through the Lens of Linguocreativity. *LUNN Bulletin*, 2 (66), 61–72. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-61-72.

1. Введение

На современном этапе развития лингвистической науки особая роль отводится изучению нарратива, который воспринимается исследователями не только как повествование в широком смысле, но и как транслятор опыта, создающий смысловые связи и «инкрустирующий» определенное восприятие мира у представителей того или иного языкового сообщества.

Рост числа междисциплинарных исследований, объектом которых является нарратив, результировал в выделение нового парадигмального течения.

У западных исследователей оно получило номинацию *narrative turn* (Clayton 1990; Epstein 1995; Evans, Evans 2008; Lewis 2014; Sasso 2020, Wendorff 2020), в отечественную же лингвистику данный термин вошел как «нарративный поворот» (Трубина 2002) или «поворот к нарративу» (Репьевская 2012). Данный «поворот» заключается в переосмыслении самой сути нарратива: исследователи переходят от изучения нарратива в литературоведении к его анализу в контексте других направлений. Предметом анализа становится не только содержательная часть нарратива, но и его структурные элементы, ключевым из которых по праву считается название.

В контексте изучения феномена названия особого внимания заслуживает работа Г. Левина (Levin 1977): ученый был первым, кто использовал термин *titology*, обозначая им область исследований, направленных на изучение названия. Однако в отечественном научном пространстве данный термин не получил должного внимания, несмотря на активное изучение феномена названия многими исследователями (Кржижановский 1931; Джанджакова 1992; Федунина 2011; Лиходкина 2018).

Названию отведена важная роль в презентации нарратива: оно как «лицо» дает подсказки о сюжете и теме произведения. А. В. Антропова выделяет следующие функции названия: информативную, рекламную и изобразительно-декоративную (Антропова 2008: 10). И поскольку названия нарративов выполняют наиболее важные функции для его восприятия и интерпретации, их генерация требует активного проявления креативного подхода.

Ряд авторитетных отечественных и зарубежных исследований демонстрирует, что креативность является способностью, присущей каждому человеку (Богоявленская 1983; Амабайл 2006; Любарт 2009; Андреев 2015). Существует гипотеза, что каждый носитель языка может сформировать любое полностью новое и не существовавшее ранее предложение (Chomsky 1965; Маслоу 1999; Гумбольдт 2000; Галкина 2011; Демьянков 2016 и др.). Способность индивида к бесконечному формированию полностью оригинальной речи стала фундаментом для выделения отдельного термина — лингвокреативность. В западной лингвистической традиции данный термин связан с исследованием Н. Хомского (Chomsky 1965).

В современном отечественном языкознании наблюдается тенденция к расширению контекста интерпретации лингвокреативности: от «способности создания новых текстов или слов, которых ранее не существовало» к «нетривиальному выбору из уже известных языковых средств для построения образа объекта» (Ирисханова 2009: 161), «способности личности к использованию нестандартных лингвистических приемов и средств выражения мысли» (Галкина 2011: 161) и «реализации возможного, но еще не реализованного» (Демьянков 2016: 30–31).

В рамках настоящего исследования мы будем придерживаться трактовки О. К. Ирисхановой, поскольку она наилучшим образом отражает основной посыл работы.

Данная публикация ставит своей целью анализ способов конструирования названий японских нарративов и лежащих в их основе языковых средств в аспекте лингвокреативности.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом нашего исследования послужили названия японских комиксов манга и японских анимационных сериалов и полнометражных фильмов аниме общим числом 300 единиц. Названия были отобраны при помощи метода сплошной выборки из интернет-баз данных *MyAnimeList* и *Shikimori*, затем структурированы и проанализированы на предмет реализации лингвокреативности.

В настоящей работе мы будем опираться на типологию А. В. Антроповой, которая выделяет группы названий нарративов, основываясь на структуре: названия-словоформы, названия-словосочетания и названия-предложения (Антропова 2008: 11–12). Помимо нее, Н. А. Кожина классифицировала названия на внутренне направленные и внешне направленные (Кожина 1984: 172), однако мы посчитали данную классификацию наименее подходящей для нашего исследования.

Внутри каждого класса проведены морфемный, морфологический, семантический, контекстуальный анализ, а также сплошная выборка.

3. Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе нашего анализа были отобраны 300 единиц примеров названий и распределены по категориям (см. Табл. 1), определенным А. В. Антроповой.

Таблица 1. Количественный анализ названий японских нарративов

Категория	Число единиц
Названия-словоформы	74
Названия-словосочетания	197
Названия-предложения	29

3.1. Названия-словоформы

На данном уровне проанализированы названия-словоформы, внутри которых выделены следующие подкатегории: *неологизмы*, *диалектизмы*, *фонетические каламбуры* и *иероглифическая игра*.

Рассмотрим примеры *неологизмов*.

(1) 競女!!!!!!! /кэйдзё/ — это спортивная и комедийная манга, написанная Даити Сораёми.

Кэйдзё — это выдуманый женский спорт. Название манги — корнесложное слово, сформированное из иероглифов 競 /кэй/, который часто используется для образования наименований различных видов спорта (напр. 競泳 /кё:эй/ «соревнования по плаванию», 競馬 /кэйба/ «скачки, бега»), и 女 /дзё/ «девушка».

(2) 呪術廻戦 /дзюдзюцу кайсэн/ — «Магическая битва». Манга, написанная и проиллюстрированная Акутами Гэгэ. В данном названии используется фиксируемое в словарях слово 呪術 /дзюдзюцу/ «магия, колдовство» и иероглиф 戦 /сэн/, который несет в себе значение некоего противостояния, сражения. Однако сочетание 廻戦 /кайсэн/ не фиксируется словарями японского языка.

Иероглиф 廻 /кай/ — это вариант написания иероглифа 回 /кай/, являющийся омофоном и имеющий схожее значение вращения [go.on]. Тем не менее первый иероглиф в современном японском языке употребляется редко: самое распространенное слово — это «сансара» (輪廻 /риннэ/), из чего можно сделать вывод, что в названии рассматриваемого произведения заложена буддийская концепция преодоления своих барьеров и поиска внутренней силы. Аниме делает акцент на значимости самопознания, духовного развития и осознания своего места в жизни.

Фонетически かいせん /кайсэн/ соответствует двум словам: 会戦 /кайсэн/ «бой, сражение»; и 回戦 /кайсэн/ «раунд в спортивном состязании». Автор манги не дает комментариев по поводу смысла выбранного названия. Мы можем предположить, что 廻戦 /кайсэн/ — это цикл битв, подобный циклу рождений и смертей в сансаре. В контексте рассматриваемого произведения — цикл побед и поражений, который необходимо пройти главному герою Итадори Юдзи для освобождения от проклятья.

Из проведенного анализа примеров (1) и (2) видно, что значения полученных неологизмов соотносятся с сюжетными доминантами анализируемых нарративов. Неологизмы используются для усиления уникальности и индивидуальности нарратива, чтобы определенная лексическая единица ассоциировалась лишь с одним конкретным произведением.

Еще один пример проявления лингвокреативности в названиях-словоформах — использование *диалектизмов*. В данном исследовании мы используем термин «диалектизм» в том числе в отношении всех регионализмов, поскольку применение данного термина зафиксировано в отечественной лингвистике и японистике.

(3) ばらかもん /баракамон/ — манга и одноименное аниме авторства Ёсино Сацуки.

Слово ばらか принадлежит к диалекту островов Гото [goto-search] и не имеет точного эквивалента в русском языке: оно совмещает в себе значения

«бодрый», «энергичный», «полный жизненной энергии». *もん* /мон/ представляет собой суффикс, обозначающий «определенного человека или группу людей». Следует, что *ばらかもん* /баракамон/ — «энергичный человек». Это слово описывает главную героиню манги и аниме Нару Котоиси, семилетнюю неунывающую девочку.

В процессе исследования нами было зафиксировано 7 случаев использования диалектизмов. Благодаря использованию диалектизмов у реципиента выстраиваются четкие ассоциации с географическим положением, что изначально формирует в сознании определенные пресуппозиции и облегчает ознакомление с нарративом.

Следующим примером проявления лингвокреативности на лексическом уровне служат *фонетические каламбуры*. В процессе исследования нами было выделено целых 37 единиц, что объясняется слоговым характером японского языка.

(4) *どろろ* /дороро/ — японская манга, написанная и проиллюстрированная родоначальником японских комиксов, Тэдзукой Осаму. Дороро — имя главной героини. Она сирота, ворует и обманывает людей на деньги. Имя Дороро созвучно со словом *泥坊* /доробо:/ «вор», «грабитель». Подобное созвучие характеризует личность главной героини и ее деятельность на протяжении сюжета.

(5) *のんのんびより* /нонномбиёри/ — это комедийная манга авторства Атто. Название произведения представляет собой слияние глагола *のんびりする* /номбирисуру/ «чувствовать себя беззаботно», «расслабляться» и существительного *日和* /хиёри/ «хорошая погода». А поскольку звуки ряда *は* /ха/ при словослиянии имеют тенденцию к озвончению или оглушению, слово *日和* /хиёри/ в постпозиции трансформируется в *びより* /биёри/.

Стоит отметить, что в японском языке большую роль играют повторения одинаковых слогов: к этой группе слов можно отнести ономатопоэтизмы (напр. *ゲラゲラ* /гэрагэра/ — ономатопоэтизм, обозначающий громкий смех; *にゃんにゃん* /нянняян/ — мяуканье кошки). Это может объяснить повторение *のん* /нон/ в названии.

Итак, анализ данной подкатегории выявил, что фонетические каламбуры позволяют либо расширить семантическое поле названия путем слияния двух или более слов, либо повысить его привлекательность у реципиента, реализуя тем самым изобразительно-декоративную и рекламную функции.

Иероглифический характер письменности японского языка также становится почвой для разных форм игры слов. В основе лежат полисемия и полифония, которые свойственны большому числу японских иероглифов.

(6) Цикл «Моногатари» является серией аниме-сериалов по сюжетам новелл Нисио Исина. Отличительной особенностью названий произведений

цикла является *иероглифическая игра* в сочетании со словом *物語*/моногатари/ «история».

Каждое название состоит из трех иероглифов. Сочетание второго и третьего представляют собой слово *物語*/моногатари/ «история», а сочетание первого и второго — иное слово с иероглифом *物*/моно; *буцу*/ «вещь» на конце. Так, например, *化物語*/бакэмоногатари/ является слиянием слов *化物*/бакэмоно/ «монстр» и *物語*/моногатари/ «история». Корни, занимающие препозиционное положение, уточняют семантику слова, поэтому иероглифы, стоящие в данной позиции, определяют существительное «история».

Использование иероглифической игры позволяет охватить широкий семантический спектр в одной лексической единице. Это обеспечивает названию информативную функцию.

3.2. Названия-словосочетания

В данной группе было проанализировано 197 единиц названий и выделены следующие подкатегории: *устаревшие формы японского языка, фонетические каламбуры, иероглифическая игра и идиомы. Иероглифическая игра и каламбуры идентичны по своей реализации с теми же подкатегориями в группе названий-словоформ.*

На уровне словосочетаний мы отмечаем использование *устаревших форм японского языка*. Периодически в названиях японских аниме и манги можно заметить не используемые в современном языке иероглифы или элементы бунго (литературная форма японского языка до 1945 г.).

(7) *しまなみ誰そ彼* /симанами тасогарэ/ — манга, написанная и иллюстрированная Каматани Юки. Манга повествует о подростке по имени Канама Тасуку, который запутался в себе и пытается найти свое истинное «я».

誰そ彼 /тасогарэ/ — устаревший вариант слова «сумерки». В современном японском языке используется слово *黄昏* «сумерки», которое имеет два чтения: *こうこん* /ко:кон/ и *たそがれ* /тасогарэ/. Слово *誰そ彼* /тасокарэ/ состоит из компонентов *誰そ* /тасо/, устаревшей формы вопросительного слова *だれ* /дарэ/ — «кто?» [weblio], и *彼* /карэ/, личного местоимения третьего лица «он». Изначально при словослиянии фонетической трансформации не происходило, но в эпоху Эдо (1603–1868) слово преобразовалось в *たそがれ* /тасогарэ/. Таким образом, буквальное значение *誰そ彼* /тасогарэ/ — «Он — это кто?». В темноте сумерек было трудно различить лица людей, по этой причине вопрос «кто это?» стал метафорой для обозначения темного времени суток. Помимо описанной метафоры к сюжету произведения апеллирует и буквальное «Он — это кто?». Главный герой пытается понять смысл своего существования и значимость собственной личности, т. е. ответить на вопрос «он — это кто?».

Таким образом, устаревшие формы японского языка способствуют установлению более прочной связи между названием и главной мыслью произведения или расширению семантического поля лексемы, используемой в названии.

Использование же *идиом* может обеспечивать названию рекламную функцию, поскольку данные языковые единицы у людей на слуху и часто воспроизводятся в речи:

(8) *千と千尋の神隠し* /сэн то тихиро но камикакуси/ — «Унесенные призраками». Это аниме студии «Гибли» режиссера Миядзаки Хаяо. Главная героиня аниме, Тихиро, стала жертвой «камикакуси». *神隠し* /камикакуси/ — это явление, при котором люди исчезают ни с того ни с сего, пропадают без вести. В русском языке идиома соответствует фразеологизмам «как сквозь землю провалился», «как в воду канул» и т. д. В древние времена в Японии считалось, что исчезновение людей — это дело рук лесных божеств ками или злобных существ тэнгу.

3.3. Названия-предложения

На синтаксическом уровне нами была выделена подкатегория «длинные названия», которая отсутствует в научных трудах по теме. Далее мы предпримем попытку дать ей наиболее полную характеристику.

Явление длинных названий приобрело узнаваемую форму из-за платформы *小説家になろう* /сёсэцука ни наро:/ «Давай станем писателями!». Отличительной особенностью платформы является то, что автор не может прикрепить иллюстрацию к своему произведению и привести его описание. Данное ограничение способствовало тому, что начинающие писатели стали кратко описывать сюжет своей работы в графе названия.

Длинное название должно быть вызывающим и захватывающим. Для удобства зрителей названия сокращаются до двух первых знаков азбуки выбранных автором слов из названия. Например, *俺の彼女と幼なじみが修羅場すぎる* /орэ но канодзё то осананадзими га сюраба сугиру/ «Моя девушка и лучшая подруга детства — это как кровавое поле битвы» сокращается до *おれしゅら* /орэсюра/, где *おれ*/орэ/ — «я» и *しゅら*/сюра/ — «резня».

Явление длинных названий является уникальным для формата названий аниме и манги, так как по большей части авторы пытаются передать его в короткой форме. Исходя из этого, можно сделать вывод, что данное явление является проявлением лингвокреативности в своей области.

3.4. Устойчивые формулы

В процессе нашего исследования были выделены две лингвистические формулы, по которым были построены группы названий. Первой является формула «*となりの* /тонари но/ (живущий по соседству) + имя / прозвище персонажа персонажа». В процессе выборки было выделено 15 названий. Самым популярным из них является название полнометражного анимационного фильм

студии «Гибли» — *となりのトトロ* /*тонари но тоторо*/ «Тоторо по соседству», лицензированного в России как «Мой сосед Тоторо». Нельзя точно утверждать, что фильм студии «Гибли» *となりのトトロ* /*тонари но тоторо*/ «Тоторо по соседству» стал идейным вдохновителем для всех названий данной структуры. Однако в названии аниме-сериала *となりのトコロ* /*тонари но тогоро*/ «Соседнее место» прослеживается очевидное фонетическое сходство с полнометражным аниме. Аниме и манга с названиями, сформированными по формуле «*となりの /тонари но/ + имя / прозвище персонажа*», в основном принадлежат жанрам «повседневность» и «комедия».

Следующая формула — «*объект + служебное слово + словарная форма глагола + 頃に /коро ни/ (в пору)*». В рамках данной структуры было выделено 6 названий. Мы полагаем, что для всех названий, построенных по этой формуле, идейным вдохновителем является франшиза *ひぐらしのなく頃に* /*хигураси но наку коро ни*/ «В пору, когда жужжат цикады», поскольку произведений с более ранней датой выпуска найдено не было. Аниме и манга с названиями, сформированными по структуре «*объект + служебное слово + словарная форма глагола + 頃に /коро ни/*», объединяет жанр «драма».

4. Заключение

Целью нашего исследования являлся анализ способов конструирования названий японских нарративов и лежащих в их основе языковых средств в аспекте лингвокреативности.

В процессе работы с опорой на типологию А. В. Антроповой были изучены структурные и семантические особенности названий-словоформ, названий-словосочетаний и названий-предложений на предмет реализации лингвокреативности. В рамках каждой категории названий были уточнены подкатегории. Так, в категории «названия-словоформы» были выявлены подкатегории неологизмов, диалектизмов, фонетических каламбуров и иероглифической игры, в «названиях-словосочетаниях» — использование фонетических каламбуров, иероглифической игры, старых форм японского языка и идиом, а в «названиях-предложениях» — использование длинных названий (см. Табл. 2). Также были выделены устойчивые формулы. Для каждой подкатегории описаны языковые средства, установлены связи с функциями названий нарративов: номинативной, информативной, рекламной, изобразительно-декоративной.

Таблица 2. Частота использования лингвокреативных аспектов в формировании названий

Категория	Число единиц
Неологизм	8
Фонетические каламбуры	37
Иероглифическая игра	13
Старые формы ЯЯ	11
Диалектизм	7
Идиома	11

Перспективой настоящего исследования является комплексное исследование лингвокультурных кодов, лежащих в основе названий японских нарративов.

Список литературы / References

- Амабайл Т.* Как убить творческую инициативу // Креативное мышление в бизнесе. Москва: Альпина Бизнес Букс, 2006. [Amabile, Theresa M. (2006) *Kak ubit' tvorcheskuyu initsiativu* (How to Kill Creativity). In *Kreativnoye myshleniye v biznese* (Creative Thinking in Business). Moscow: Al'pina Business Books. (In Russian)].
- Андреев В. И.* Педагогическая эвристика для творческого саморазвития многомерного мышления и мудрости: Монография. Казань: Центр инновационных технологий, 2015. [Andreev, Valentin I. (2015) *Pedagogicheskaja evristika dlia tvorcheskogo samorazvitiia mnogomernogo myshleniia i mudrosti*: Monografiia (Pedagogical Heuristics for Creative Self-development of Multidimensional Thinking and Wisdom: Monograph). Kazan': Tsentr innovatsionnykh tekhnologii. (In Russian)].
- Антропова А. В.* Названия американских, английских и российских кинофильмов: сопоставительная характеристика и проблемы перевода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. [Antropova, Anastasia V. (2008) *Nazvaniya amerikanskih, anglijskih i rossijskih kinofil'mov: sopostavitel'naja harakteristika i problemy perevoda*: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk (American, English and Russian Movie Titles: Comparative Characterization and Translation Problems: Extended Abstract of PhD Thesis in Philology). Ekaterinburg. (In Russian)].
- Богоявленская Д. Б.* Интеллектуальная активность как проблема творчества. Р.н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1983. [Bogoiavlenskaia, Diana B. (1983) *Intellektual'naja aktivnost' kak problema tvorchestva* (Intellectual Activity as a Problem of Creativity). Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo un-ta. (In Russian)].
- Галкина А. В.* Овладение лингвистической креативностью в контексте овладения иностранным языком // Вестник ТГУ. 2011. № 10. С. 158–164. [Galkina, Alla V. (2011) *Ovladenie lingvisticheskoi kreativnost'ju v kontekste ovladenija inostrannym jazykom* (Mastering Linguistic Creativity in the Context of Foreign Language Acquisition). *Bulletin of Tomsk State University*, 10, 158–164. (In Russian)].
- Гумбольдт В. фон* Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000. [von Humboldt, Wilhelm. (2000) *Izbrannye trudy po yazykoznaniju* (Elected Works on Linguistics, 2nd edition). Moscow: Progress. (In Russian)].

- Демьянков В. З. Языковая креативность в художественном творчестве // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. № 7. С. 29–35. [Dem'jankov, Valeriy Z. (2016) Jazykovaja kreativnost' v hudozhestvennom tvorchestve (Linguistic Creativity in Artistic Creation). *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute named after*, 7, 29–35. (In Russian)].
- Джанджакова Е. В. Смысловая сущность заглавия и его перевод (на материале рассказов А. П. Чехова) // Перевод и проблемы русской филологии. М., 1992. Вып. 393. С. 26–32. [Dzhandzhakova, Evgeniya V. (1992) Smyslovaya sushchnost' zaglaviya i ego perevod (na materiale rasskazov A. P. Chekhova) (The Semantic Essence of the Title and Its Translation (on the Material of A. P. Chekhov's Stories)). In *Perevod i problemy russkoj filologii* (Translation and problems of Russian philology). Moscow, 393, 26–32. (In Russian)].
- Иршанова О. К. О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. 2009. № 5. С. 158–171. [Irshanova, Olga K. (2009) O ponjatii kreativnosti i ego roli v metajazyke lingvisticheskikh opisaniy (On the Concept of Creativity and Its Role in the Meta-language of Linguistic Descriptions). *Cognitive Studies of Language*, 5, 158–171. (In Russian)].
- Кожина Н. А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры, типология // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1984. [Kozhina, Natalia A. (1984) Zaglavie hudozhestvennogo proizvedeniya: ontologija, funkcii, parametry, tipologija (The Title of a Work of Fiction: Ontology, Functions, Parameters, Typology). In *Problemy strukturnoj lingvistiki* (Problems of Structural Linguistics). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий. М.: «Никитинские субботники», 1931. 32 с. [Krzhizhanovskij, Sigizmund D. (1931) *Pojetika zaglavij* (The Poetics of Titles). Moscow: "Nikitinskiye subbotniki". (In Russian)].
- Лиходкина И. А. Заглавие как важный компонент паратекста и специфика его перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2-1 (80). С. 110–113. [Lihodkina, Irina A. (2018) Zaglavie kak vazhnyj komponent parateksta i specifika ego perevoda (Title as an Important Component of Paratext and Specifics of Its Translation). *Philology. Theory & Practice*, 2-1 (80), 110–113. (In Russian)].
- Любарт Т. Психология креативности. М.: Когито-Центр, 2009. [Lyubart, Todd. (2009) *Psichologiya kreativnosti* (The Psychology of Creativity). Moscow: Kogito-Centre. (In Russian)].
- Маслоу А. Г. Дальние пределы человеческой психики / Пер. с англ. А. М. Татлыбаевой СПб.: Евразия, 1999. [Maslow, Abraham G. (1999) *Dal'nie predely chelovecheskoj psihiki* (The Far Reach of the Human Mind). Translated by Tatlybaeva A. M. Saint Petersburg: Evrazija. (In Russian)].
- Репьевская М. В. Подходы к изучению нарратива // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2012. № 25. С. 136–143. [Rep'evskaja, Mariya V. (2012) Podhody k izucheniju narrativa (Approaches to the Study of Narrative). *Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics*, 25, 136–143. (In Russian)].
- Трубина Е. Г. Нарратология: основы, проблемы, перспективы: Материалы к специальному курсу. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. [Trubina, Elena G. (2002) *Narratologija: osnovy, problemy, perspektivy*: Materialy k special'nomu kursu (Narratology: Foundations, Problems, Prospects: Materials for a Special Course), Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russian)].
- Федунина О. В. К вопросу о функциях заглавия в детективе («Неподходящее занятие для женщины» Ф. Д. Джеймс в контексте традиции) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 7 (69). С. 59–66. [Fedunina,

- Olga V. (2011) K voprosu o funkciyah zaglaviya v detektive («Nepodhodyashchee zanyatie dlya zhenshchiny» F. D. Dzhejms v kontekste tradicii) (Toward a Question of the Function of the Title in the Detective (F.D. James' "An Unsuitable Occupation for a Woman" in the Context of Tradition)). *Academic Journal RSUHU / RGGU Bulletin. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, 7, 59–66. (In Russian)].
- Chomsky, Noam. (1965) *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Clayton, Jay. (1990) The Narrative Turn in Recent Minority Fiction. *American Literary History*, Vol. 2, 3, 375–393.
- Epstein, Eugene K. (1995) The Narrative Turn: Postmodern Theory and Systemic Therapy. *Gestalt Theory*, 17, 3, 171–83.
- Evans, John. H., & Evans, Michael S. (2008) Religion and Science: Beyond the Epistemological Conflict Narrative. *Annual Review of Sociology*, Vol. 34, 87–105.
- Levin, Harry. (1977) The Title as a Literary Genre. *The Modern Language Review*, Vol. 72, 4, 23–36.
- Lewis, Bradley. (2014) Taking a Narrative Turn in Psychiatry. *The Lancet*, Vol. 383, 22–23.
- Sacco, Pier L. (2020) There are More Things in Heaven and Earth... A 'Narrative Turn' in Economics?. *Journal of Cultural Economics*, 44, 173–183.
- Wendorff, Anna. (2020) The "Narrative Turn" in Literature. Observations on Digital Works. *Art Inquiry. Recherches sur les arts*, Vol. XXII, 183–192.

УДК 81.282.2

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-73-92

ПОРТРЕТ КОЛЕЩАТОВЦЕВ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Л. В. Недоступова

Воронежский государственный технический университет,
Воронеж, Россия

В работе с помощью разноуровневых языковых средств составлен речевой портрет диалектоносителей сельского социума. Актуальность изыскания обусловлена немногочисленностью работ по данной проблематике среди воронежских исследователей. Объектом статьи стали фонетические и грамматические черты говора, зафиксированные на территории вторичного заселения. Цель изыскания состоит в создании речевого портрета жителей села Колещатовка Воронежской области посредством определения его специфических особенностей, репрезентированных в диалектной картине мира. В работе применены экспериментальный и описательный лингвистические методы. В итоге на страницах научного труда представлен речевой портрет с южнорусскими и украинскими чертами. Его современное состояние является результатом длительного контактирования близкородственных языков. Среди ярких характеристик речи селян: оканье; произношение звука [ы] после немягких согласных на месте /и/; произношение [’и] на месте /i/ из ятя; сохранение этимологического *е, который не перешел в [’о]; исторический переход [е] в [о] только после исконно мягких согласных, а также сохранение такого [о] не только под ударением, но в безударной позиции; γ фрикативного образования; йотация; твёрдые согласные на месте мягких; звук «в» вариативный; замена звука «ф» на «х», «хв»; упрощение согласных и стяжение гласных; употребление кратких форм слов и мн. др. Воссозданные черты портрета обусловлены характером заселения территории. Сделан вывод: все грани человеческой жизни и сферы деятельности, прошлое и настоящее выражены в представлениях диалектоносителей старшей возрастной группы. Новизна изыскания заключается в том, что в нём описан речевой портрет в диалектной картине мира жителей малоизвестного населённого пункта Воронежского края. Практическая ценность работы состоит в том, что её сведения, собранные в полевых условиях, обработанные и интерпретированные, обогащают региональные исследования новыми, свежими материалами и могут быть полезны лингвистам, изучающим живое слово, диалектную картину мира и современное состояние народных говоров Центрального Черноземья.

Ключевые слова: речевой портрет; фонетические и грамматические особенности; говор села Воронежской области; диалектная картина мира.

Цитирование: Недоступова Л. В. Портрет колещатовцев Воронежской области в диалектной картине мира // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 2 (66). С. 73–92. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-73-92.

The Portrait of Koleschatovites of the Voronezh Region in the Dialect Picture of the World**Lubov V. Nedostupova**

Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia

Using multi-level linguistic means, the article provides a speech portrait of dialect speakers within a rural context. The relevance of the study is due to the scarcity of research on this issue among Voronezh academic community. The object of the article is the phonetic and grammatical features of the dialect recorded in the territory of the speakers' secondary settlement. The purpose of the research is to create a speech portrait of residents of the village of Koleschatovka, Voronezh region, by determining its specific features represented in the dialect picture of the world. Using experimental and descriptive linguistic methods, the author presents a speech portrait which contains Southern Russian and Ukrainian features, which emerged as the result of long-term contact between closely related languages. Among the striking characteristics of the villagers' speech are *okanye* (retention of unstressed [o]); pronouncing [ɣ] after soft consonants in place of /i/; pronouncing ['i] in place of /i/ retained from the letter 'yat' in the Old Cyrillic alphabet; preservation of the etymological *e, which did not turn into ['o]; the historical transition of [e] to [o] only after primordially soft consonants, as well as the preservation of such [o] not only under stress, but in an unstressed position; γ fricative formation; iotation; hard consonants in place of soft ones; variability of the sound [в]; replacing the sound [ф] with [x] or [xв]; simplification of consonants and contraction of vowels; use of short forms of words and many others. The reconstructed features of the speech portrait are determined by the nature of the settlement of the territory. The author concludes that all facets of human life and spheres of activity, past and present, are expressed in the ideas of dialect speakers of the older age group. The novelty of the research lies in the fact that it describes the speech portrait in the dialect picture of the world of residents of a little-known settlement in the Voronezh region. The practical value of the work lies in the fact that its information, collected in the field, processed and interpreted, enriches regional studies with new and fresh materials and can be useful to linguists studying the living word, specific dialect pictures of the world, and the current state of folk dialects of the Central Black Earth Region.

Key words: speech portrait; phonetic and grammatical features; dialect of a village in the Voronezh region; dialect picture of the world.

Citation: Nedostupova, Lubov V. (2024) The Portrait of Koleschatovites of the Voronezh Region in the Dialect Picture of the World. *LUNN Bulletin*, 2 (66), 73–92. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-73-92.

1. Введение

В последние десятилетия внимание многих учёных привлекает речевое портретирование. Особое место уделяется портретированию диалектоносителей (Иванцова 2002, 2014; Волкова 2004; Гынгазова 2009, 2010; Ганичева 2012; Терентьева 2012; Оглезнева, Панасенко 2014; Оглезнева, Блохинская 2015; Черенкова 2015; Земичева 2016; Сперанская 2017; Волкова, Ганичева, Загуменнов, Ильина, Мельникова 2017; Недоступова 2017, 2019, 2022; Волошина, Шевчик 2018 и мн. др.).

Настоящая работа продолжает цикл статей по изучению темы «Человек» в рамках антропоцентрической парадигмы (Недоступова 2023а, 2023b, 2023с).

В статье рассматриваются особенности речи, составляющие портрет жителей маленького населённого пункта Центрально-Чернозёмного региона.

Актуальность изыскания обусловлена немногочисленностью работ, иллюстрирующих портретирование носителей воронежских диалектов. Кроме того, «описание речевого портрета коллективной языковой личности в большинстве лингвистических исследований последних десятилетий носит во многом фрагментарный характер» (Юдина 2016: 63).

Наше внимание обращено на речь жителей села, расположенного в 300 км от столицы Черноземья: «Колещатовка — село в Кантемировском районе Воронежской области России. Возникло в конце 1760-х гг. Основано крестьянином села Бугаевки Михаилом Колещатым. От него и получило своё название» (Колещатовка 2023). В Колещатовке, «на двух улицах, Ленина и Южной, сегодня проживают менее 120 человек. <...> Это самый южный населённый пункт Воронежской области» (Наш край... 2022).

Объектом данной работы стали фонетические и грамматические черты говора, зафиксированные автором в 2023 г. в названном населённом пункте, относящемся к территории вторичного заселения.

Цель исследования состоит в создании речевого портрета жителей села Колещатовка Воронежской области посредством определения его специфических особенностей, репрезентированных в диалектной картине мира.

Необходимо подчеркнуть, что ещё В. Гумбольдт утверждал: «Изучение языка не включает в себе конечной цели, а вместе со всеми прочими областями служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа — цели познания человеком самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» (Гумбольдт 1985: 34).

Анализируя особенности коллективного речевого портрета колещатовцев, мы погружаемся в сельскую картину мира. Своеобразная, наполненная разными смыслами, она раскрывает образ самого человека.

Прежде всего, напомним, что «картина мира — многомерный и сложный по структуре феномен, выражающий целостное представление человека о мире и его месте в нём. В этом своём качестве картина мира предстает как основной элемент во взаимодействии человека с окружающей действительностью» (Первушина 2009: 170). Следует также учитывать, что «картина мира всегда характеризуется национально-культурной спецификой, поскольку формируется под влиянием исторических событий, географических условий и этнопсихологических особенностей отдельных народов» (Вардзелашвили 2023).

Особая роль принадлежит диалектной картине мира (ДКМ). Известно, что «диалектную картину мира отличают антропоцентричность (вербализуется только то, что непосредственно связано с человеком, его личной историей, историей его семьи или места проживания) и аксиологичность: значимые для говорящего субъекта предметы, свойства и явления получают разнообразные и весьма подробные характеристики; ценности, эксплицируемые локальным речевым контентом, оказываются постоянно востребованными в условиях сельского социума» (Ильина 2022: 79).

Поскольку наш интерес обращён к речи жителей сельского поселения, важно указать, что «соотношение между реальным миром и языком можно представить следующим образом: Реальный мир, Язык, Предмет, Явление, Слово. Однако между миром и языком стоит мыслящий человек, носитель языка» (Тер-Минасова 2000: 39). Это приводит к мысли, что связь между носителями языка и самим языком несомненна.

Как показывает практика, «будучи воплощением языковой личности в коммуникативном процессе, речевой портрет, как и языковая личность, может быть индивидуальным и коллективным» (Юдина 2016: 59). Исследовательский интерес в данной работе представляет коллективное портретирование. И здесь мы разделяем мнение лингвистов о том, что «анализ индивидуального языкового портрета позволяет сделать вывод о специфике речевых характеристик той или иной социальной категории. При этом коллективный речевой портрет даёт возможность обобщить факты, процессы и явления, которые свойственны речи представителей определённого круга, выделяемого по возрастному, профессиональному, социальному, национальному или какому-либо другому признаку» (Юдина 2016: 60–61).

Считаем, что рассмотрение особенностей речи людей, территориально проживающих в одной области с исследователем, но имеющих отличительные характеристики, выступает интереснейшим процессом. Любопытно и то, что «изучая диалектное слово, мы сможем понять подлинную сущность нашей культуры» (Вендина 2022: 89).

2. Характеристика материала и методов исследования

В XXI веке наблюдается колоссальное сокращение сельских жителей в небольших населённых пунктах нашей страны. В связи с этим очень важно успеть зафиксировать посредством живого общения с респондентами и описать новые данные в диалектном социуме области своего проживания. Полученные сведения имеют весомое значение для понимания составляющих коллективного речевого

портрета, отражённого в народном слове. Об этом Т. И. Вендина пишет: «Диалектное слово позволяет исследователю увидеть и понять человека “изнутри”, поскольку ничто не входит в язык иначе, как через слово» (Вендина 2022: 74).

Языковым материалом статьи стала диалектная речь коренных жителей села Колещатовка Кантемировского района. Она зарегистрирована в ходе непосредственных бесед автора с шестью респондентами — старожилками и долгожителями — в непринуждённой обстановке в 2023 г. Иллюстративные данные получены посредством разговоров на общие темы (преимущественно диалектоносители изъявили желание поделиться информацией о своей прошлой жизни).

В настоящей работе применены экспериментальный (наблюдение, интервьюирование, опрос) и описательный (сравнение, описание) лингвистические методы.

3. Результаты исследования и их обсуждение

3.1. Фонетические особенности диалектной речи колещатовцев

3.1.1. В области гласных

Итак, проиллюстрируем характерные черты речи колещатовцев. На фонетическом уровне чётко прослеживаются диалектные особенности, в частности в области гласных звуков:

– Оканье: *навэрно¹, надоедало, нолічно, носыл, нормально, положено, посыпал, обряд, общежитие, обязанность, одна, оддовал, огородом, около, октябрь, оно, оны, опять, основное, особенно, отвэрнул, отвичать, отключу, открыт, отработал, Ойдар, Отечественну, Отмашука, отэц, отучилась, озеродром, Подопрілова, подготбука, подруга, подспорье, пока, покупал, полиция, пололы, поля, получила, польннык, поступыл, поуторяю, поговорка, подавно, положено, полностью, половына, пололы, польы, помогал, помыдор, понятия, попало, поросёнок, послалэ, поставыл, построил, поступыла, попало, попьешь, посуда, посыдышь, посыпала, пообщаешься, порядок, потом, просто, продовалося, производствэнна, проучилась, проходыла, пультот, пятого, по росказам, разнорабочая, распорядыл, родылась, родытэлы, роздовал, розула, Росокватый, салом, самовольно, силос, сельскохозйственный, собака, с собой, собырал, совет, сорок, сочиняя, следом, сложено, слона, спросилы, спыцално, стало, становыл, стоял, столовая, строитэльство, тайно, того, торжэствэнна, Тыхон, хлопот, ходыл, хозяйство, холодно, холода, хорошоб, хотэл, уголь, черныльной, четвёртого, чиловик, школой, шохвёр, это и мн. др.* Подчеркнём, это качество речи свойственно украинским говорам.

– Аканье: *палывалы, прабабушка, работа, разнарабочая* и др. Однако оно немногочисленно.

¹ В статье используется русская упрощённая транскрипция. В говорах звук «г» фрикативный.

– Произношение звука [ы] после немягких согласных на месте /и/: *зыма́, имéлы, кантэмыряны, кань́кулы, катáлыся, кно́пки, колхо́знык, копэ́йкы, кормь́лы, коро́вий, коро́бки, ко́рочки, ко́тыкамы, кровáты, крыча́лы, Ксе́ныя, ку́пылы, куры́ть, кыно́, кыпы́ть, ли́ныи, лизгы́нка, ловы́лы, лы́шнэго, любы́ла, людмы́, магазы́н, ма́залы, ма́лчыкы, ма́тэры, Мура́шкына, мы́лы, мы́рно, набыра́ют, назывáлы, наказы́валы, напáлыся, начина́лы, носы́лы, нра́вылося, ныхто́, обстры́гла, оддова́лы, одын, оны́, пэ́сны, пидво́дылы, плоты́лы, плы́нтус, подгото́уки, подру́гы, половы́на, полóлы, полывáлы, полы́ннык, пострóилы, покупáлы, помыдо́ры, поругáлы, поступи́лы, посы́пáлы, пра́вылна, пра́зныкы, прыбыра́лы, прывы́кылы, прывэ́лы, пры́дэм, прый́ихав, прыка́жуть, прыше́лиц, прышлы, пты́ца, пыса́лы, пыта́ние, пы́шешь, рабо́талы, разво́зылы, ра́зныца, разрэша́лы, раскула́чили, рва́лы, роды́тэлы, роды́лась, рука́мы, ру́чки, сады́лы, са́мы, са́ны, свы́ныйи, Сла́вык, соба́камы, собыра́лы, спи́скы, спэ́рэды, спы́цáлно, ста́вылы, старычо́к, становы́л, стоя́лы, стыды́лы, сыды́мо, сы́лос, сэ́сыя, танцевáлы, тэ́хныкум, тра́тылы, тры, тры́цать, Ты́хон, убра́лы, укралы́, у́лыца, уме́стыся, уну́кы, упэ́рлы, уро́кы, учили́ся, учы́тэлныца, ходы́лы, черны́ламы, чы́стылы, шо-ныбу́дь, ша́рык, шлы, щы́титáлы и мн. др. Чрезмерное употребление в речи [ы] выступает показателем украинских диалектов.*

– Произношение [’и] на месте /и/ из ятя, в том числе под ударением: *отвичáть, пирьевы́е, чило́вик, уты́кла, притсидáтель, прый́ихав, развизлы́, ручийка́, сýно, синтя́брь, чим, у сили́, умы́сти, успы́лы, уты́кла* и др. Использование «и» на месте этимологического «ять» характерно для украинского языка. Оно отмечено нами и в других говорах Воронежской области (Недоступова 2017, 2019).

– Сохранение этимологического *е, который не перешел в [’о]: *йи́е* (её), *иши́э* (ещё), *живэ́* (живёт), *сэ́ла* (сёла), *попы́ешь* (попъёшь), *усэ́* (всё), *упэ́рэд* (вперёд) и др. Эта черта свойственна ряду южнорусских говоров и украинскому языку.

– Исторический переход [е] в [о] только после исконно мягких согласных, а также сохранение такого [о] не только под ударением, но в безударной позиции: *ужо́* (уже), *ёго* (его), *бабушо́к* (бабушек), *де́душо́к* (дедушек), *нашо́й* (нашей), *ничёго* (ничего), *за́мужом* (замужем) и др. Данная особенность присуща украинскому языку.

– Утрата начального гласного: *колó* (около) и его появление: *апо́сля* (после). Об этом Р. И. Аванесов и Л. Л. Касаткин писали: «Второй предупредительный слог во многих южных говорах настолько ослаблен, что при благоприятных условиях редукция гласного в нём может дойти до нуля» (Аванесов 1949: 60); «гласный [а] между согласными в начале слова возникает в связи с особенностями оформления слога как суперсегментной единицы в диалектной речи» (Касаткин 1999: 24).

3.1.2. В области согласных

Типичными чертами произношения согласных звуков колещатовцами являются:

– г — фрикативного образования: *дэньуи, друу, друуа, друуы, дэвятоуо, ёуо, заулядваем, зурэбать, иуралэ, клэнóвоуо, коуó, у крууу, а двóя выбывáлы, лизуынка, лышнэуо, мауазын, мноуо, никóуо, ничёуо, обстрыула, оуорóд, пилуóда, поуип, поулядя, поуовóрка, подуотóуки, подрууы, порууáлы, помоуáлэ, пятоуо, такóуо, тоуó, трэтьеуо, Росоковáтоуо, ууадáла, ууоль, усиудá, хорóшеуо, четвэртоуо, шууáють* и мн. др. Это также отличительная особенность южнорусских и украинских говоров.

– Йотация: *свыныйй, симыйй, прыййхав, йих, йие* и др.

– Использование твёрдых согласных на месте мягких: *Ворóнэж, врэмэна, вэлыкой, дэвочка, мáтэрэй, момэнты, мэжду, мэние, навэрно, начáльных, нэвэста, нэмцы, нэмэцкый, нэплóхо, овэц, октабрéя, осóбэнно, отвэрнулéся, отвэчáть, отвэчáлэ, отэц, пипэтка, повэсыть, подэлышыся, полнэнкый, помогáлэ, пóслэ, прóзвишиша, производствэнна, прóписэй, прýдэм, пэклы, пэлы, пэнсыя, пэрó, пэрэд, пэрэдáть, пэрэживáлэ, пэрэпóртэл, пэрэчислэял, пэрвый, пэсók, пэшкóм, раздэлэнья, разрэшáл, родытэлы, роздовáлэ, рэбáта, рэпэтитóр, рэчь, самодэятэльность, свэт, сэбэ, сэльскохозáйственный, сэь, сэьнáцáть, сэстрá, свынэй, свэклá, смэна, спэрэды, спыцáлно, срэднэй, стáрэнькый, стэна, судá, сэсыя, торжэствэнна, трэтим, тэлэвызор, тэхныкумэ, увэрну́всэ, умэрлы, упэрлысь, упэрэд, успэлы, учитэл, учитэлныца, хлóпэц, ходылы, холóдáлэ, хотэла* и мн. др. Эта черта типична для украинских говоров.

– Звонкие согласные на конце слов и перед глухими не оглушаются, глухие выступают в качестве звонких: *Бог, Ворóнэж, зáмуж, клуб, молодэжь, навóз, общежýтие, пидрýд, подспóрье, колхóз, пэрэд, раз, склад, упэрэд, чэрэз, шоныбúдь; з гóлоду, з половыной, щаз, наз, з барáнкамы, з Клиновóго, з Зарý, з Росоковáтого, з Ойдáра, з Водяно-Липового, рúчки з черныламы, дак, ходь, везь, пэнзия* и мн. др.

– Представлен вариативный звук «в»: как «у» неслоговой: *Журауке, Кантемироуку, Колещáтоуке, колхóзныкоу, короу, Кочáноу, клóдоущикóм, красýше, на Отмáшиукэ, подготóуки, поуторяю, праунукив, процéнтоу, рауно, церкóуные, Трохвимоуна, уну́кы, уну́чка, упэрэд, урэмя, усигдá, усэ, усё, уторóм, умэсти, с хуториу;* и как губно-зубной «в»: *зáвтра, долívка, избáвь* и др.

– Звук «ф» заменяется звуком «х» или «хв»: *хрóнт, хвотографы́рвать, конхвёт, Трохвимоуна, хвэрма, шохвёр* и др. По мнению Н. П. Гринковой, «это фонетическое явление охватывает не только старый состав слов, как хвартук, хванарь, хранцуз или собственные имена, как Хвилип, Хведот и т. п., а захватывает фонетическое оформление совсем новых слов» (Гринкова 1947: 197).

– Наблюдается упрощение согласных и стяжение гласных: *Алекáндрo-выч* — Александрович, *выглядáем* — выглядываем, *збырáлыся* — собирались, *крандашóм* — карандашом, *тóка* — только, *тыщица* — тысяча, *нычэ* — ничего, *пийсáт, питьсáт* — пятьдесят, *спыцáлно* — специально, *сычáс* — сейчас, *про-рабiла* — проработала, *лúччи* — лучше и др. Укажем, что названная фонетическая черта свойственна как русским, так и украинским диалектам Воронежской области.

Кроме того, в говоре сельчан наблюдается смена места ударения: *былi* — бЫли, *никóго* — никогó, *украли* — укРАли, *занóсылы* — заносИли, *здали* — сдАли, *посыдышь* — посидИшь, *проходылэ* — проходИли, *прýдэм* — придём, *óны* — онИ, *дали* — дАли, *мэнэ* — менЯ, *у кругу* — в кругУ, *кóго* — когó, *на сáнях* — на санЯх и мн. др.

3.2. Грамматические особенности диалектной речи колещатовцев

Грамматические характеристики речи сельских жителей проявляются посредством использования следующих частей речи:

3.2.1. Имя существительное

– Существительные в форме единственного числа в предложном падеже имеют окончание *-и, -ы* вместо *-е*: *У шкóли кóнчила. Мы у сентябрi прýдэм. У клáси було. Помогáлэ у пóли. Учiлася у Колищáтоуки. Жiлы у интэрнáти. Тодi пóмню у клáсси игрáлэ. У дéцтви пэла. У колхóзы работáлы. У Кантэмiроуки и подáвно. Якá булá у колхóзы. У магазiны купыть шо-ныбúдь. Гулялы у колхóзи. У кáждом дворi. Усi на хвэрми. Булá завéдушим на хвэрми. Тэхныкум у Ворóнэжи. Да у нáшим силi. У то врэмá мы особэнно зимóй жэ и на дворi ходылы. А зымóй же у клуби. Тодi у хáти* и др.

– Существительные в форме множественного числа в именительном падеже имеют окончание *-ы* вместо *-а*: *У хáти и теляты, и поросáты.*

– У существительных в форме множественного числа окончание *-ыв, -ив* на месте нулевого окончания или *-ов*: *Сто грам конхвэтив кúпым. Дэсiть клáсив. У шкóли я сэь клáсив кóнчила. У Колищáтоуки вóсэм клáсив. Хулигáнив нэ булó. Шесть унúкив, сэь праунукив. У пийсáт шесть годiв. И унúкив трóе, два сына. Насóсив нэ булó тодi. Рэпэти́торив тодi нэ булó. Нащiёт стихiв наизусть* и др.

– Существительные в форме множественного числа в творительном падеже имеют окончание *-амы*: *Тодi усэ с кóсамы булы.*

– Существительные в форме множественного числа в предложном падеже имеют окончание *-ы* вместо *-ях*: *Зымой катáлыся на сáны.*

3.2.2. Прилагательное и причастие

– У прилагательных в форме мужского рода в именительном падеже окончание *-ий* вместо *-ой*: *Вин больнiй лэжiть кит. Тiко выхóднiй дэнь.*

– Отмечены краткие формы: *молоді* — молодые, *брéжневскы* — брежневские, *произвóдствэнна* — производственная, *торжéствэнна* — торжественная, *Отéчественну* — Отечественную, *хорóша* — хорошая, *хорóши* — хорошие, *худóжественна* — художественная, *дэрэвянны* — деревянные, *вэ́лыки* — великие, *здорóви* — здоровые, *мэ́нши* — меньшие, *жилі́зно* — железная, *дэрэвя́нна* — деревянная, *пыю́шиши* — пьющие и др. Данная черта принадлежит украинским говорам.

– У причастий в форме именительного падежа единственного числа мужского рода окончание *-ай* вместо *-ый*: *Журна́л был клáсный откры́тай*.

3.2.3. Местоимение

– Личные местоимения и возвратное местоимение «себя» в родительном и винительном падеже оканчиваются на *-э*: *У мэ́нэ сва́дьбы нэ бу́ло. Ба́бушка бу́ла у мэ́нэ. Она мэ́нэ и ня́нчила. Бу́ду успомына́ть тэ́бэ. Пэ́рэд шко́лой мэ́нэ ма́мка обстры́гла. У мэ́нэ па́मितь хоро́ша. Дэ́нэз нэ на сэ́бэ тра́тылы* и др.

– Указательное местоимение, соответствующее литературному *такой*, в форме именительного падежа единственного числа мужского рода оканчивается на *-ий* (вместо *-ой*): *Тако́й по́лнэнькый. Воспыта́тел у наз тако́й* и др.

3.2.4. Числительное

– У порядковых числительных отмечено окончание *-ий*, *-ый* на месте *-ой*: *Пише́л у восьми́й клас учи́тца. Сра́зом на уторо́й курс поступи́лы* и др.

– Собирательные числительные с суффиксом *-oj-* в именительном падеже оканчиваются на *-я*: *Тро́я дытэ́й бу́ло, дво́я оста́лося. Наз у симы́й было́ тро́я дытэ́й. Дво́я выбыва́лы* и др.

3.2.5. Глагол

– Для глаголов в форме единственного и множественного числа 3-го лица настоящего и будущего времени на конце характерно *-а*, *-я*, *-э*: *Музыку пи́ша. Мо́жа Ра́я. Мо́жа та́йно. Хто кого́ вы́бья. Вин бу́дэ вопро́сы задава́ть. Ужо́ рабо́тая. Живэ́ з дэ́вушкой. Живэ́ в общежы́тци от рабо́ти. Рабо́тая в МВД икспэ́ртом. Сочиня́я итjóды. Погля́дэ друг на дру́га, а то́ди и жэ́нютца. Оно́ нэ бу́дэ. Вин для сэ́бэ запы́свая. Людэ́й забыра́я. Шо хоро́шо бу́дэ. Вин то́ка запы́ша. Ина́че штра́ф бу́дэ. Напы́шэ снача́ло крандашо́м* и др.

– И напротив, на конце глаголов 3-го лица в форме единственного и множественного числа *-ть*: *Больно́й лэ́жыть. Вода́ кыпы́ть ужэ́. Лэ́жыть ку́куру́за. Уси́ у колхо́зы рабо́тають. Це щаз во́зють. Куды́ попрóсють. О́ны так и живу́ть. Нэвэ́сту пря́чють, и́шиють-и́шиють и забыра́ють. Ё́их шуга́ють, шо оны́ ку́рять. Роды́тэлы прыка́жють. Ска́жють робо́тать. Спэ́рэды сыды́ть. Як начну́ть спра́шивать. Бувáя, шо ку́рять* и др.

– В глаголах в форме прошедшего времени на месте суффикса *-л-* отмечен *-в-*: *Отэ́ц быв шохвэ́р. Вин быв развэ́чиком. По́лнэнькый быв. У наз тако́й быв. Там оэродро́м быв. Ду́мав, шо роскоза́ть. Пол называ́вся доли́вка. Прише́в, я б нэ*

угадала. На выходны́е прый́хав. Му́зыку нэ бросáв Мíша. Клуб быв. Выходный дэнь быв. У домыно́ ыграв. Дразны́вся хлópэц. Пишѐв у ПТУ. Ну дразны́в и вы́нудыв йие. Вин увэрну́вся. Быв раскрýтой. Як молоды́в быв и др.

– В возвратных глаголах на месте -сь отмечен постфикс -ся: *А я звонýла нэ дозвонýлася. Я учýлося ишио́ семилётка бу́ла. Запо́мнылася, Ка́тя как утýкла. Учýлася у Колища́тоуки. Я четвэ́рть проучýлася. Она́ раз и ушýлася. Там учýлося. По́мню, шо боя́лася. По́лностью шко́ла выстрáивалася. Становы́лыся гру́пой. Запрэ́щалося усí церко́уные пра́зныкы. Дво́я оста́лося. Мы надéлился. А получи́лося наоборо́т. Занима́юся хозяйством. То и каза́лося. Ня́нчиюся з ко́тыкамы. Як судьба́ распоряды́лася. Шо ты розу́лася? Два го́да отучýлася. У дом нэ уме́стыся. У наз дома́ вэсэлы́лыся. Дэты нэ дра́лыся. По́мырному учýлыся. У магази́нах усё продо́валося. Мы ж учýлыся у утору́ю смэну. У срэ́днэй шко́лы учýлыся. Мынэ́ нра́вылося. Ката́лыся на са́ны. За мла́дшему дывы́лыся. Нэплóхо учýлыся. Пэ́ро продо́валося. Розозли́лося и на ёго. У тэ́хныкумэ учýлося. Оны́ запровля́лыся. Ну конэ́шно боя́лася. Нам нра́вылося. Кантэмы́ряны нэ оддиля́лыся. Вэ́чэром збыра́лыся. А то б тяну́лыся. Ходь напáлыся на ва́флы и др.*

– Вместо постфикса -ся иногда используется -си: *Щаз вы́тянулси. Снача́ло заныма́вси. Ски́ко он проучы́вси. Сын заныма́вси* и др.

3.2.6. Предлог

– На месте предлога «в» отмечен «у»: *Роды́лась у Колеща́тоуки. Ма́ма у брыга́ди. Быв у годáх. У ка́ждом до́ми по пять. У́мэр у два́цать уторо́м году́. У ка́ждом двори́. У магази́нэ бу́ло усэ́. У магази́н зда́лы. У шко́лы я сэ́мь клáсив. У клáсси у слона́ игра́лэ. Друг на дру́га у слона́. У то вре́мя. Чило́вик у клáси бу́ло. Пры́вэлы́ у школу. Боя́лася у школу иты́ть. Мы жи́лы у интэрна́ти. По́слэ шко́лы пишла́ у Кантеми́роуку. У колхо́зы рабо́тають. Тоди́ у тэ́хныкум. Ушла́ у пийсы́т пять. Я ж ишиэ́ у колхо́з ходы́ла. У бидний симы́йй жи́ла. Ходы́лы у хор. У други́ сэла́. У де́цтви пэ́ла. У шко́лы выступáлы. Пишла́ рабо́тать у колхо́з у конто́ру. Поступы́ла у тэ́хныкум у Воро́нэжи. Я рабо́тала у колхо́зи. Рабо́тая у Москвэ́. У Бугаёу́кы сыде́л за ну́льтом. Я у кúхны. У дом нэ уме́стыся. Оды́н дэн у столо́вой. Шлы у центр. У кúрзовых чо́ботах. Ходы́лы у клуб. У клуби́ было́ хо́лодно. У лапту́ игра́лы. Дво́я у кру́гу. Ли́том у «Но́жичка», у «Аме́рыку». Згрэ́бать у дырэ́внэ. Отвэрну́лся и кля́ксу у жу́рнал. У ёго нэ попа́ло. У нача́льных клáсах. У тэ́хныкумы́ два го́да. У срэ́днэй шко́лы учýлысь и др.*

– На месте предлога «к» функционирует «до»: *До́ наз ходы́лы судá вэ́чэром пишкóм. До́ до́му у субо́ту. На́тэ вам до́ ча́ю. Сходы́лы до́ Миха́ловны до́ Мура́шкыной* и др.

3.2.7. Порядок слов

Отмечен свободный порядок слов в предложениях: *Усí на хвэ́рми молоде́жь. Як да́лы зада́ние. Спроси́лы, ка́жэ. Навэ́рно годи́у шесть. У ёго па́мить.*

Ва́флы знаю вся́ки. И у тиливи́зыр загля́дваем. На выходны́е прии́ихав. В ку́панкэ там жэ ж вода́. Заметим, что подобный порядок слов допускается и в русском литературном языке.

Считаем, что посредством речевых произведений достаточно ярко воссоздан портрет колещатовцев и современное состояние живого воронежского говора.

3.3. Диалектная картина мира колещатовцев

Стоит акцентировать внимание на том, что речевой портрет диалектоносителей находит отображение в картине мира и, по сути, выступает хранителем сведений об уходящей эпохе, поколении, отдельной семье.

О. А. Радченко и Н. А. Закуткина, анализируя диалектную картину мира, отмечают, что она отличается «своим естественным характером, поскольку она складывается в достаточно замкнутом диалектном коллективе, отражает особенности уклада, быта, близость к природе, характерные черты сельского труда, не искажается и не нивелируется никакой кодификацией... Поэтому диалектоноситель иначе «ословливает» окружающий мир, рисует иную картину бытия, чем носитель литературного языка, опираясь на возможности своего диалекта, развивая и обогащая их» (Радченко 2004: 25).

Примечательно то, что «современная действительность отражается в индивидуальном сознании в форме множественных представлений личности о явлениях и событиях. Эти представления <...> являются не чем иным, как сложным продуктом знаний, собственного опыта, верований и надежд, традиций, ритуалов, идей, процесс формирования которых направляется преимущественно здравым смыслом» (Юдина 2016: 15). Следует сказать, наши наблюдения свидетельствуют о том, что речь сельчан демонстрирует уникальные сведения о жизнедеятельности определённого коллектива.

Изучение языкового материала доказывает, что в картине мира колещатовцев находит выражение:

– Семья, семейные отношения, занятость родителей: *Роды́лася у сэ́мьэ колхо́зныкив. Отэ́ц быв шохвё́р, а ма́ть разнорабо́чая. Ма́ма у брыга́ди. У́ наз было́ тро́я дытэ́й. У наз оно́ тоди́ хорошо́: роды́тэлы нэ пью́шии. Ба́бушка Ма́рья Трохви́моуна. Она мэ́нэ и ня́нчила. Де́душко Ты́хон Алекáндровыч. Э́то по отцу́. А по ма́тэры Ксе́ныя Васи́льеуна. А дэ́душка по ма́тэрыной ли́ныи умэ́р, ще ма́тэры тры го́да нэ было́. У бидний симьй́и жи́ла. У ба́бушкы пол быв зэмляны́й. Роды́тэлям помога́лэ у по́ли. Тоди́ нэ бу́ло, шоб мы ходы́лы з дэньга́мы. Роды́тэлы шо на́до покупáлы к шко́лэ, ни голодова́лы. Нам шо роды́тэлы прыка́жуть, то и усэ. Ска́жуть, на́до робо́тать, мы щи́читáлы на́шой обяза́ностей. И за мла́дшэму дывы́лыся и др.* Как видим, «о ценностном осмыслении семьи свидетельствует тот факт, что жизнь и семья в традиционном языковом сознании являются соотносительными понятиями, поскольку жизнь — это

не только биологическое существование человека, но и социальное, предполагающее семью, хозяйство, дом и т. д.» (Вендина 2022: 84).

– Военное и послевоенное время: *По роскázам, вэлыкой войны тут нэ булó. Нэмцы стоялы óколо гóда тут, итальянцы, нэмцы. Висэльныцу оны на пэску поста́вылы, нэ успи́лы никóго, уже спи́скы булы. У наз тры полиця́я булó в сили́. Порядок яко́й апо́сля войны́, роды́тэлы нэ прывы́клы, и голода́лэ, и холода́лэ и др.*

– Детские игры, школьные годы и межличностное общение: *Ой, вэсна́ хорошо́. У лапту́ игра́лы, лово́гу, патача́. Ловы́лы мяч, то́го. Патача́ дво́я у кру́гу, а дво́я выбыва́лы, ходы́лы хто когó вы́бья. В выбывно́го. Ли́том у «Но́жичка», у «Аме́рыку», само́ собо́й игра́лэ. Зымо́й ката́лыся на са́ны, тада́ на ле́ду котало́ся. Са́ны здоро́ви булы́, да вся́кыи. И мэ́нши. Как вэ́чэр, дак на са́нях и котало́ся. Брат у трэ́тий, я у пэ́рвый клас. А о́ны уми́сти учи́лыся, нэ так стра́шно было́. Оды́н учи́тэл. Нащи́т стихи́в наизу́сть, па́мять хоро́ша була́. Вэ́чером поу́чишь, з утра́ вспо́мнышь. Мы жэ учи́лыся у утору́ю сме́ну. Мы жи́лы у интэрна́ти. И наз тры ра́за кормы́лы, и мынэ́ нра́вылося. За пы́тание мы нычэ́ нэ плоты́лы. Колхо́з плоты́л. На пра́ктику произво́дствэнна ходы́лы. А уро́кы ужэ́ вэ́чером учи́лы. И пры ла́мпах учи́лы, и нэплóхо учи́лыся. Краси́уше пыса́лы, чем сэмы́. Напы́шэ, сна́чала крандашо́м, пито́м рúчкой чэ́рны́лой. Шоб нажи́м жэ́ ж на́до, шоб у про́писэ́й. А пото́м е́слы у ко́го хоро́ший по́черк, тоди́ разрэ́ша́лы ша́рыковой рúчкой пыса́ть. Дэ́ты колхо́зныкоу та́ки́ же. Раздэ́лэнья нэ булó. Дружи́лы усэ́ там и так. Як жэ́ было́ хорошо́ и др.*

– Отсутствие нарушения порядка, оценка за проступки: *Тоди́ здоро́вых хулига́нив нэ булó. У шко́ли тоди́ мы́рно булó. Дэ́ты нэ дра́лыся. Ну ма́лчыкы, рэ́бята, а диуча́та усэ́ по-мы́рному учи́лыся. Драк нэ булó мэ́жду дэ́вочкамы о́собэнно тут, да оно́ и там. Дыскрымына́ции нэ булó. Куры́ть ра́ньше и нэ куры́лы. Дисци́пли́на була́ як и поло́жено. Тоди́ на линэ́йку по́лностью шко́ла выстра́ивалася. Е́слы замéтили когó, то нака́зывалы — про́сто стыды́лы. Нака́зывалы: поруга́лы да и усэ́ и др.*

– Отношение к труду: *Мо́жэ́ че́ и нэ хоты́лы робы́ть, а была́ обяза́ность: робы́ и усэ́. Нычэ́го и понятия́ нэ имэ́лы робы́ть и́лы нэ робы́ть, удрáть из до́му. Из шко́ли прый́да, то помога́ть и др.* В связи с этим уместно привести мнение Т. И. Вендиной: «Существование крестьянина — это борьба за самосохранение и выживание, и в иерархической структуре её ценностных ориентаций труд является главной ценностью» (Вендина 2022: 76). И далее: труд «воспринимается как неотъемлемая составляющая жизни крестьянина, его естественное состояние. Будучи глубинной основой бытия человека, труд обеспечивает его выживание, поэтому является константой человеческой жизни, наполняя её смыслом» (Вендина 2022: 79).

– Особенности ведения домашнего хозяйства и огороднические работы: *И дрова́, и уго́ль занóсылы и вы́носылы. И у до́мэ прыбы́ралысь. На́до коро́у*

пасть, сýлос згрэбáть у дырэвнэ. И огорóд за нáмы, и усé помогáлы родытэлям. А тодú у хáти и теляты, и поросяты малэньки зымóй. У кáждого булó хозяйство тодú ж. И онý усé урэмя дэржáлэ. И корóу, и свынэй, и птыцу, и овэц, и усé там булó. На огорóдэ робылы: та ж тяпка, лопáта, и грáблы згрэбáлы шо. И полывáлы. Капу́сту и помыдо́ры кáждый вэчэр с кúпанкэ. В кúпанкэ там жэ ж вода́. Вручну́я, насóсив нэ булó тодú рукамы. Полóлы и бурьян рвáлы, копáлы и садылы — усé помогáлы. Мы у синтябру́ прýдэм з шкóлы, бýстрэнько на огорóд и др.

– Полевые и сельскохозяйственные работы: *Полóлы, на поля́ ходылы. На канýкулы рабóталы и на току́ цэ сáмы от сэбэ. И зэрнó грузылы, и старши́ сýлос на заклáдкэ и др.*

– Начало трудовой деятельности молодых людей, род занятий, получение профессии: *У дэвятый пэрэшла́, поучи́лася и брóсыла. Уси́ у колхóзы рабóтають, усí подру́гы и друзья́. Я чéтвэрть проучи́лася и дояркой пишла́. Уси́ на хвэрми́ молодэжэ пóлностью. Я усé урэмя рабóтала у колхóзи. Пóслэ шкóлы я пишла́ рабóтат у колхóз у конто́ру. Як судьба́ распоряды́лася. Тодú поступи́ла у тэ́хныкум. Забóчно поступи́ла у тэ́хныкум у Ворóнэжи на бугáлтэра и др.*

– Торжества семейного цикла: *Сва́дьбы тодú нэ торжэ́ствэнна була́, а так. Сначáло нэвэ́сту прýчуть, а потóм и́ишуть-и́ишуть и забыра́ють. Гулялы тодú у столо́вой у колхóзи. Оды́н дэн у столо́вой, оды́н дэн у наз до́ма вэсэлы́лыся и др.*

– Досуговая деятельность и народное творчество: *Да у нáшим сили́ клуб быв. О́чень вэ́село булó: сначáло кыно́, а потóм тáнцы. У наз тодú и тэлевизи́ора нэ булó. Мы ходылы у клуб и по у́лыцэ гулялы. А детьмы́ и подáвно. Ходылы у хор, худóжественна самодэ́ятэльность я нэ бросáлэ. Песны пэлы, у другы сэла́ э́здылы. У дэ́цтви пэла, а э́слы бы нэ пэла, тудú бы нэ хóдыла. У шкóлы вы́ступáлы на усé прáзныкы. Воспыта́тел лизгы́нку хорошо́ танцевáл у кúрзовых чóботах. Хто у домыно́ ыграв, а хто и у ручийка́, и у трэ́тьего лы́шнэго, и у огорóд игралэ. Як жэ было́ хорошо́ и др. Безусловно, «в диалектном слове наблюдается явный перевес в сторону этических ценностей, свидетельствующий о нравственном отношении к миру. Это говорит о том, что язык традиционной культуры является в значительной степени языком морали <...>. Внутренняя форма диалектного слова является иллюстрацией феномена языка традиционной духовной культуры, проявляющегося в творческом восприятии реальности» (Вендина 2022: 88).*

– Отношение к религии в обществе: *Запрэ́ца́лося усí церкóуны́е прáзныкы. Церкóвный дом там стоял дауно́, тодú зделалы́ общеж́итие и жылы́ там и др.*

– Религиозность: *Изба́вь Бог! Бо́жа мой! Сла́ва Бо́гу, я ходы́ла з бра́том. Так дружи́лы мы у шкóли там, Бо́же. Сла́ва Бо́гу, пэрэды́шка и др.*

– Занятость пожилых людей и общение с односельчанами: *На пэнзии занимаюся хозяйством. Нянчиюся з кóтыкамы да соба́камы. Засэлы и сыдымо́ у но́рках. И у тэлэвизы́р загля́дваем. Чай попъе́шь, посы́дышь пообща́ешься з людмы́. Ну и са́лом подэ́лышься и мн. др.*

– Оценка исторического периода страны: *Са́мы лу́ччи брэ́жневскы врэ́мэна́ для наз бу́лы.*

– Оценка периода жизни человека: *Са́мы лу́ччи го́ды бу́лы мэ́жду шко́лой и за́мужом. У клуб ка́ждый дэн, тико́ выходный быв, ка́ждый дэн ходы́ла. О́чень вэ́село бу́ло: сна́чала кыно́, а пото́м та́нцы. Усе́ хорошо́ было́. Так шо молоді́ бу́лы, нам нра́вылося. Во́бшэм хоро́ши го́да бу́лы, че́ там бала́кать. Як молоды́в быв, так оно́ усэ́ хорошо́ и др.*

– Прошлое села: *Ра́ньше го́раздо бо́льше бу́ло жи́телэй, у ка́ждом до́ми по пять, по шесть, по во́симв чиловэ́к дитэй́. Чты́ри колхо́за у наз бу́ло. Шко́ла у наз одна́ у Колеща́тоуки. До наз ходы́лы суда́ и з Клино́во́го, и з Зари́, и з Росоко́ва́тово, и з Ойда́ра, и з Водяно́-Ли́пового и др.*

– Оценка настоящего: *То и каза́лося, шо вси норма́льно. А получи́лося наобо́рот, ныче́ хоро́шего.*

– Рассуждения о счастье и будущем: *Щца́стье бу́ло, и мы наде́илися, шо усі́ хорошо́ бу́дя.*

Полученные в процессе исследовательской деятельности данные свидетельствуют о функционировании оригинального колещатовского говора с присущими ему чертами, отображённого в картине мира сельских жителей.

4. Заключение

Таким образом, портрет речи жителей Колещатовки включает южнорусские и украинские диалектные черты. Он является результатом длительного контактирования близкородственных языков. Среди фонетических характеристик речи: оканье; произношение звука [ы] после немягких согласных на месте /и/; произношение [’и] на месте /i/ из ятя; сохранение этимологического *е, который не перешел в [’о]; исторический переход е в о только после исконно мягких согласных, а также сохранение такого [о] не только под ударением, но в безударной позиции; у фрикативного образования; йотация; твёрдые согласные на месте мягких; звонкие согласные не оглушаются; глухие выступают в качестве звонких; звук «в» вариативный: «у» неслоговой и губно-зубной «в»; замена звука «ф» на «х», «хв»; упрощение согласных и стяжение гласных; смена места ударения в словах и др.

Среди грамматических особенностей существительных: в единственном числе в предложном падеже имеют окончание -и, -ы; во множественном числе

в именительном падеже — окончание *-ы*; во множественном числе на месте нулевого окончания или *-ов* — окончание *-ыв, -ив*; во множественном числе в творительном падеже — окончание *амы*; во множественном числе в предложном падеже — окончание *-ы*. У прилагательных мужского рода в именительном падеже окончание *-ый*, употребление кратких форм; у причастий — окончание *-ай*. Личные местоимения и возвратное местоимение «себя» в родительном и винительном падеже оканчиваются на *-э*; указательные местоимения — на *-ий*. У порядковых числительных отмечено окончание *-ий, -ый*; у собирательных числительных — на *-я*. Для глаголов единственного и множественного числа 3-го лица на конце характерно *-а, -я, -э* и *-ть*; в прошедшем времени на месте суффикса *-л-* используется *-в-*; в возвратных глаголах на месте *-сь* функционирует *-ся*; на месте *-ся* — *-си*. На месте предлога «в» отмечен «у», на месте «к» — «до» и др.

Считаем, вышеперечисленные черты обусловлены особенностями заселения территории в XVIII веке, близостью расположения к Украине.

В заключение отметим, что все грани человеческой жизни и сферы деятельности, начиная с детства и заканчивая преклонными годами, отражены в картине мира диалектоносителей старшей возрастной группы села Колещатовка — основного класса деревенского населения: 1) семья и семейные отношения; 2) военное и послевоенное время; 3) детские игры, школьные годы, межличностное общение; 4) отсутствие нарушения порядка, оценка за проступки; 5) отношение к труду; 6) особенности ведения домашнего хозяйства и огороднические работы; 7) полевые и сельскохозяйственные работы; 8) начало трудовой деятельности молодых людей, род занятий, получение профессии; 9) торжества семейного цикла; 10) досуговая деятельность и народное творчество; 11) отношение к религии; 12) религиозность; 13) занятость пожилых людей и общение с односельчанами; 14) оценка исторического периода страны, жизни человека, прошлого и настоящего; 15) рассуждения о счастье и будущем и др.

Не случайно Н. И. Толстой отмечает: «Диалект представляет собой не исключительно лингвистическую территориальную единицу, а одновременно и этнографическую, и культурологическую» (Толстой 1995: 21). И в XXI веке «необходимо преодолеть равнодушие к диалектному слову, оценить его глубину и мудрость, чтобы восстановить утраченные или полузабытые смыслы языка традиционной духовной культуры» (Вендина 2022: 90).

Подводя итоги, приведём мнение Н. А. Осиповой. Анализируя особенности речи жителей юга Воронежской области, лингвист обращает внимание на то, что «изучение местного диалекта укрепляет в мысли об общности славянских народов, имевших единый древнеславянский язык, о кровной близости русских и украинцев в данном случае» (Осипова 2013: 8). Наши речевые произведения подтверждают это суждение.

Новизна изыскания заключается в том, что в нём представлен речевой портрет малоизвестного населённого пункта Воронежского края, отображённый в картине мира диалектоносителей.

Практическая ценность статьи состоит в том, что сведения, приобретённые в процессе работы, обогащают региональные исследования новыми фактическими материалами и могут быть полезны лингвистам и тем, кто изучает картину мира, живое слово, современное состояние русско-украинских народных говоров на территории Центрального Черноземья.

Продолжением настоящей работы может стать рассмотрение лексических особенностей портрета речи жителей Колещатовки.

Список литературы / References

- Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. Москва: Учпедгиз, 1949. [Avanesov, Ruben I. (1949) *Ocherki russkoy dialektologii*. (Essays on Russian Dialectology). Part 1. Moscow: Uchpedgiz. (In Russian)].
- Вардзелашвили Ж. А. Языковая картина мира [Электронный ресурс]. URL: <http://vjanetta.narod.ru/lekcia2.html> (дата обращения: 01.11.2023). [Vardzelashvili, Jeanette. A. (2023, November 11) *Yazykovaya kartina mira*. (Linguistic Picture of the World). Retrieved from <http://vjanetta.narod.ru/lekcia2.html>. (In Russian)].
- Вендина Т. И. Диалектное слово в культурно-языковом контексте // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 72–94. [Vendina, Tat'yana I. (2022) *Dialektoynoye slovo v kul'turno-yazykovom kontekste* (Dialect Word in the Cultural and Linguistic Context). *Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)*. Saint-Petersburg: ILS RAS, 72–94. (In Russian)].
- Волкова Т. Ф. Сравнения в речи диалектной языковой личности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. [Volkova, Tat'yana F. (2004) *Sravneniya v rechi dialektnoy yazykovoy lichnosti*: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk (Comparisons in the Speech of a Dialectal Linguistic Personality: Extended Abstract of PhD Thesis in Philology). Tomsk. (In Russian)].
- Волошина С. В., Шевчик А. В. Фрагмент речевого портрета жителя современного российского села // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3. С. 20–32. [Voloshina, Svetlana V., & Shevchik, Anna V. (2018) *Fragment rechevogo portreta zhitelya sovremen-nogo rossiyskogo sela* (A Fragment of a Speech Portrait of a Resident of a Modern Russian Village). *Ecology of Language and Communicative Practice*, 3, 20–32. (In Russian)].
- Ганичева С. А. Опыт речевого портрета носителя говора // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сб. науч. трудов. Вологда: Вологодский гос. пед. ун-т, 2012. С. 186–192. [Ganicheva, Svetlana A. (2012) *Opyt rechevogo portreta nositelya govora* (Experience of the Speech Portrait of the Native Speaker). In *Slovo i tekst v kul'turnom soznanii epokhi: sb. nauch. trudov* (Word and Text in Cultural the Consciousness of the Era: Collection of Proceedings). Vologda: Vologodskiy gos. ped. un-t, 186–192. (In Russian)].
- Гринкова Н. П. Воронежские диалекты: Дис. ... д-ра филол. наук. Ленинград: Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та, 1947. Т. 55. [Grinkova, Nadezhda P. (1947). *Voronezhskkiye dialekty*: Dis. ... d-ra filol. nauk (Voronezh Dialects: PhD (Advanced) Thesis in Philology). Leningrad: Uchen. zap. Leningrad. ped. in-ta, 55. (In Russian)].

- Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. [Humboldt, Vil'gel'm fon. (1985) *Yazyk i filosofiya kul'tury* (Language and Philosophy of Culture). М.: Progress. (In Russian)].
- Гынгазова Л. Г. Ценностная картина мира диалектоносителя: к проблеме лакунарности // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте: Сб. науч. трудов. Новосибирск: НГПУ, 2009. С. 115–122. [Gyngazova, Lyudmila G. (2009) *Tsennostnaya kartina mira dialektonosatelya: k probleme lakunarnosti* (Value picture of the world of a dialect carrier: to the problem of lacunarity). In *Lakunarnost' v yazyke, kartine mira, slovare i tekste: sb. nauch. trudov* (Lacunarity in language, picture of the world, dictionary and text: Collection of Proceedings). Novosibirsk, 115–122. (In Russian)].
- Гынгазова Л. Г. Метафорическое миромоделирование в дискурсе языковой личности // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2010. Т. 9. № 1. С. 7–11. [Gyngazova, Lyudmila G. (2010) *Metaforicheskoye miromodelirovaniye v diskurse yazykovoy lichnosti* (Metaphorical world modeling in the discourse of linguistic personality). *Tomsk State University Journal*, 9, 1, 7–11. (In Russian)].
- Земичева С. С. Перцептивная картина мира диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. [Zemicheva, Svetlana S. (2016) *Pertseptivnaya kartina mira dialektnoy yazykovoy lichnosti* (Perceptual Picture of the World of a Dialectal Linguistic Personality). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (In Russian)].
- Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. [Ivantsova, Yekaterina V. (2002) *Fenomen dialektnoy yazykovoy lichnosti* (The Phenomenon of a Dialectal Linguistic Personality). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta. (In Russian)].
- Иванцова Е. В. Исследование типологических черт диалектной языковой личности // Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсоналогия. Ч. 1. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 308–347. [Ivantsova, Yekaterina V. (2014) *Issledovaniye tipologicheskikh chert dialektnoy yazykovoy lichnosti* (Study of the typological features of a dialect linguistic personality). In *Yazykovaya lichnost': Modelirovaniye, tipologiya, portretirovaniye. Sibirskaya lingvopersonologiya* (Linguistic personality: Modeling, typology, portraiture. Siberian linguopersonology). Part 1. Moscow: LENAND, 308–347. (In Russian)].
- Ильина Е. Н. Кино в языковой картине мира сельских жителей Русского Севера // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 4. С. 68–84. [Ilyina, Yelena N. (2022) *Kino v yazykovoy kartine mira sel'skikh zhiteley Russkogo Severa* (Cinema in the Language Picture of the World of Rural Residents of the Russian North). *Scientific Dialogue*, 11, 4, 68–84. (In Russian)].
- Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука; Шк. ЯРК, 1999. [Kasatkin, Leonid L. (1999) *Sovremennaya russkaya dialektnaya i literaturnaya fonetika kak istochnik dlya istorii russkogo yazyka* (Modern Russian Dialectal and Literary Phonetics as a Source for the History of the Russian Language). Moscow: Nauka; Shk. YARK. (In Russian)].
- Колешатовка [Электронный ресурс] // Энциклопедия Руниверсалис. URL: <https://xn--h1ajim.xn--p1ai/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%89%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 01.11.2023). [Koleschatovka (2023, November 01). *Encyclopedia Runiversalis*. Retrieved from <https://xn--h1ajim.xn--p1ai/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%89%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%B0> (2023, November 11). (In Russian)].
- Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета: Монография / Н. А. Волкова, С. А. Ганичева, А. В. Загуменнов, Е. Н. Ильина, Н. Г. Мельникова. Вологда, Череповец: Череп. гос. ун-т, 2017. [Narodnaya rech' Vologodskogo kraja: opyt

muzhskogo rechevogo portreta: Monografiya. Volkova, Natalia A., Ganicheva, Svetlana A., Zagumennov, Alexander V., Ilyina, Elena N., & Melnikova, Natalia G. (2017) (Folk Speech of the Vologda Region: Experience of a Male Speech Portrait: Monograph). *Vologda, Cherepovets: Cherep. gos. un-t.* (In Russian)].

Наш край. Как развиваются воронежские деревни. Колещатовка [Электронный ресурс]. // РИА Воронеж. 2022. 24 января. URL: <https://riavr.ru/districts/kantemirovsky/nash-kraj-kak-razvivayutsya-voronezhskie-derevni-koleshatovka> (дата обращения: 01.11.2023). [Our edge. How Voronezh villages are developing. Koleschatovka (2022) (2023, November 01) (Our region. How Voronezh villages are developing. Koleschatovka). *RIA Voronezh.* January 24. Retrieved from <https://riavr.ru/districts/kantemirovsky/nash-kraj-kak-razvivayutsya-voronezhskie-derevni-koleshatovka> (2023, November 11). (In Russian)].

Недоступова Л. В. Особенности речи петропавловской хохлушки (лексический аспект) // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография; Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 269–275. [Nedostupova, Lubov V. (2017) *Osobennosti rechi petropavlovskoy khokhlushki (leksicheskiy aspekt)* (Features of the Speech of the Petropavlovsk Khokhlushka (Lexical Aspect). In *Sovremennaya russkaya leksikologiya, leksikografiya i lingvogeografiya* (Modern Russian lexicology, lexicography and linguogeography). In-t lingv. issled. RAN. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 269–275. (In Russian)].

Недоступова Л. В. Речевой портрет щучанки (на материале говора с. Щучье Лискинского района) // Воронежское краеведение: традиции и современность. Воронеж: Воронежский областной совет краеведов, 2019. С. 210–214. [Nedostupova, Lubov V. (2019) *Rechevoy portret shchuchanki (na materiale govora s. Shchuch'ye Liskinskogo rayona)* (Speech Portrait of a Schuchanka (Based on the Dialect of the Village of Shchuchye, Liskinsky District). In *Voronezhskoye krayevedeniye: traditsii i sovremennost'* (Voronezh local history: traditions and modernity). Voronezh: Voronezhskij oblastnoj sovet kraevedov, 210–214. (In Russian)].

Недоступова Л. В. Фонетические особенности говора села Борщёво Хохольского района Воронежской области (на материале речевого портрета одного носителя) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 323–332. [Nedostupova, Lubov V. (2022) *Foneticheskiye osobennosti govora sela Borshchovo Khokhol'skogo rayona Voronezhskoy oblasti (na materiale rechevogo portreta odnogo nositelya)* (The Phonetic Features of the Dialect found in the Settlement of Borshchevo, Khokholskiy District, Voronezh Region (as Represented in the Speech Portrait of an Informant). In *Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)*. Saint-Petersburg: ILS RAS, 323–332. (In Russian)].

Недоступова Л. В. О чём рассказывают деревенские подворные имена? // Филологический класс. 2023а. Т. 28. № 1. С. 177–187. [Nedostupova, Lubov V. (2023a) *O chyom rasskazyvayut derevenskie podvornye imena?* (What do Village House Names Tell You About?). *Philological Class*, Vol. 28, 1, 177–187. (In Russian)]. DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-16.

Недоступова Л. В. Образ деревенского человека в воронежских говорах // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2023б. Т. 33. Вып. 2. С. 249–256. [Nedostupova, Lubov V. (2023b) *Obraz derevenskogo cheloveka v voronezhskikh govorakh* (The Image of a Village Man in Voronezh Dialects). *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*, 33, 2, 249–256. (In Russian)].

Недоступова Л. В. Диалектная языковая личность села Коломыщево Воронежской области // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2023с. № 4 (74). С. 32–40. [Nedostupova, Lubov V. (2023с) *Dialektnaya yazykovaya lichnost sela Kolomytsevo Voronezhskoy oblasti*

(Dialectal Linguistic Personality of the Village of Kolomytsevo, Voronezh Region). *Philology and Culture*, 4 (74), 32–40. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-32-40.

- Оглезнева Е. А., Панасенко М. А. Речевой портрет Пелагеи Петровны Ратушкиной, жительницы села Новоивановка Свободненского района Амурской области как неординарной языковой личности // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. 2014. № 11. С. 141–155. [Oglezneva, Yelena A., & Panasenko, Marina A. (2014) Rechevoy portret Pelagei Petrovny Ratushkinoy, zhitel'nitsy sela Novoivanovka Svobodnenskogo rayona Amurskoj oblasti, kak neordinarnoy yazykovoy lichnosti (Speech Portrait of Pelageya Petrovna Ratushkina, a Resident of the Village of Novoivanovka, Svobodnensky District, Amur Region, as an Extraordinary Linguistic Personality). *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskij al'manakh*, 11, 141–155. (In Russian)].
- Оглезнева Е. А., Блохинская А. В. Речевой портрет потомка забайкальских казаков (на материале речи В. Ф. Федореева, жителя села Чесноково Михайловского района Амурской области) // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. 2015. № 12. С. 77–85. [Oglezneva, Yelena A., & Blokhinskaya, Alona V. (2015) Rechevoy portret potomka zabaykal'skikh kazakov (na materiale rechi V. F. Fedoreyeva, zhitelya sela Chesnokovo Mikhaylovskogo rayona Amurskoj oblasti) (Speech Portrait of a Descendant of the Trans-Baikal Cossacks (Based on the Speech of V. F. Fedoreev, a Resident of the Village of Chesnokovo, Mikhailovsky District, Amur Region)). *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskij al'manakh*, 12, 77–85. (In Russian)].
- Осипова Н. А. Некоторые особенности диалектного говора юга Воронежской области // Язык и культура. 2013. № 9. С. 8–12. [Osipova, Natal'ya A. (2013) Nekotoryye osobennosti dialektного govora yuga Voronezhskoy oblasti (Some Features of the Dialect of the South of the Voronezh Region). *Language and Culture*, 9, 8–12. (In Russian)].
- Первушина О. В. Картина мира: возможность феноменологического подхода. Идеи и идеалы. 2009. № 2. С. 170–180. [Pervushina, Olga V. (2009) *Kartina mira: vozmozhnost' fenomenologicheskogo podkhoda* (Picture of the World: the Possibility of a Phenomenological Approach). *Ideas and ideals*, 2, 170–180. (In Russian)].
- Радченко О. А., Закуткина Н. А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 25–48. [Radchenko, Oleg A., & Zakutkina, Nadezhda A. (2004) Dialektnaya kartina mira kak idioetnicheskij fenomen (Dialectal Picture of the World as an Idioethnic Phenomenon). *Voprosy yazykoznaniiya*, 6, 25–48. (In Russian)].
- Сперанская А. Н. Индивидуальный речевой портрет жительницы Северного Приангарья // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 4 (11). С. 97–115. [Speranskaya, Alevtina N. (2017) Individual'nyy rechevoy portret zhitel'nitsy Severnogo Priangar'ya (Individual Speech Portrait of a Resident of the Northern Angara Region). *Ecology of Language and Communicative Practice*, 4 (11), 97–115. (In Russian)].
- Терентьева Е. В. Речевой портрет современного носителя донских медведицких говоров Волгоградской области // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2012. № 2. С. 140–145. [Terentyeva, Yelena V. (2012) Rechevoy portret sovremennogo nositelya donskikh medveditskikh govorov Volgogradskoy oblasti (Speech Portrait of a Modern Speaker of the Don Medveditsky Dialects of the Volgograd Region). *Science of Journal Volgograd State University. Linguistics*, 2, 140–145. (In Russian)].
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. [Ter-Minasova, Svetlana G. (2000). *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* (Language and Intercultural Communication). Moscow: Slovo. (In Russian)].

- Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. [Tolstoy, Nikita I. (1995) *Yazyk i narodnaya kultura. Ocherki po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike* (Language and Folk Culture. Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics). Moscow: Indrik. (In Russian)].
- Черенкова А. Д.* Фонетические особенности русской речи воронежского хохла // Диалектологический альманах. Вып. 2. Воронеж: ВГПУ, 2015. С. 66–71. [Cherenkova, Anna D. (2015) *Foneticheskiye osobennosti russko rechi voronezhskogo khokhla* (Phonetic Features of the Russian Speech of the Voronezh khokhl). *Dialektologicheskiy al'manakh*, 2. Voronezh: VGPU, 66–71. (In Russian)].
- Юдина Н. В., Кузнецова Е. А.* Языковой портрет современного финансиста. М.: Финансовый университет, 2016. [Yudina, Natal'ya V., & Kuznetsova, Yekaterina A. (2016) *Yazykovoy portret sovremennogo finansista* (Linguistic Portrait of a Modern Financier). Moscow: Finansovyy universitet. (In Russian)].

УДК 81'25

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-93-106

СОВРЕМЕННОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

И. С. Разина, В. В. Сдобников

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

Статья посвящена анализу состояния переводоведения на современном этапе и роли переводоведения в совершенствовании практической переводческой деятельности и системы подготовки переводчиков. На основе изучения работ по теории, практике и дидактике перевода авторы предлагают периодизацию развития переводоведения как науки о переводе: первый этап характеризуется доминированием сугубо лингвистического переводоведения, на втором этапе произошел так называемый культурный поворот, третий этап ознаменовался появлением коммуникативно-функционального подхода к переводу. Каждому этапу в развитии переводоведения соответствует определенный подход к переводу. Теоретическая значимость исследования заключается в установлении жестких связей между переводоведческими концепциями и практикой подготовки переводчиков. Установлено, что коммуникативно-функциональный подход позволяет переводоведению выполнить его основную миссию — раскрыть истинную сущность перевода и тем самым обеспечить теоретическую и методологическую основу для совершенствования переводческой практики и подготовки переводчиков. На основе коммуникативно-функционального подхода авторы предлагают новую модель формирования профессиональных и надпрофессиональных компетенций переводчиков — имитацию реальных переводческих ситуаций в рамках всего образовательного процесса, обеспечивающую погружение обучаемых в реалии переводческой деятельности, приближение их к профессии. В статье предлагаются отдельные приемы, обеспечивающие имитацию реальной переводческой деятельности в процессе подготовки переводчиков на основе коммуникативно-функционального подхода.

Ключевые слова: переводоведение; перевод; лингвистический подход; культурный поворот; коммуникативно-функциональный подход; коммуникативная ситуация; имитация профессиональной деятельности.

Цитирование: Разина И. С., Сдобников В. В. Современное переводоведение: настоящее и будущее // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 2 (66). С. 93–106. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-93-106.

Modern Translation Studies: The Present and the Future

Irina S. Razina, Vadim V. Sdobnikov

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article analyzes the present state of Translation Studies and the role it can play in improving translation practice and the whole system of training translators. After an extensive analysis of academic literature on theory, practice, and didactics of translation, the authors conclude that one can identify three stages in the development of Translation Studies, each with its own specific approach to translation: the first stage of purely linguistic Translation Studies; the second stage characterized by the so called “cultural turn”; and the third stage which formulated a communicative-functional approach to translation. The theoretical significance of the research lies in that it establishes strong connections between theoretical concepts and the practice of training translators. It is argued that the communicative-functional approach enables Translation Studies to fulfill its high mission of revealing the genuine essence of translation and, thus, laying the theoretical and methodological foundations for further developing translation practice and translators training. Based on the communicative-functional approach, the authors offer a new model of forming professional competencies and soft skills of translators, namely: imitation of real translation events in the process of training translators, which enables instructors to immerse students into the realities of translation activity and thus bring them closer to the profession. The article highlights specific methods of project-based imitation of real translation activity on the basis of communicative-functional approach.

Key words: translation studies; translation; linguistic approach; cultural turn; communicative-functional approach; translation event; imitation of professional activity.

Citation: Razina, Irina S. & Sdobnikov, Vadim V. (2024) Modern Translation Studies: The Present and the Future. *LUNN Bulletin*, 2 (66), 93–106. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-93-106.

1. Введение

Сформировавшись в качестве самостоятельной научной дисциплины в 1950–60-е гг., переводоведение прошло в своем развитии уже долгий путь и претерпело множество изменений. Цель настоящей статьи — кратко охарактеризовать состояние современного переводоведения, отметить его основные особенности и определить точки роста, которые могут способствовать в будущем его развитию.

С момента своего зарождения переводоведение, или наука о переводе, приобрело комплексный характер. Оно включало и включает не только теорию перевода, но и дидактику перевода, переводческую критику, историю перевода, переводческую лексикографию. Каждая из составляющих переводоведения имеет свои объект и предмет исследования, решает специфичные задачи, использует собственную методологию исследования. При этом ядром переводоведения остается теория перевода, цель которой — определить сущностные характеристики переводческой деятельности. От того, какие именно характеристики выделяются

и каков подход к решению этой задачи, зависят прочие направления переводоведения: представление о переводе как деятельности определяет общую направленность исследований в рамках отдельных разделов переводоведения и степень успешности решения поставленных задач и их практической применимости.

Наши рассуждения основаны на убежденности в том, что переводоведение как научная дисциплина имеет право на существование только в том случае, если оно находит выход во внешнюю среду, то есть в практику перевода и в дидактику перевода, способствует общему повышению качества перевода и более эффективной подготовке переводческих кадров. Именно с этих позиций мы и будем анализировать прошлое и настоящее переводоведения, что даст возможность взглянуть в будущее науки о переводе.

2. Характеристика материала и методов исследования

В качестве материала исследования использованы работы отечественных и зарубежных переводоведов, посвященные как общим проблемам теории, практики и дидактики перевода, так и вопросам частного характера, связанным со спецификой осуществления отдельных видов переводческой деятельности. Анализ высказанных положений позволил определить основные подходы к изучению переводческой деятельности на отдельных этапах развития переводоведения и сделать умозаключения по поводу перспектив его развития.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В истории развития переводоведения можно выделить три этапа, различающихся основными подходами к изучению перевода и, соответственно, представлениями о сути переводческой деятельности. Данные представления можно рассматривать именно как результат использования того или иного подхода.

3.1. Лингвистический подход к изучению перевода

Лингвистический подход к изучению перевода хронологически самый ранний в истории переводоведения. Его использование для определения сущности перевода можно рассматривать как явление вполне закономерное: ведь и само переводоведение, и теория перевода как его раздел зародились в рамках языкознания с присущими ему предметом и методами исследования. Собственно «лингвистичность» этого подхода заключается в сугубом внимании к языковым факторам, влияющим на ход и результат переводческого процесса, прежде всего к различиям в структурах и системах языков, «сталкивающимся» в процессе перевода. При этом экстралингвистические факторы, факторы прагматического характера, связанные с самими субъектами межъязыковой коммуникации, во внимание не принимались. В результате сформировалось представление о переводе

как о некоей «филологической игре», в ходе которой языковой материал оригинала «преобразуется» в языковой материал переводного текста (чего, заметим, на самом деле не происходит). Подтверждением тому может служить определение перевода, предложенное Л. С. Бархударовым: «Переводом называется процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» (Бархударов 1975: 11). Такой же точки зрения изначально придерживались и зарубежные ученые. Так, Ю. Хаус предложила следующее определение перевода: *Translation is a process of replacing a text in one language by a text in another* / «Перевод — это процесс замены текста на одном языке текстом на другом языке» (перевод наш. — И. Р., В. С.) (House 2009: 4). Из чего следует, что в рамках лингвистического переводоведения в качестве единицы перевода в лучшем случае рассматривался текст (хотя во многих случаях исследователи считали единицами перевода и единицы более низких языковых уровней). Само по себе рассмотрение текста в качестве единицы перевода можно было бы приветствовать, если бы не одно печальное обстоятельство: в умах исследователей сложилось представление, что наличие текста оригинала — это единственное необходимое и достаточное условие для осуществления перевода. Возникло ощущение, что переводчик, получив и восприняв текст оригинала, далее должен только осуществить «преобразование» этого текста в текст на переводящем языке, используя определенные трансформации. Соответственно, были предложены и классификации переводческих (лексических, грамматических, лексико-грамматических) трансформаций (Рецкер 2007). Получается, что переводчик работает только с поверхностью текста, остается на поверхностном уровне и — в любом случае — остается как бы внутри самого текста, не погружаясь на уровень смысловой и не выходя вовне, то есть за пределы текста как такового.

О недостатках сугубо лингвистического переводоведения написано немало (Сдобников 2007). Основной недостаток лингвистического подхода и его отдельных положений заключается в том, что при таком видении перевода либо полностью игнорируется цель переводческой деятельности, либо эта цель искажается. А между тем необходимо учитывать, что всякая осознанная человеческая деятельность целенаправленна. И просто создание текста на другом языке не может рассматриваться в качестве цели перевода. Любой текст, в том числе переводной, создается для кого-то и для чего-то, выступает в качестве средства коммуникации, а в более широком смысле — в качестве инструмента осуществления определенной неречевой (предметной) деятельности.

Сугубо лингвистический подход к переводу оказался на удивление живучим. По прошествии 50–60 лет он все еще подчиняет себе умы многих исследователей, воспринявших его положения как истину в последней инстанции, как

нечто незыблемое, неизменное. Свидетельством тому могут служить довольно многочисленные сравнительно недавние работы, в которых рассматриваются «проблемы перевода» отдельных лексических единиц, фразеологизмов, отдельных синтаксических конструкций, проблемы обеспечения эквивалентности, то есть лингвистической близости, перевода по отношению к оригиналу и, разумеется, использование трансформаций в разных видах перевода, в том числе в художественном (Андреева 2020; Андреева, Лабунец 2020; Божко 2021; Павлова 2022; Белова 2023; Дулалаева 2023; Пушкина, Кривошлыкова 2023). Налицо отсутствие критического подхода к ранее высказанным утверждениям и — самое главное — отказ от учета действительных реалий переводческой деятельности. А между тем одна из задач переводоведения — выявление и описание того, что действительно происходит в сознании переводчика.

3.2. «Культурный поворот» в переводоведении

Более полное представление о сущности перевода сложилось в 1980–1990-е гг. благодаря тому, что исследователи начали учитывать не только сугубо лингвистические, но и экстралингвистические факторы, воздействующие на переводческий процесс. Внимание было обращено на фактор культуры, то есть были приняты во внимание различия не только между языками, но и между культурами, «сталкивающимися» в процессе перевода. Таким образом, было положено начало новому этапу в развитии переводоведения, обозначенному как *cultural turn* (Snell-Hornby 2006). Ранее мы не выделяли «культурный поворот» в качестве отдельного этапа в развитии переводоведения, однако есть обстоятельство, которое заставляет нас это сделать: изменившийся подход к изучению перевода и постижению его сути и, как результат, новое представление о характере переводческой деятельности.

Значимость «обновленного» подхода заключается в том, что исследователи вышли за пределы текста, признали, что перевод — это не только столкновение языков, но и столкновение культур. В результате переводчик стал рассматриваться как человек, осуществляющий не только межъязыковое, но и межкультурное посредничество. Разумеется, будучи экспертом в области двух культур, переводчик должен учитывать и различия между культурами, особенности мировосприятия и национальной психологии представителей разных культур, объем и характер их фоновых знаний. Подобного рода фактор нашел отражение и в тематике переводоведческих исследований, которые продолжают в этом же русле и сегодня (Hatim, Mason 1997; Gentzler 2001; Dejić 2009). Более того, исследователи весьма уверенно высказывают мнение, что перевод есть способ обеспечения межкультурной коммуникации, что это и есть межкультурная коммуникация (Glodjović 2010; Kuzenko 2017). С последним утверждением мы не можем полностью согласиться, особенно если иметь в виду письменный

перевод (Sdobnikov 2023). Вместе с тем сам по себе «культурный поворот» знаменовал обращение к экстралингвистическим факторам, влияющим на ход и результат переводческого процесса, определенное переосмысление сущности переводческой деятельности и характера решаемых переводчиком задач.

3.3. Коммуникативно-функциональный подход к переводу

Практически одновременно с «культурным поворотом» и даже чуть ранее стали формироваться основы так называемого коммуникативно-функционального подхода к переводу, или, как его называют в западном переводоведении, функционального подхода (*functionalist approach*). К числу его основоположников можно отнести Ю. Найду, ученых Лейпцигской школы, А. Д. Швейцера, создателей скопос-теории К. Райс и Г. Фермеера (Сдобников 2010, 2016: 16–34).

Суть коммуникативно-функционального подхода заключается в помещении переводческого события в структуру коммуникативной ситуации с использованием перевода (КСП). Именно специфика КСП определяет цель осуществления перевода, выбор используемой стратегии перевода, способами реализации которой являются тактики перевода. Самое главное — данный подход предполагает учет потребностей потребителей перевода, в качестве средства удовлетворения которых, собственно, и выступает переводной текст. Таким образом, всякий текст рассматривается как инструмент определенной внеречевой (предметной) деятельности, в рамках осуществления которой эти потребности и ожидания в отношении перевода и возникают (Сдобников 2011, 2016). Использование коммуникативно-функционального подхода позволило уточнить такие понятия, как «стратегия перевода» и «тактика перевода» (Сдобников 2016; Шамилов 2018; Шамилов, Сдобников 2019). Интересно то, что, несмотря на свою сравнительно недавнюю историю, данный подход, по сути новая переводоведческая парадигма, постоянно уточняется и совершенствуется, в частности в работах Р. М. Шамилова (Шамилов 2023). Завоеывая умы ученых, эта парадигма иногда представляется под иными названиями (Поликарпов 2017), что не меняет ее сути.

Рассматриваемый подход ценен тем, что максимально приближен к реалиям переводческой деятельности, в рамках которой переводчик должен не просто перевести текст с одного языка на другой, но создать продукт, который мог бы успешно использоваться потребителями перевода в рамках осуществляемой ими предметной деятельности. Таким образом, в русле функционального переводоведения перевод обретает свое истинное «человеческое лицо».

Итак, мы вступили в третий период развития переводоведения, которое в настоящее время дает возможность формировать у переводчиков по-настоящему профессиональное переводческое мышление. О. В. Петрова, представитель Нижегородской переводческой школы, пишет: «...для того чтобы сделать

из студента переводчика, у него необходимо это профессиональное переводческое мышление сформировать» (Петрова 2019: 573–574). Ниже мы рассмотрим один из способов решения этой задачи, сама возможность которого обусловлена появлением новой переводоведческой парадигмы.

4. Практическая реализация переводоведческих концепций: дидактика

Выше мы отмечали, что переводоведение имеет право на существование, только если оно находит выход в практику и дидактику перевода. Дидактический аспект перевода возник в переводоведении не по чьей-то прихоти; этот раздел сформировался как отражение насущной потребности определить теоретические основы подготовки переводчиков. Причем он обрел особую значимость уже на начальном этапе развития науки о переводе. Еще в 1950 г. Я. И. Рецкер, предложив основы разработанной им теории закономерных соответствий, писал, что на первом этапе обучения переводчиков следует ознакомить с максимальным количеством эквивалентов, затем перейти к развитию умения находить аналоги, а на третьем этапе заниматься адекватными заменами (Комиссаров 2002: 12). Здесь уже усматривается попытка связать положения теоретической концепции с задачами обучения переводу. Еще более четко связь между теорией перевода и дидактикой перевода в рамках переводоведения — и в практической деятельности — была определена несколько позднее: «Систематическое изучение узловых вопросов теории перевода дает возможность будущему переводчику овладеть необходимыми переводческими приемами и методикой переводческого анализа текста, а также позволяет конкретизировать на разнообразном языковом материале такие общие принципы переводческой деятельности, как адекватность, соотношение части и целого в переводе, недопустимость “буквализма” и необоснованных отступлений от подлинника и т. д.» (Комиссаров, Рецкер, Тархов 1960: 3). Очевидно, что в этом случае дидактика перевода строилась на основе положений именно лингвистического переводоведения и предполагала обучение будущих переводчиков исключительно работе с языковым материалом текста.

Совершенно иной подход к обучению переводчиков предлагает новая переводоведческая парадигма. Коммуникативно-функциональный подход к переводу как теоретическая основа профессиональной подготовки переводчиков и методологическая основа формирования профессиональных компетенций предполагает постоянное погружение студентов в ту среду, в которой предстоит осуществлять профессиональную деятельность. В рамках образовательного процесса подобного рода среда может создаваться путем имитации реальных ситуаций переводческой деятельности — как на практических занятиях по переводу, так и при прохождении студентами учебной и производственной практики. Такая имитация служит необходимым дополнением и своего рода продолжением

курса «Теория перевода», в рамках которого студенты знакомятся с теоретическими положениями коммуникативно-функционального подхода. Вовлечение же в имитируемые ситуации переводческой деятельности дает им возможность выработать необходимые универсальные и профессиональные компетенции.

Имитация ситуаций профессиональной переводческой деятельности может осуществляться путем использования определенных приемов, которые можно разделить на следующие группы.

Первая группа приемов направлена на формирование навыков коммуникации, в частности деловой (профессиональной) коммуникации, и используется, когда студентам дается задание перевести текст. Формулировки заданий, полученных якобы от заказчика, могут быть намеренно размытыми, неконкретными, например: «чтобы было покороче и все понятно», «я тут набросал, что хочу сказать, переведи и расширь» и т. п. У студентов есть возможность задать уточняющие вопросы, необходимые для наиболее полного понимания своей задачи и ожиданий заказчика, а для этого надо сначала проанализировать ситуацию и понять, какие вопросы нужно прояснить. Что именно непонятно? Может быть, сфера применения: для чего я буду это переводить? Может быть, объем: что именно означает «покороче» или «расширить», есть ли конкретные требования или ориентировочные представления? Может быть, форма: «переведи попроще» — значит, без использования специальной терминологии? И так далее. Наш опыт свидетельствует о том, что многие студенты совсем не задают вопросов, предпочитая полагаться на собственную интерпретацию или почему-то считая, что спрашивать зазорно, неправильно, не разрешено. И лишь отдельные студенты отваживаются задавать вопросы в устной форме (на занятии) или в письменной форме посредством электронной почты преподавателю, который в этом случае выступает в качестве представителя заказчика.

К этой же группе можно отнести задания на соблюдение сроков сдачи заказа. Студентам могут высылаться сразу несколько заданий на перевод, но срок выполнения заданий может быть разным, и в этом случае очень важно, чтобы переводчик соблюдал график сдачи работы.

Необходимость использования таких приемов имитации реальной ситуации определяется задачей сформировать у студентов так называемые надпрофессиональные навыки, в этом случае — навыки профессиональной коммуникации, без владения которыми успешное существование переводчика на рынке труда невозможно. Одновременно студенты приучаются вживаться в профессиональную среду и выстраивать свое поведение так, чтобы в результате заказчик был удовлетворен качеством оказанной ему услуги.

Вторая группа приемов имитации реальной профессиональной деятельности направлена на формирование общепрофессиональных и профессиональных

компетенций. Таким приемом может быть отправка студентам задания в виде отсканированного изображения, не редактируемого файла, фотографии не лучшего качества, что часто происходит на практике. Для выполнения задания студентам требуется умение использовать соответствующее программное обеспечение, например программы распознавания текста или редакторы файлов. (В скобках заметим, что в этом случае устанавливаются межпредметные связи, например с дисциплиной «Основы информационных технологий», обеспечивается некая системность профессиональной переводческой подготовки.)

При этом очень полезно периодически или довольно часто менять требования к оформлению файлов, содержащих тексты переводов. Студенты должны осознать, что у разных заказчиков в этом отношении могут быть разные требования, но в любом случае заказчик должен получить именно то, чего он ожидает.

Приемы имитации профессиональной деятельности, относящиеся к третьей группе, используются в рамках прохождения студентами учебной или производственной практики. В данном случае группа студентов, обычно состоящая из 4–5 человек, имитирует деятельность переводческой компании. Студенты распределяют между собой определенные функции (руководителя проекта, переводчика, терминоведа, редактора), договариваются о способах связи друг с другом, организуют обсуждение возникающих проблем и способов их решения. Таким образом формируются универсальные компетенции, необходимые для участия в проектной деятельности, в командной работе (Kiraly 2012; Волкова, Сдобников 2022). При этом важно наладить обратную связь между студентами и преподавателем, чтобы студенты, играющие определенные профессиональные роли, имели возможность задавать вопросы и получать необходимую для вживания в коммуникативную ситуацию информацию. Только преподаватель выступает уже не в качестве преподавателя, а в качестве заказчика. Соответственно, студентам разрешается задавать только те вопросы, которые они могли бы задать заказчику в реальной ситуации.

Другой прием этой же группы — отправка студентам перевода ненадлежащего качества вместе с оригиналом. В этом случае студенты играют роль редакторов перевода, и ожидается, что они не только смогут сформировать навыки профессионального редактирования перевода, но и разовьют коммуникативные навыки: умение корректно сформулировать рецензию, вежливо и четко донести до переводчика свою аргументацию, объяснить необходимость внесения правок.

Следует, однако, помнить, что основная, хотя и не единственная цель выполнения указанных заданий — научить студентов переводить, то есть сформировать собственно профессиональные компетенции. Мы считаем, что эти компетенции предполагают не просто создание на переводящем языке текста, верно передающего содержание исходного текста, а создание продукта в виде

текста, который соответствует ожиданиям заказчика и удовлетворяет его потребности. Как мы понимаем, потребности у заказчика могут быть разными и их характер определяется характером осуществляемой заказчиком (получателем перевода, инициатором перевода) предметной деятельности. Так, заказчику может потребоваться не полный перевод, а выборочный (например, инструкции к лекарственному препарату) (Шамилов, Сдобников 2019: 170–174). Соответственно, студентам следует предлагать задания не только на так называемый полноценный (полный) перевод, но и задания на выборочный, реферативный перевод, на составление аннотаций, что будет еще более приближать студентов к реалиям переводческой профессии.

5. Заключение

Переводоведение как наука о переводе, о практической переводческой деятельности во всем ее многообразии, не могло не меняться. Пройдя в своем развитии три этапа, оно наконец пришло к тому состоянию, в котором способно адекватно и реалистично исследовать реалии переводческой деятельности, выявить истинную сущность перевода и внести свой вклад в совершенствование переводческой подготовки, способствовать повышению общего качества перевода и, соответственно, повышению уровня удовлетворенности потребителей перевода качеством оказываемых им услуг.

Подобное состояние переводоведения определяется появлением коммуникативно-функционального подхода к переводу — новой переводоведческой парадигмы, предполагающей погружение в коммуникативную ситуацию при осуществлении или изучении переводческой деятельности. Остается только сожалеть, что до сих пор многие переводоведы и преподаватели перевода остаются в плену устаревших представлений о переводе, исповедуя взгляды, сформированные в рамках сугубо лингвистического переводоведения. Анализ переводческой практики свидетельствует о том, что эти взгляды уже нехарактерны для многих — ответственных, квалифицированных, вдумчивых — переводчиков-практиков и прочих субъектов переводческой деятельности. Можно сказать, что рынок движется в сторону функциональности и он того же самого ожидает от науки о переводе и от системы подготовки переводчиков.

Нами было установлено, что только погружение будущих переводчиков в профессиональную среду, создаваемую в рамках учебной деятельности путем имитации, будет способствовать формированию у обучаемых профессионального переводческого мышления. Человек, таким мышлением обладающий, скорее и легче осознает и стоящие перед ним задачи, и потребности получателя перевода, и цель осуществления перевода. Другими словами, только такой человек сможет создать по-настоящему адекватный перевод, то есть перевод,

который может успешно использоваться заказчиком в качестве инструмента осуществления им предметной деятельности.

В решении этих задач, а также в избавлении от пусть закономерных, но все же ошибок прошлого — будущее переводоведения.

Список литературы / References

- Андреева Е. Ю. Синтаксические преобразования и проблема межъязыковой асимметрии при переводе биографии с английского языка на русский // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 7-2. С. 118–120. [Andreeva, Ekaterina Yu. (2020) Sintaksicheskiye preobrazovaniya i problema mezh'yazykovoy asimmetrii pri perevode biografii s angliyskogo yazyka na russkiy (Syntactic Transformations and the Problem of Interlingual Asymmetry in Translation of the Biography from English into Russian). *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 7-2, 118–120. (In Russian)].
- Андреева Я. Е., Лабунец Н. В. Межъязыковые трансформации при переводе с русского языка на китайский романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. HUMANITATES. 2020. Т. 6. № 4 (24). С. 6–23. [Andreeva, Yana E., & Labunets, Natalya V. (2020) Mezhyazykovyye transformatsii pri perevode s russkogo yazyka na kitayskiy romana G. Sh. Yakhinoy «Zuleykha otkryvayet glaza» (Interlanguage Transformations in the Translation from Russian into Chinese of G. Sh. Yakhina's Novel "Zuleikha Opens Her Eyes"). *Tyumen State University Herald Humanities research. Humanitates*, Vol. 6, 4 (24), 6–23. (In Russian)].
- Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. [Barkhudarov, Leonid S. (1975) *Yazyk i perevod (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda)* (Language and translation (Issues of General and Particular Theory of Translation). Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. (In Russian)].
- Белова Т. М. Переводческие трансформации как способ сохранения индивидуального авторского стиля // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака: Сборник статей по итогам VIII Международной конференции. (Москва, 20–24 марта 2023 года). Т. 8. М.: Издательство «Спутник+», 2023. С. 189–195. [Belova, Tatiana M. (2023) Perevodcheskiye transformatsii kak sposob sokhraneniya individual'nogo avtorskogo stilya (Translation Strategies as a Way of Preserving the Author's Individual Style). In *Yazyk i deystvitel'nost'. Nauchnyye chteniya na kafedre romanskikh yazykov im. V. G. Gaka: Sbornik statey po itogam VIII Mezhdunarodnoy konferentsii* (Moskva, 20–24 marta 2023 goda). Т. 8. (Language and Reality. Scientific Readings at the Department of Romance Languages named after. V. G. Gak: Collection of Articles Based on the Results of the VIII International Conference (Moscow, March 20–24, 2023). Vol. 8.). Moscow: Izdatel'stvo «Sputnik+». (In Russian)].
- Божко Н. О. С. Особенности перевода безэквивалентной лексики в шоу и блогах о путешествиях // Язык и перевод в меняющемся мире: Сборник научных трудов. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 27–34. [Bozhko, Nicole O. S. (2021) Osobennosti perevoda bezekvivalentnoy leksiki v shou i blogakh o puteshestviyakh (Peculiarities of Translation of Culture-Specific Vocabulary in Travel Shows and Blogs). In *Yazyk i perevod v menyayushchemsya mire: Sbornik nauchnykh trudov* (Language and

- Translation in a Changing World: Collection of Scientific Papers). Krasnodar: Kuban State University, 27–34. (In Russian)].
- Волкова Т. А., Сдобников В. В.* Переводчик и слесарный верстак: учебный проект по техническому переводу // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2022. Вып. 4 (60). С. 171–191. [Volkova, Tatiana A., & Sdobnikov, Vadim V. (2022) *Perevodchik i slesarnyy verstak: uchebnyy proyekt po tekhnicheskomu perevodu* (The Translator and the Fitter's Workbench: a Simulated Technical Translation Project). *LUNN Bulletin*, 4 (60), 171–191. (In Russian)].
- Дулалаева И. Ю.* Метонимическая трансформация как инструмент преодоления лингвоэтнического барьера в переводе // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: Сборник научных трудов VII Международной научно-практической конференции. Елабуга: КФУ, 2023. С. 147–149. [Dulalaeva, Irina Yu. (2023) *Metonimicheskaya transformatsiya kak instrument preodoleniya lingvoetnicheskogo bar'yera v perevode* (Metonymic Transformation as a Tool for Overcoming the Linguo-Ethnic Barrier in Translation). In *Sovremennyye problemy filologii i metodiki prepodavaniya yazykov: voprosy teorii i praktiki: Sbornik nauchnykh trudov VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Modern Problems of Philology and Language Teaching Methodology: Issues of Theory and Practice: Collection of Scientific Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference). Elabuga: KFU, 147–149. (In Russian)].
- Комиссаров В. Н., Рецкер Я. И., Тархов В. И.* Пособие по переводу с английского языка на русский. Ч. 1. Лексико-фразеологические основы перевода. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1960. [Komissarov, Vilen N., Retsker, Yakov I., & Tarkhov, Valery I. (1960) *Posobiye po perevodu s angliyskogo yazyka na russkiy. Ch.t' 1. Leksiko-frazeologicheskiye osnovy perevoda* (Manual on Translation from English into Russian. P. 1. Lexical and Phraseological Basis of Translation). Moscow: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh. (In Russian)].
- Комиссаров В. Н.* Лингвистическое переводоведение в России: Учебное пособие. М.: ЭТС, 2002. [Komissarov, Vilen N. (2002) *Lingvisticheskoye perevodovedeniye v Rossii: Uchebnoye posobiye* (Linguistic Translation Studies in Russia: Training Manual). Moscow: ETS. (In Russian)].
- Павлова А. В.* Эквивалентность перевода фразеологизмов // Славянская фразеология и паремология. Культурное наследие и современность: Сборник научных статей. Гомель: Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, 2022. С. 215–221. [Pavlova, Anna V. (2022) *Ekvivalentnost' perevoda frazeologizmov* (Equivalence of translation of phraseological phrases). In *Slavyanskaya frazeologiya i paremiologiya. Kul'turnoye naslediye i sovremennost'*: Sbornik nauchnykh statey (Slavic Phraseology and Paremiology. Cultural Heritage and Modernity: Collection of Scientific Articles). Gomel: Francisk Skaryna Gomel State University, 215–221. (In Russian)].
- Петрова О. В.* Рецензия на учебное пособие: Шлепнев Д. Н. Общая теория перевода: начала. Введение в ремесло. 2-е изд., перераб. и доп. Н. Новгород: НГЛУ, 2019. 354 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 2. С. 569–574. [Petrova, Olga V. (2019) *Retsenziya na uchebnoye posobiye: Shlepnev D. N. Obshchaya teoriya perevoda: nachala. Vvedeniye v remeslo. 2-ye izd., pererab. i dop. N. Novgorod: NGLU, 2019. 354 s.* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 2. С. 569–574. (In Russian)].

- Поликарпов А. М. Интегративное переводоведение: предпосылки возникновения и основные идеи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 16. № 3. С. 6–17. [Polikarpov, Aleksandr M. (2017) Integrativnoye perevodovedeniye: predposylki vznikhnoveniya i osnovnyye idei (Integrative Translation Studies: Origin and Main Ideas). *Science Journal of VolSU. Linguistics*, Vol. 16, 3, 6–17. (In Russian)].
- Пушкина А. В., Кривошлыкова Л. В. Применение грамматических трансформаций при переводе художественного текста с английского языка на русский (на материале романа Николоса Спаркса «Спеши любить») // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 2-1. С. 157–162. [Pushkina, Anna V., & Krivoshlykova Ludmila V. (2023) Primeneniye grammaticheskikh transformatsiy pri perevode khudozhestvennogo teksta s angliyskogo yazyka na russkiy (na materiale romana Nikolosa Sparksa «Speshi lyubit'») (The Use of Grammatical Transformations in the Translation of a Literary Text from English into Russian (Based on Nicholas Sparks' Novel "A Walk To Remember")). *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 2-1, 157–162. (In Russian)].
- Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича. 3-е изд., стереотип. М.: Р. Валент, 2007. [Retsker, Yakov I. (2007) *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda / Dopolneniya i kommentarii D. I. Yermolovicha. 3-ye izd., stereotip.* (Translation Theory and Translation Practice. Essays on the Linguistic Theory of Translation / Additions and Comments by Dmitry I. Ermolovich. 3rd edition, stereotype). Moscow: R. Valent. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Теория перевода и дидактика перевода: единство или борьба противоположностей? // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2007. Вып. 1 (1). С. 301–308. [Sdobnikov, Vadim V. (2007) *Teoriya perevoda i didaktika perevoda: yedinstvo ili bor'ba protivopolozhnostey?* (Translation Theory and Didactics of Translation: Unity or Struggle of Opposites?). *LUNN Bulletin*, 1 (1), 301–308. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Коммуникативно-функциональный подход к переводу в западном переводоведении // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 10 (54). С. 53–57. [Sdobnikov, Vadim V. (2010) *Kommunikativno-funktsional'nyy podkhod k perevodu v zapadnom perevodovedenii* (Communicative Effect in Bilingual Communication: Clarifying of a Notion). *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 10(54), 53–57. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Коммуникативная ситуация как фактор определения стратегии перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2011. Вып. 2 (14). С. 114–124. [Sdobnikov, Vadim V. (2011) *Kommunikativnaya situatsiya kak faktor opredeleniya strategii perevoda* (Communicative Situation as a Factor in Choosing a Translation Strategy). *LUNN Bulletin*, 2 (14), 114–124. (In Russian)].
- Сдобников В. В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016. [Sdobnikov, Vadim V. (2016) *Kommunikativnaya situatsiya kak osnova vybora strategii perevoda*: Dis. ... d-ra filol. nauk (Communicative Situation as a Basis for Choosing a Translation Strategy: PhD (Advanced) Thesis in Philology). Moscow. (In Russian)].

- Шамилов Р. М. Структура и алгоритм процесса специального перевода (коммуникативно-функциональный подход): Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2018. [Shamilov, Raviddin M. (2018) *Struktura i algoritm protsessy spetsial'nogo perevoda (kommunikativno-funktsional'nyu podkhod)*: Dis. ... kand. filol. nauk (Structure and Algorithm of Specialized Translation Process (Communicative and Functional Approach): PhD Thesis in Philology). Nizhny Novgorod. (In Russian)].
- Шамилов Р. М., Сдобников В. В. Коммуникативная ситуация и лингвистическое оформление текста в специальном переводе: содержательно-смысловой аспект // Научный диалог. 2019. № 1. С. 165–177. [Shamilov, Raviddin M., & Sdobnikov, Vadim V. (2019) Kommunikativnaya situatsiya i lingvisticheskoye oformleniye teksta v spetsial'nom perevode: sodержatel'no-smyslovoyy aspekt (Communicative Situation and Linguistic Composition of a Target text in Specialised Translation: Contextual and Conceptual Aspect). *Nauchnyi dialog*, 1, 165–177. (In Russian)].
- Шамилов Р. М. Что такое потребностноориентированный перевод? // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 61. С. 116–135. [Shamilov, Raviddin M. (2023) Chto takoye potrebnostno orientirovannyu perevod? (What Is a Needs-Centered Translation?). *LUNN Bulletin*, 1 (61), 116–135. (In Russian)].
- Dejica, Daniel. (2009) Approaching Cultural Relations for Translation Purposes. *Translation Studies: Retrospective and Prospective Views*, Issue 6, 40–47.
- Gentzler, Edwin. (2001) *Contemporary Translation Theories*. Clevedon, Multilingual Matters Ltd.
- Glodjović, Anica. (2010) Translation as a Means of Cross-Cultural Communication: Some Problems of Literary Text Translatio. *Facta Universitatis. Series Linguistic and Literature*, Vol. 8, 2, 141–151.
- Hatim, Bassil, & Mason, Ian. (1997) *The Translator as Communicator*. London: Routledge.
- House, Juliane. (2009) *Translation*. Oxford: Oxford University Press.
- Kiraly, Don. (2012) Growing a Project-based Translation Pedagogy: a Fractal Perspective. *Meta. Translators' Journal*, 57 (1), 82–95. DOI: 10.7202/1012742ar.
- Kuzenko, H. (2017) Translation as Cross-Cultural Communication. *Science and Education a New Dimension. Philology*, Vol. 33, Iss. 123, 40–43.
- Sdobnikov, Vadim V. (2023) Is Translation a Means of Cross-Cultural Communication? *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, Vol. 22, 3, 77–85.
- Snell-Hornby, Mary. (2006) *The Turns of Translation Studies. New Paradigms or Shifting Viewpoints?* Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

УДК 811.112.2

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-107-120

KRISENMODUS: ЭВОЛЮЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ КОНЦЕПТА КРИЗИС В НЕМЕЦКОМ ОБЩЕСТВЕ

Е. В. Разумных¹, Г. А. Максимова²

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

² Московский государственный технический университет
им. Н. Э. Баумана, Калужский филиал, Калуга, Россия

В статье представлены результаты исследования, цель которого — выявить и описать текущие изменения в восприятии немецким обществом концепта КРИЗИС и связанных с ним явлений. В качестве языкового материала были использованы немецкоязычные журналы *Deutsch Perfekt* за 2021, 2022 и 2023 г., тексты которых были изучены на предмет актуализации в них лексемы *Krise*. При этом использовались методы сплошной выборки, контент-анализа и сравнения с данными других исследований, проведенных на материале английского и русского языков. Новизна исследования определяется его материалом, который не носит традиционного для кризисного дискурса политического характера. В качестве основных параметров для отслеживания изменений в восприятии обществом кризисных явлений были выбраны смысловая доминанта обсуждаемого концепта, особенности его контекстуальной репрезентации и используемые при этом языковые средства. Полученные в ходе исследования данные были описаны с разбивкой по годам и представлены в виде сводной таблицы. Результаты анализа текстов показали смену смысловой доминанты в составе концепта КРИЗИС с положительной на отрицательную, изменение содержания и общего тона контекстов и появление в них языковых средств, служащих усилению отрицательных коннотаций и эмоциональности при описании кризиса. При этом эмоциональность и метафоричность немецкоязычного кризисного дискурса оказываются все же ниже по сравнению с аналогичным дискурсом русского или английского языков, что может объясняться разной тематической направленностью исследованного материала. Теоретическая значимость результатов исследования состоит в пополнении данных социолингвистики и смежных наук, а практическая — в возможности их использования в дальнейших исследованиях кризисных дискурсов, а также в лингводидактике немецкого языка при освещении тем, связанных с кризисными явлениями. Статья может представлять интерес для лингвистов-исследователей и всех, кто интересуется немецким языком и жизнью немецкого общества.

Ключевые слова: кризис; кризисный дискурс; кризисная коммуникация; контекстуальная репрезентация; немецкий язык.

Цитирование: Разумных Е. В., Максимова Г. А. *Krisenmodus*: эволюция восприятия концепта КРИЗИС в немецком обществе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 2 (66). С. 107–120. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-107-120.

Krisenmodus: Evolution of the 'Crisis' Concept as Perceived by the German Society

Elena V. Razumnykh¹, Galina A. Maksimova²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Bauman Moscow State Technical University, Kaluga branch, Kaluga, Russia

The article aims to identify and describe the latest changes in the perception of crisis-related events by the German society. In order to do that, we studied the contexts and ways in which the German word 'Krise' was used in *Deutsch Perfekt* magazines throughout 2021, 2022, and 2023. Our investigation methods comprise continuous sampling, content analysis, and comparison with the results of similar studies carried out in English and Russian languages. This study is novel in that it focuses on non-political texts, avoiding political discourse which has traditionally become a major source for crisis discourse studies. The prevailing semantics of the 'crisis' concept, peculiarities of its contextual representation, and language means used therein were selected as the key parameters signaling changes in the perception of crisis. These parameters were described in detail with the breakdown by years and summarized in a table. Our analysis shows that the idea of crisis as viewed by Germans has changed from positive to negative over the period of three years, which is supported by transformation of contexts' overall semantics and emergence of specific language means to intensify negative connotations and heighten emotions when discussing crisis-related events. At that, the overall emotionality and metaphoricity of the German crisis discourse is still lower as compared with that of Russian or English, which might be due to a different target audience and pragmatics of texts under analysis. The results of the study are important both from the theoretical and practical points of view. Apart from offering insights into the national-specific picture of reality and the related cognitive processes, they may be used for further investigation of crisis discourse by linguists, both in German and other languages.

Key words: crisis; crisis discourse; crisis communication; contextual representation; German language.

Citation: Razumnykh, Elena V. & Maksimova, Galina A. (2024) *Krisenmodus: Evolution of the 'Crisis' Concept as Perceived by the German Society*. *LUNN Bulletin*, 2 (66), 107–120. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-107-120.

1. Введение

Ежегодно лингвисты всего мира выбирают слово, которое наиболее полно отражает в себе дух и атмосферу уходящего года. При этом в отличие от словарей, ориентирующихся при выборе слова года на частоту поисковых запросов пользователей и распространенность употребления того или иного слова во Всемирной сети, Общество немецкого языка (*Gesellschaft für deutsche Sprache*) выбирает в качестве слова года такой термин, который, по мнению жюри, оказал особое лингвистическое влияние на политическую, экономическую и социальную жизнь Германии за истекший год. Иными словами, основным критерием отбора в данном случае является не частота употребления, а значимость слова для

немецкого общества. В 2023 г. такой статус получило слово *Krisenmodus* (кризисный режим), отражающее увеличивающуюся напряженность во всех сферах современной жизни. В публикации Общества отмечается, что еще не преодоленные кризисы, такие как изменение климата, военные конфликты и проблемы энергетической отрасли, дополняются новыми, а режим чрезвычайной ситуации становится устойчивым, неизменным состоянием (Die Zeit 2024).

В связи с этим можно полагать, что концепт кризисной ситуации и всех связанных с ней явлений приобрел в немецком языке особую смысловую емкость, отражающую изменения в мировидении немецкоязычного общества. Для того чтобы убедиться в этом, мы провели анализ употребления лексемы *Krise* в немецкоязычном медиадискурсе, используя материалы издания *Deutsch Perfekt* за 2021, 2022 и 2023 г., непосредственно предшествовавшие признанию *Krisenmodus* словом года. Выбор данного издания был продиктован тем, что оно выпускается ежемесячно и ориентировано не на внутреннюю аудиторию, а на иностранцев, изучающих немецкий язык. Такие характеристики журнала позволяют предположить, что он в определенной степени свободен от политических влияний, которые могут диктовать способ преподнесения информации о кризисе, и не нацелен на формирование общественного мнения, а вместо этого динамично отражает все актуальные события и настроения в немецком обществе и транслирует их на обширную аудиторию, создавая в сознании читателей образ Германии как страны изучаемого языка. Иными словами, данное СМИ является еще и средством межкультурной коммуникации.

Наша гипотеза состоит в том, что языковая картина кризисных явлений, отражающая восприятие концепта «кризис» в сознании немцев, должна была неизбежно измениться в период, охватываемый исследованием. Выявление и описание таких изменений, которые могут выражаться в смысловых доминантах концепта, способах его контекстуальной репрезентации и используемых при этом языковых средствах, является целью настоящего исследования. Его теоретическими предпосылками стали работы российских и зарубежных лингвистов, постулирующие роль языка как инструмента отражения мыслительных и социальных процессов (Jackendoff 1985; Lakoff 2003; Givon 2005; van Dijk 2009; Скребцова 2018), а также работы исследователей кризисного дискурса (Landtsheer 1991; Fuchs, Graf 2010; Кропотухина 2017; Курочкина 2023; Москвитина, Баландина 2023) и др.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования выступают публикации издания *Deutsch Perfekt* за 2021, 2022 и 2023 г., непосредственно предшествовавшие признанию *Krisenmodus* словом года.

Большинство доступных нам исследований кризисной коммуникации проводятся с использованием текстов политической или экономической направленности на русском, а также английском языке как современном *lingua franca*, в то время как привлечение текстов на других языках и другой тематики является нетипичным. Этим и определяется новизна настоящей работы, использующей в качестве материала неполитизированное издание на немецком языке. Методология исследования включает методы сплошной выборки, контент-анализа, а также сравнительный метод, выражающийся в сравнении полученных результатов с данными других исследований. Актуальность работы состоит в возможности использования ее результатов для пополнения и развития данных социолингвистики, психолингвистики и смежных наук за счет уточнения характеристик процессов, происходящих в языковом сознании на фоне изменения условий жизни некоторого сообщества. Помимо этого, полученные данные могут быть использованы в дальнейшем изучении кризисного дискурса в немецком и других языках. Применение результатов исследования возможно и в сфере преподавания немецкого языка как иностранного. Поскольку изученный материал ограничен журналами дидактического характера, нельзя исключать возможность их использования как источников аутентичных текстов в лингводидактических целях. Данные контекстуального и дискурсивного анализа концепта КРИЗИС в таких текстах позволят преподавателям организовать работу с соответствующей лексикой, использовать ее при составлении ментальных карт и рабочих листов, обратить внимание на используемые в текстах грамматические конструкции и в целом расставить акценты относительно репрезентации кризисных явлений в немецкоязычной культуре.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Традиция исследования языковых фактов для изучения когнитивных и психологических процессов, сопутствующих восприятию и осмыслению действительности, прочно вошла в лингвистическую науку. Теоретические основания такого подхода, предполагающего тесную связь коммуникативных параметров языка с мышлением, не вызывают никаких сомнений. Признание сущности языка как системы, полностью определяемой факторами субъективного характера, происходит из осознания роли человека как творца коммуникации, от которого зависят все процессы и изменения в языке (Левицкий 2017: 92). Как указывает С. Лерер, именно человек способен находить новые способы выражения своих мыслей, разнообразно использовать ресурсы языка в зависимости от времени и места коммуникации и посредством своего воображения преобразовать эти ресурсы в «нечто уникально личное» (здесь и далее перевод наш. — Е. Р., Г. М.) (Lerer 2007: 2).

Такой подход позволяет использовать материал разных языков для моделирования языковой картины мира их носителей, а также выделения ряда концептов как национально-специфических констант языкового мышления представителей различных культур. В частности, элементы данного направления представлены в (Wierzbicka 1989, 1998; Тер-Минасова 2000; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Visson 2015). С другой стороны, встречается и критика лингвокультурологических взглядов и самого понятия «концепта» как некоторого стереотипа, отражающего мнение о собственной или чужой культуре (Павлова, Светозарова 2015: 116). Как бы то ни было, неоспоримая антропоцентричность любого языкового материала делает его пригодным не только для тех исследований, которые претендуют на выявление характеристик культуры и менталитета отдельных наций в целом, но и для менее масштабных исследований различных видов дискурса как отражения актуальных событий и изменений в жизни общества.

В последние годы одним из наиболее популярных направлений в лингвистике стал анализ кризисного дискурса, что продиктовано ростом напряженности во всех сферах общественной жизни. Поскольку основным его предназначением является описание кризисов на всех этапах их возникновения, развития и преодоления, он служит обозначению проблемных зон в обществе, передавая при этом драматизм ситуации и вытекающую из него озабоченность граждан. Анализ языковых средств, используемых для построения кризисного дискурса, способен обнаружить различия в восприятии и интерпретации кризисных явлений представителями различных аудиторий (Кропотухина 2017: 95–96). Особая важность лингвистического анализа кризисного дискурса заключается в том, что такие исследования способны не только обнаружить факты чисто языкового характера, но и дать ценную информацию о наиболее болезненных и тревожащих людей событиях, способствуя таким образом поиску возможных решений (Новикова, Баландина, Селютин 2021: 115–117).

Основные результаты, полученные нами по итогам анализа кризисного дискурса, представленного в журналах *Deutsch Perfekt* за последние три года, представлены далее.

3.1. 2021 год

В журналах за 2021 г. отмечено 83 случая употребления лексемы *Krise*. Основной упоминаемой разновидностью кризиса стал *Corona-Krise* (кризис, связанный с распространением коронавируса), но при этом встречались также единичные упоминания о *Weltfinanzkrise* (мировой финансовый кризис), *Flüchtlingskrise* (кризис в связи с перемещением беженцев), *Ehekrise* (кризис семейной жизни), *Klopapierkrise* (кризис нехватки туалетной бумаги) и в целом *Krisenzeiten* (кризисные времена). С точки зрения морфологии обращает на себя

внимание мощный словообразовательный потенциал немецкого языка, в котором лексемы «способны ежесекундно, по первому же требованию сочетаться друг с другом, образуя сращения» (Павлова, Светозарова 2015: 122)¹. При этом далеко не все из новых слов, созданных путем сложения уже имеющихся, переходят в лексикон. Так, из указанных выше слов только *Corona-Krise*, *Ehekrise* и *Flüchtlingskrise* официально представлены в настоящее время в онлайн-словаре DWDS.

Что касается контекстной актуализации лексемы *Krise*, то в преобладающем числе случаев она использовалась в 2021 г. в положительно окрашенных контекстах, представляющих кризис как ситуацию новых возможностей и акцентирующих преимущества нового образа жизни общества. При этом подчеркивалась возможность профессионального и личностного развития, открытия собственного бизнеса и поиска новых, креативных решений для выхода из сложившейся ситуации. Сравн.:

(1) *Durch Corona haben viele Selbständige Probleme. Warum ist die **Krise** trotzdem eine Chance für Menschen, ihr eigener Chef zu werden?* / Из-за пандемии коронавируса многие самозанятые испытывают проблемы. Почему кризис — это все-таки шанс стать самому себе начальником?

(2) *Und warum sehen sie in der **Krise** eine Chance fürs Deutschlernen?* / Почему они рассматривают кризис как шанс для изучения немецкого языка?

(3) *In **Krisen** gründen viele eine eigene Firma* / В кризис многие начинают свое собственное дело.

(4) *Das alles zeigt, dass man als Selbstständiger in **Krisenzeiten** kreative Lösungen finden kann und muss* / Все это показывает, что самозанятым во времена кризиса можно и нужно находить креативные решения.

Позитивная атмосфера в описании кризисного периода поддерживается указанием на различные аспекты жизни, которые могут помочь людям в преодолении трудностей. Сравн.:

(5) *Sicher ist: Möbel, Teppiche und Accessoires sind in der **Krise** populär* / Точно одно: мебель, ковры и аксессуары популярны в кризис.

(6) *Hunde — ein tierischer Begleiter verspricht in der **Krise** Sicherheit* / Собаки — животные-компаньоны, которые дарят чувство защищенности в кризис.

Вместе с тем встречаются отдельные упоминания о психологических и финансовых трудностях, с которыми приходится сталкиваться жителям Германии:

(7) *Sie fühlen sich durch die **Corona-Krise** psychisch belastet* / Из-за кризиса в связи с пандемией они чувствуют себя психологически истощенными.

¹ На аналогичную тенденцию в политическом дискурсе английского языка указывает Е. В. Терехова (Терехова 2012: 186).

(8) *Klar ist: Wegen der Corona-Krise haben viele Bürgerinnen weniger Geld / Очевидно одно: из-за связанного с пандемией кризиса многие граждане стали беднее.*

Ситуация усталости, а вместе с ней и раздражения, накопившегося за долгие месяцы пандемии, привела даже к появлению в словаре немцев нового слова *mügend*, складывающегося из сочетания лексем *müde* и *wütend*. Сравн.:

(9) *Nach einem Jahr Pandemie sind viele Deutsche nur noch eins: mügend. Dieses neue Wort beschreibt die aktuelle Stimmung im Land ziemlich gut: vielen Menschen fehlt eine Perspektive, das Vertrauen in das Krisen-Management der Politik ist erschüttert / После года пандемии многие немцы чувствуют только одно: зло и усталость (злоусталость). Это новое слово хорошо описывает текущие настроения в стране: у многих людей нет перспектив, доверие к политическому курсу кризисного управления пошатнулось.*

Несмотря ни на что, немецкое общество ищет способы контроля и прогнозирования кризисных ситуаций:

(10) *Durch die Krisen — Corona genauso wie das Klimaproblem — hat die Politik gemerkt, wie wichtig Prognosen sind / Из-за кризисов — таких как пандемия коронавируса и проблемы изменения климата — политики осознали, насколько важны прогнозы.*

3.2. 2022 год

В журналах за 2022 г. количество употреблений лексемы *Krise* существенно сократилось — до 29 случаев. Из сферы психологии известно, что частое упоминание кризисов приводит к тому, что люди привыкают к сообщениям подобного рода и начинают воспринимать их как норму жизни, что приводит к спаду внимания к обсуждаемым явлениям. На первый план в 2022 г. выходят такие разновидности кризиса, как *Klimakrise*, *Ölkrise* и *Energiekrise*, встречаются также упоминания о *Weltwirtschaftskrise* и *Papierkrise*.

В отличие от положительного или нейтрального настроения при описании кризиса в журналах за 2021 г., в последующий период увеличивается число негативных коннотаций, отмечается эмфатическое употребление языковых средств, появляются семы интенсивности и экспрессивности. Так, в следующем примере сложность текущей ситуации подчеркивается за счет употребления однородных членов предложения с отрицательной семантикой (*große / schwierige, Aufgaben / Probleme*). Помимо этого, эффект нагнетания обстановки создается за счет перечисления существительных, указывающих на многочисленные проблемы:

(11) *Auf die großen, schwierigen Aufgaben und Probleme unserer Zeit — Klimakrise, Energiewende, Bevölkerungswachstum, Digitalisierung — hat die konventionelle Landwirtschaft wenig Antworten / На серьезные, сложные вопросы и вызовы нашего*

времени — такие как изменение климата, переход на новые источники энергии, рост населения, цифровизация — у традиционного земледелия нет ответов.

Помимо этого, все чаще встречаются упоминания о кризисе как общей характеристике условий существования современного общества без указания на какую-либо конкретную отрасль промышленности, а в некоторых случаях — в одном ряду с конфликтами и войнами. Сравн.:

(12) *In dieser Zeit der **Krisen** und Katastrophen geht es mehr Menschen als früher psychisch schlecht / В нынешнее время кризисов и катастроф все большее число людей испытывают психологические трудности.*

(13) *In den Jahren danach bin ich immer wieder in Länder des Nahen Ostens gereist, um dort von Konflikten, **Krisen** und Kriegen zu berichten / В последующие годы я часто ездил в страны Ближнего Востока, чтобы вести репортажи о конфликтах, кризисах и войнах.*

Популярным становится сложное слово *Krisenzeiten*, указывающее на кризисные времена в целом:

(14) *So ist es keine Überraschung, dass in **Krisenzeiten** die Freizeitsbeschäftigungen boomen / Неудивительно, что во время кризиса востребованы различные хобби.*

При этом, размышляя о причинах кризиса, немцы задумываются об ошибках глобального развития, допущенных в предыдущие десятилетия, и высказывают сомнения в истинности своих годами складывавшихся представлений о происходящем:

(15) *In der **Krise** zeigen sich die großen Lebenslügen der Globalisierungsphase / Во время кризиса проявляется чудовищный самообман эры глобализации.*

3.3. 2023 год

В 2023 г. количество упоминаний о кризисе сократилось еще больше по сравнению с 2021 и 2022 г. и составило всего 15 случаев. Как и прежде, речь идет о *Corona-Krise*, *Energiekrise*, *Klimakrise* и кризисной ситуации в целом, напр.:

(16) *Aber seit auf die **Corona-Krise** ohne Pause die **Energiekrise** gefolgt ist, ist die deutsche Buchführung kreativ geworden / С тех пор, как на смену коронавирусу сразу же пришел энергетический кризис, немецкая бухгалтерия стала изобретательней.*

При этом подчеркивается нескончаемость вереницы сменяющих друг друга кризисных ситуаций:

(17) *Und als man dann glaubte, dass die Sache mit dem Virus endlich zu Ende geht, kamen die **Wirtschaftskrise** und die hohe Inflation / Когда можно было ожидать, что пандемия подошла к концу, мы столкнулись с экономическим кризисом и высокой инфляцией.*

На этом фоне высказываются мысли о том, что с последствиями всех кризисных явлений придется справляться молодому поколению:

(18) *Vor allem die jungen Menschen müssen mit den Konsequenzen von **Klimakrise**, Kommerzialisierung, wachsender sozialer Ungerechtigkeit oder **Pflegekrise** zurechtkommen / Справляться с последствиями изменений климата, коммерциализации, растущей социальной несправедливости и кризиса системы медицинского обслуживания придется прежде всего молодому поколению.*

На фоне планомерно снижающегося количества упоминаний о кризисе в журналах за 2022 и 2023 г., которое может указывать на усталость общества от постоянных проблем и привыкание к новому образу жизни, особенно неожиданным становится всплеск употреблений лексемы *Krise* в первых номерах журнала в 2024 г. Как и в предыдущий год, обращает на себя внимание упоминание кризисных ситуаций как бесконечной череды событий. Сравн.:

(19) ***Krisen** und Kriege dominieren die Nachrichten / Кризисы и войны — основная тема в новостях.*

(20) *Es war kein ganz leichtes Jahr. Die **Klimakrise**. Die Inflation. Der Krieg. Die Sorgen / Это был нелегкий год. Изменение климата. Инфляция. Война. Проблемы.*

Общая риторика при этом меняется в сторону рассуждений о том, что человеческая психика не приспособлена к тому, чтобы постоянно находиться в «режиме кризиса» и в сложные времена важно не заикливаться на трудностях. Напр.:

(21) *Wie viele Kriegs-, **Krisen**- und Katastrophenmeldungen kann man bewältigen, ohne in einen permanenten Schockzustand zu kommen? / Сколько сообщений о войнах, кризисах и катастрофах можно переварить, чтобы не войти в постоянное шоковое состояние?*

(22) *Speziell in düsteren Zeiten ist es elementar, sich nicht nur auf **Krisen** zu konzentrieren / Особенно в мрачные времена важно не заикливаться на кризисах.*

Результаты анализа употребления лексемы *Krise* за указанный период с точки зрения частотности, разновидностей упоминаемого кризиса, основных типов контекстов и смысловых доминант концепта КРИЗИС представлены в общем виде в таблице ниже.

Таблица. Динамика актуализации лексемы *Krise* в журналах *Deutsch Perfekt* с 2021 по 2023 г.

	2021 год	2022 год	2023 год
Количество употреблений лексемы <i>Krise</i>	83	29	15
Разновидности упоминаемого кризиса	<i>Corona-Krise, Weltfinanzkrise, Flüchtlingskrise, Ehekrise, Klopapierkrise</i>	<i>Klimakrise, Energiekrise, Ölkrise, Weltwirtschaftskrise, Papierkrise.</i>	<i>Krise, Corona-Krise, Energiekrise, Klimakrise, Wirtschaftskrise, Pflegekrise</i>

Таблица. Динамика актуализации лексемы *Krise* в журналах *Deutsch Perfekt* с 2021 по 2023 г. (окончание)

	2021 год	2022 год	2023 год
Основные типы контекстов, отражающие элементы фреймового представления кризисных ситуаций	Возможности профессионального и личного развития; открытие собственного бизнеса; преимущества самозанятости; поиск поддержки в преодолении кризиса; редко — психологическая усталость; прогнозирование будущих кризисов	Описание нескончаемых проблем общества; кризис как общая характеристика жизни; конфликты и войны; ошибки прошлого	Смена одного кризиса другим; кризис как новая реальность; трудности, с которыми придется столкнуться молодому поколению
Смысловая доминанта концепта КРИЗИС	Кризис = новые возможности	Кризис = проблемы	Кризис = новая реальность

Из представленной таблицы видно, что частотность употребления обсуждаемой лексики планомерно снижается с каждым последующим годом, хотя, как было сказано ранее, эта тенденция нарушается уже в начале 2024 г. В 2021 г. основное внимание немцев было сосредоточено на кризисе, связанном с распространением коронавируса, который описывался как переломный момент, способный подтолкнуть к положительным изменениям. Создаваемые кризисом трудности рассматривались как возможность пересмотреть свои жизненные установки и исследовать новые пути профессионального и личного роста. В 2022 г. акценты явно изменились и в центре внимания оказались кризисные явления, связанные с изменением климата и нехваткой энергетических ресурсов. Вместо положительного настроения на будущее появилось представление о кризисах, конфликтах и войнах как обычных состояниях человеческого общества, а в поиске причин нынешних проблем немецкое общество стало задумываться об ошибках прошлого. В 2023 г. частотность упоминания кризисных явлений снизилась еще больше, но восприятие кризиса как некоторой данности современной жизни укрепилось. При этом возникли ожидания, что такая ситуация сохранится и в будущем.

С точки зрения языковых средств, используемых для построения исследованного нами кризисного дискурса, интересно сравнение результатов исследования с данными, полученными на материале русского и английского языков. Так, в имеющихся работах отмечается, что для любого описания проблемной ситуации свойственны особые языковые средства и приемы, которые оказывают на участников дискурса более интенсивное воздействие по сравнению с текстами

благополучных периодов. М. А. Курочкина выделяет в качестве ведущего метода реализации кризисного дискурса в английском языке метод гиперболизации, характеризующийся использованием интенсивной лексики всех частей речи и эмфатическим употреблением языковых средств для того, чтобы подчеркнуть масштабность и негативные последствия происходящего (Курочкина 2023: 66). Сравнительные исследования Е. В. Пильгун также показали, что в английском и русском языках экономический, политический и социальный кризис обычно описывается как острое, затяжное, непрерывное, долгосрочное, деструктивное, болезненное и катастрофическое явление, то есть с использованием сем интенсивности, эмотивности и экспрессивности (Пильгун 2017: 101). Помимо этого, многие исследователи указывают на метафоричность кризисной коммуникации, отмечая существенный рост частоты употребления метафор в периоды общественно-политических и экономических кризисов и необычайную сложность их концептуальной репрезентации (Cardini 2014: 74). В связи с этим метафоры кризисного дискурса часто становятся объектом лингвистических исследований как инструменты осмысления проблемной ситуации и средства идеологического воздействия (Будаев, Чудинов 2008; Минасян 2022; Piromalli 2021).

В изученных нами немецкоязычных текстах 2021 г. каких-либо очевидных метафор, языковых средств гиперболизации или повышенной экспрессивности при описании кризисных явлений отмечено не было. Тем не менее такие средства появляются в текстах 2022 и 2023 г. Основным из них является метод перечисления однородных членов предложения с негативной семантикой, создающий ощущение масштабности и бесконечности кризиса (напр., *Krisen und Kriege...; ...Konsequenzen von Klimakrise, Kommerzialisierung, wachsender sozialer Ungerechtigkeit oder Pflegekrise...; ...Kriegs-, Krisen- und Katastrophenmeldungen...*). В текстах этого периода впервые встречаются метафоры, подчеркивающие тяжесть складывающихся обстоятельств (напр., *düstere Zeiten*). Тем не менее степень метафоричности немецких текстов в целом несравнима с той, которую показывают имеющиеся исследования русскоязычных и англоязычных текстов, где эти тенденции оказываются гораздо более выраженными. Наше объяснение данного факта состоит в том, что материал нашего исследования был ограничен журналом неполитического характера, то есть источником, в задачи которого не входит оказание идеологического воздействия на целевую аудиторию или побуждение ее к каким-либо действиям. В связи с этим есть основания полагать, что полученная нами картина является объективным отражением изменений в умонастроениях немецкого общества.

4. Заключение

Результаты проведенного анализа полностью подтверждают высказанную в начале статьи гипотезу и убедительно демонстрируют даже на ограниченном языковом материале, что признание *Krisenmodus* в качестве слова года основывается на определенных изменениях в восприятии кризисных явлений немецким обществом. Данные изменения четко прослеживаются в исследованных текстах и выражаются в смене смысловой доминанты концепта КРИЗИС, его контекстуальной репрезентации и используемых при этом языковых средств. Смысловая доминанта, представляющая кризис как возможность, последовательно сменяется восприятием кризиса как проблем и далее как новой реальности. Изначально положительная контекстуальная репрезентация кризиса сменяется отрицательной, что поддерживается определенными языковыми средствами, создающими данный эффект. Дальнейшие направления исследования видятся в расширении его временного охвата, привлечении текстов из других источников, а также в сравнении материала нескольких языков.

Список литературы / References

- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта, 2008. [Budaev, Edward V., & Chudinov, Anatoly P. (2008) *Metafora v politicheskoy kommunikatsii* (Metaphor in Political Communication). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. [Zaliznyak, Anna A., Levontina, Irina B., & Shmelev, Alexei D. (2005) *Klyuchevye idei russkoy kartiny mira* (Key Ideas of the Russian Linguistic Worldview). Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russian)].
- Курочкина М. А. Лингвистическая репрезентация кризисных явлений в англоязычном педагогическом дискурсе // Вестник экономики, управления и права. 2023. Т. 16. № 4. С. 66–76. [Kurochkina, Maria A. (2023) *Lingvisticheskaya reprezentatsiya krizisnykh yavleniy v angloyazychnom pedagogicheskom diskurse* (Linguistic Representation of Crisis Phenomena in the English-language Pedagogical Discourse). *Bulletin of Economics, Management and Law*, Vol. 16, 4, 66–76. (In Russian)].
- Кропотухина П. В. Концептуальные метафоры кризисного дискурса Великобритании. Политическая лингвистика. 2017. № 2 (62), с. 94–99. [Kropotukhina, Polina V. (2017) *Kontseptualnye metafori krizisnogo diskursa Velikobritanii* (Conceptual Metaphors of the UK Crisis Discourse). *Political Linguistics*, 2 (62), 94–99. (In Russian)].
- Левитский А. Э. Когнитивные и коммуникативные аспекты функциональной переориентации единиц современного английского языка // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе. М.: Канцлер, 2017. С. 90–97. [Levitskiy, Andrey E. (2017) *Kognitivnye i kommunikativnye aspekty funktsionalnoy pereorientatsii edinits sovremennogo angliyskogo yazyka* (Cognitive and Communicative Aspects of Functional Reorientation of the Present-Day English Language Units. In *Grammaticheskiye kategorii germanskikh yazykov v antropotsentricheskoy perspective* (Grammar Categories of Germanic Languages in Anthropocentric Perspective). Moscow: Kantsler, 90–97 (In Russian)].

- Минасян Н. С. Роль метафоры в кризисном политическом дискурсе // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1 (40). С. 154–159. [Minasyan, Narine S. (2022) Rol' metafory v krizisnom politicheskom diskurse (The Role of Metaphor in Crisis Political Discourse). *Vestnik of Russian-Armenian University (Series: Humanities and Social Sciences)*, 1 (40), 154–159. (In Russian)].
- Москвитина Т. Н., Баландина И. Д. Лингвистические средства воздействия при описании кризисных ситуаций в современном медийном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2023. №4 (55). С. 323–327. [Moskvitina, Tat'yana N., & Balandina, Irina D. (2023) Lingvisticheskiye sredstva vozdeystviya pri opisanii krizisnykh situatsiy v sovremennom mediynom diskurse (Linguistic Means of Influence in Crisis Times in Contemporary Media Discourse). *Cognitive studies of language*, 4 (55), 323–327. (In Russian)].
- Новикова В. П., Баландина И. Д., Селютин А. А. Проблемы образования через призму кризисного дискурса (на примере англоязычных СМИ) // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 1 (447). С. 114–120. [Novikova, Vera P., Balandina, Irina D., & Selyutin, Aleksandr A. (2021) Problemy obrazovaniya cherez prizmu krizisnogo diskursa (na primere angloyazychnykh SMI (Educational Problems from the Perspective of Crisis Discourse (Based on English Mass Media)). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 1 (447), 114–120. (In Russian)].
- Павлова А. В., Светозарова Н. Д. Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода. СПб.: Антология, 2015. [Pavlova, Anna V., & Svetozarova, Nataliya D. (2015) *Trudnosti i vozmozhnosti russko-nemetskogo i nemetsko-russkogo perevoda* (Difficulties and possibilities of Russian-German and German-Russian translation). Saint Petersburg: Antologiya. (In Russian)].
- Пильгун Е. В. Особенности отражения кризисных ситуаций в британской и российской качественной прессе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2017. Вып. 38, с. 96–107. [Pilgun, Elena V. (2017) Oso-bennosti otrazheniya krizisnykh situatsiy v britanskoj i rossiyskoj kachestvennoj presse (Depicting Crisis Situations in British and Russian Quality Press). *LUNN Bulletin*, 38, 96–107. (In Russian)].
- Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: ИД ЯСК, 2018. [Skrebtsova, Tat'yana G. (2018) *Kognitivnaya lingvistika: klassicheskiye teorii, novye podhody* (Cognitive Linguistics: Classic Theories, New Approaches). Moscow: ID YASK. (In Russian)].
- Терехова Е. В. Композиты и особенности их функционирования в современном английском политическом дискурсе // Динамические процессы в германских языках. М.–Калуга: Эйдос, 2012. С. 179–186. [Terekhova, Yevgeniya V. (2012) Kompozity i osobennosti ikh funktsionirovaniya v sovremennom angliyskom politicheskom diskurse (Specific Use of Composites in English Political Discourse). In *Dinamicheskiye protsessy v germanskih yazykah* (Dynamic Processes in Germanic Languages). Moscow–Kaluga: Eidos. (In Russian)].
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. [Ter-Minasova, Svetlana G. (2000) *Yazyk i mezhkulturnaya kommunikatsiya* (Language and Cross-Cultural Communication). Moscow: Slovo (In Russian)].
- Cardini, Filippo-Enrico. (2014) Analysing English Metaphors of the Economic Crisis. *Lingue Linguaggi*, 11, 59–76. DOI: 10.1285/i22390359v11p59
- De Landtsheer, Christ'l. (1991) Function and the Language of Politics: A Linguistic Uses and Grati-fications Approach. *Communication and Cognition*, 21 (3/4), 299–344.

- Fuchs, Doris, & Graf Antonia. (2010) *The Financial Crisis in Discourse: Analyzing the Framing of Banks, Financial Markets and Political Responses*. Münster: Universität Münster, FB Erziehungswissenschaft und Sozialwissenschaften, Institut für Politikwissenschaft.
- Givon, Talmy. (2005) *Context as Other Minds: The Pragmatics of Sociality, Cognition and Communication*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2005.
- Jackendoff, Ray S. (1985) *Semantics and Cognition*. Cambridge, Mass.: The MIT Press.
- Lakoff, George. (2003) *Metaphors We Live by*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Lerer, Seth. (2007) *Inventing English: a Portable History of the Language*. New York: Columbia University Press.
- Piomalli, Eleonora. (2021) Alienation, Ideology, and Power in the Metaphors Depicting the Economic Crisis in the Media. *International Journal of Communication*, 15 (1), 1060–1080.
- van Dijk, Teun A. (2009) *Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk*. Cambridge University Press.
- Visson, Lynn. (2015) *Where Russians go Wrong in Spoken English: Words and Phrases in the Context of Two Cultures*. Moscow: R. Valent.
- Wierbicka, Anna. (1989) Soul and Mind: Linguistic Evidence for Ethnopsychology and Cultural history. *American Anthropologist*, 91 (1), 41–58.
- Wierzbicka, Anna. (1998) “Angst”. *Culture and Psychology*, Vol. 4, 2, 161–188.

Источники языкового материала / Language material resources

- Deutsch Perfekt. (2024, January 29) Retrieved from: <https://www.deutsch-perfekt.com>. (In German).
- Die Zeit. (2024, January 29) Retrieved from: <https://www.zeit.de/gesellschaft/2023-12/krisenmodus-wort-des-jahres-2023>. (In German).

УДК 81 25

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-121-147

СЕМЕЙНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНВЕРСАЦИОННОГО АНАЛИЗА (на материале англоязычных кинофильмов)

В. А. Тырыгина

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В фокусе внимания предлагаемой статьи находится разговор как вид социального взаимодействия, рассматриваемый через призму разговорного анализа, цель которого — выявить правила и приемы, отвечающие за производство конкретных ситуаций социального взаимодействия, в процессе которого интерактанты конструируют свое речевое поведение и интерпретируют поведение другого. Объектом данного исследования является реальная, спонтанная, непринужденная диалогическая речь в ситуациях семейного общения, предметом — диалоги в семье с позиций разговорного анализа (КА), где в центре внимания находится социально-конститутивная деятельность. Цель состоит в рассмотрении манифестации взаимодействия участников повседневных разговоров в семье с помощью метода КА: смена очереди, сигналы перехода очереди, последовательность ходов в смежных парах, маркированные и немаркированные реакции, детали, сопровождающие взаимодействие. Материалом исследования послужили диалоги из американских фильмов *Home Alone* (1990) и *Marley & Me* (2008). Хотя фильмы игровые, речь киногероев в них максимально приближена к естественной спонтанной речи и со значительной степенью достоверности воспроизводит условия естественного социального взаимодействия. В качестве основного метода исследования применялся метод КА, который позволяет описать разговор-во-взаимодействии на макро- и микроуровне с учетом очередности, коммуникативных ходов, процесса формирования intersubjectивного смысла в смежных парах и фиксации (транскрибирования) деталей невербальных компонентов, сопровождающих речевое взаимодействие (смех, просодия, паузы). На макроуровне семейно-бытовые разговоры рассматриваются в терминах базовых единиц взаимодействия, ходов, их очередности, смежных пар, на микроуровне — через фиксацию деталей, сопровождающих взаимодействие участников семейной коммуникации. В заключение намечаются перспективы дальнейшего изучения рассматриваемой проблематики.

Ключевые слова: разговор; интеракция; разговорный анализ; смежные пары; немаркированные реакции; смена очереди; intersubjectивность; индексальность.

Цитирование: Тырыгина В. А. Семейная коммуникация через призму разговорного анализа (на материале англоязычных кинофильмов) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 2 (66). С. 121–147. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-121-147.

**Family Communication through the Lens of Conversation Analysis
(based on English-language films)**

Valentina A. Tyryguina

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The focus of the article is on conversation as a type of social interaction, considered through the prism of conversation analysis. The purpose of conversation analysis is to identify the rules and techniques responsible for the production of specific situations of social interaction, in the process of which interactants construct their speech behavior and interpret the behavior of the other. The object of this research is real, spontaneous, unconstrained dialogic speech in situations of family communication; the subject is dialogues in the family from the standpoint of conversation analysis, where the focus is on social and constitutive activity. The purpose is to consider the manifestation of the interaction of participants in everyday conversations in the family using the CA method: turn-taking, signals of turn-taking, sequence of turns in adjacent pairs, marked and unmarked reactions, details accompanying interaction. In terms of research material, the study is based on dialogues from American films, “*Home Alone*” (1990) and “*Marley & Me*” (2008). Although the films are fictional, the speech of the movie characters in them is as close as possible to natural spontaneous speech and reproduces the conditions of natural social interaction with a significant degree of authenticity. As the main research method, the method of conversation analysis (CA) was used, which makes it possible to describe conversation-in-interaction at the macro- and micro levels, taking into account the sequence, communicative moves, the process of formation of intersubjective meaning in adjacent pairs, and transcription of non-verbal components accompanying speech interaction (laughter, prosody, pauses). At the macro level, everyday conversations in the family are considered in terms of the basic units of interaction, turns, their sequence, adjacent pairs, and at the micro level through the transcription of details that accompany the interaction of participants in family communication. The author concludes by outlining prospects for further study of the problem under consideration.

Key words: conversation; interaction; conversation analysis; adjacent pairs; unmarked reactions; turn-taking; intersubjectivity; indexation.

Citation: Tyryguina, Valentina A. (2024) Family Communication Through the Lens of Conversation Analysis (based on English-language Films). *LUNN Bulletin*, 2 (66), 121–147. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-121-147.

1. Введение

Разговор как атрибут существования человека в мире является предметом междисциплинарных исследований в лингвистике, психологии, социологии, философии и т. д. Само слово «разговор» — ‘словесный обмен сведениями, мнениями, беседа’ — многозначно, объемно, выступает как доминантная единица, в большом синонимическом ряду: диалог, беседа, общение, устная речь, устный дискурс и т. д. С позиций речевого жанра разговор может интерпретироваться как флирт, ссора, светская беседа и т. д. (Дементьев 2015) С точки зрения общей теории языка разговор, т. е. устная речь, — это первичная форма существования

языка (Якубинский 1986). В свете коллоквиалистики устанавливается, что ситуативная зависимость, спонтанность и неподготовленность разговорной речи определяют ее имплицативные и эксплицативные качества (Скребнев 1985).

С позиций социологии разговор — это акт социального взаимодействия (интеракции). В фокусе внимания не разговор сам по себе, а разговор как вид социального взаимодействия, непосредственного или опосредованного, социальных субъектов (акторов). Социальное взаимодействие предполагает обмен словами, жестами, материальными предметами, деньгами, знаками и т. д. (Парсонс 1998; Врублевская 2006) В зависимости от характера контакта в социологии принято говорить о разных типах социальной интеракции: физической, словесной (вербальной), невербальной (мимика, жесты), мысленной (выражается только во внутренней речи).

Для изучения разговора как акта социального взаимодействия был разработан конверсационный анализ (*conversation analysis*, КА). В формировании основных постулатов КА немаловажную роль сыграла этнометодология Г. Гарфинкеля, поставившего в своем исследовании вопрос о том, каким образом людям удаётся всегда быть в контексте происходящего, сохранять и поддерживать созданный некогда социальный порядок, посредством каких методов и механизмов повседневная жизнь становится объяснимой, а значит, нормальной, правильной, упорядоченной и моральной (Garfinkel 1967: 35–75). Эти же вопросы интересовали и основоположника КА, Г. Сакса. Материалом для его исследования послужили записи телефонных разговоров (расшифровки звонков в Центр предотвращения самоубийств). Объёмная «коллекция данных» позволила ему выявить и описать структурную организацию разговоров и дать определение фундаментальным понятиям КА. В основу метода КА легли «Лекции о разговоре» в двух томах, опубликованные в 1992 г. (Sacks 1992)

Основными принципами этнометодологии, которые повлияли на теоретико-методологическое становление КА, являются перформативная природа социальной реальности, индексальность, рефлексивность, описуемость. Указанные этнометодологические принципы Г. Гарфинкель интерпретирует следующим образом. *Перформативная природа социальной реальности*: социальная реальность является «исполняемой реальностью», т. е. она не дана нам объективно, а постоянно локально воспроизводится людьми. *Индексальность*: слова обретают свой полный смысл лишь своей актуализации, становясь «индексированными» в ситуации в контексте лингвистического обмена. *Рефлексивность*: «действия, посредством которых члены общества воспроизводят и регулируют ситуации организованных повседневных действий, тождественны процедурам, которые они используют для того, чтобы сделать эти ситуации подотчетными (*accountable*) описуемыми» (здесь и далее перевод мой. — В. Т.)

(Garfinkel 1967: 1). *Объясняемость* или *описуемость* (*accountability*): данное понятие подразумевает способы, используемые людьми для того, чтобы сделать свою повседневную деятельность рациональной по видимости и поддающейся описанию для любых практических целей.

Объясняемость, или процесс непрерывного воссоздания «здорового смысла», придает организованность повседневным действиям, поэтому социальные действия всегда *упорядочены, анализируемы, наблюдаемы и ориентированы* на действия других участников коммуникации (Lynch 1993: 14–15).

Значительный вклад в разработку понятийного аппарата КА внес И. Гоффман. Из социологической теории Гоффмана заимствуется понятие «обмен / взаимообмен (*exchange / interchange*) для речевого “раунда” с двумя активными участниками, каждый из которых совершает ход, т. е. производит выбор какого-либо действия из множества альтернативных действий, влекущий за собой благоприятные или неблагоприятные для участников ситуации взаимодействия последствия» (Goffman 1982). И. Гоффман подвергает исследованию небольшие межличностные ритуалы, локализованные в повседневных социальных взаимодействиях: приветствия и прощания, ритуальную организацию разговора, принесение извинений, предоставление небольших услуг незнакомцам и т. д. Анализируя такие ритуалы повседневных взаимодействий, как «поддержание лица», тактичность, вежливые манеры поведения, он доказал, что эти ритуалы совершаются по определенным правилам, имеют структуру, а также представляют собой средство восстановления публичного порядка в случаях, когда он (порядок) преднамеренно или произвольно нарушается (Goffman 1967).

Последователем Г. Сакса является Дж. Херитэдж, который в результате активного изучения роли междометий в разговоре пришел к выводу, что междометия выполняют функцию, идентифицирующую изменения настроения в диалоге (Heritage 1995, 1997).

КА – это эмпирический метод, цель которого — выявление правил и приемов, отвечающих за производство конкретных ситуаций социального взаимодействия. КА ориентирован на разговор-во-взаимодействии (*talk-in-interaction*) (Schegloff 2002), в процессе которого его участник (интерактант) конструирует свое речевое поведение и интерпретирует поведение другого. Первоначально конверсаналитики занимались изучением только устных спонтанных интерактивных текстов. Все остальные формы общения отвергались. Интервью, например, не признавалось за истинный разговор, поскольку в процессе интервьюирования заданная формулировка подменяет собой естественное словесное поведение.

Материалом для КА служат институциональные разговоры в различных ситуациях: в зале суда, школьном классе, кабинете доктора, на бизнес-совещаниях, в новостных интервью, телевизионных новостях, политических речах (Psathas 1995; Бастун, Островская 2020), в полицейском участке, в государственной больнице (Drew, Heritage 1992). КА находит применение в изучении бытовых разговоров (Королева 2015).

Близкой проблематикой (анализом диалогов неофициальной сферы общения) занимается и дискурс-анализ (ДА). Несмотря на существенное сходство между КА и ДА, некоторые ученые усматривают между ними различия: ДА в большей степени имеет психологическую, а КА — социальную основу; КА менее формален и более интерпретативен, чем ДА; КА сосредоточен на взаимодействии, в то время как ДА направлен на исследование более широкого набора языковых практик с точки зрения закономерностей формирования дискурса и его функционирования (Wooffitt 2005: 99–100).

Не все исследователи с этим соглашаются. М. Л. Макаров, в частности, пишет о том, что логично было бы вести речь об интеграции КА в междисциплинарный ДА, в пользу чего говорит само соотношение категорий «дискурс» и «разговор»: разговор является частным случаем дискурса, а не наоборот (Макаров 2003: 99).

Специфика метода КА состоит в том, что он предполагает полный отказ от априорных теоретических знаний, сугубый эмпиризм, самостоятельное выявление определенных структурных моделей, так называемых конструкционных схем. Метод КА характеризует феноменологический подход к разговору, иначе говоря, разговор исследуется как феномен. В философии выделяется категория «сущности» и категория «явления (феномена)»: если сущность — это внутреннее содержание предмета, главное, что его определяет, то явление / феномен — внешнее проявление характеристик предмета. Именно эту двойственную природу предмета (научного объекта) имел в виду И. П. Сусов, когда говорил, что КА «отвечает прежде всего на вопрос КАК? и обходит стороной вопросы ПОЧЕМУ? и ЗАЧЕМ?» (Сусов 2006: 162).

Объектом исследования, представленного в статье, является реальная, спонтанная, непринужденная диалогичная речь в ситуациях семейного общения, предметом — диалоги в семье через призму КА (с позиций КА), где в центре внимания находится социально-конститутивная деятельность. Цель состоит в рассмотрении манифестации взаимодействия участников повседневных разговоров в семье с помощью метода КА: смена очереди, сигналы перехода очереди, последовательность ходов в смежных парах, маркированные и немаркированные реакции, детали, сопровождающие взаимодействие.

2. Характеристика материала и методов исследования

Материалом исследования послужили диалоги из американских фильмов *Home Alone* (1990) и *Marley & Me* (2008). Хотя фильмы игровые, речь киногероев в них максимально приближена к естественной спонтанной речи и со значительной степенью достоверности воспроизводит условия естественного социального взаимодействия. Сказанное позволяет условно использовать данный эмпирический материал (с оговоркой) как аналог документально зафиксированных аудио- или видеофрагментов естественной коммуникации. В работе используются записи естественных разговоров, повседневного бытового характера с фиксацией деталей невербального внеязыкового характера.

В качестве основного метода исследования применялся метод конверсационного анализа, который позволяет описать разговор-во-взаимодействии на макро- и микроуровне с учетом очередности, коммуникативных ходов, процесса формирования intersубъективного смысла в смежных парах, значимости и фиксации (транскрибирования) деталей невербальных компонентов, сопровождающих речевое взаимодействие (смех, просодия, паузы).

Базовой структурной единицей в КА является ход или реплика (*turn*) — социальная единица, связанная с порядком взаимодействия интерактантов. Изучение разговора в КА базируется на трех ключевых понятиях: деятельность (1), структура (2), которую конверсаналитики стремятся выявить в диалоге, как «организующий» элемент, и посредством этого трактовать его intersубъективный смысл позиций интерактантов (3). Уникальность КА как научного метода и состоит в том, как эти три компонента (деятельность, структура, intersубъективность) взаимосвязаны в разговоре.

1. *Деятельность* или *порядок действий* часто является предметом изучения КА. К действиям, например, относятся *речевые обороты начала и завершения беседы, выражение мнения, рассказывание историй, жалобы* и т. д. Исследуются базовые аспекты организации разговора, которые делают любую *деятельность* в процессе общения реальной. К таким аспектам относится мена коммуникативных ролей (*turn taking*), поправки или уточнения (*repairs* — починки, т. е. способы устранения непонимания в диалоге), паралингвистические элементы коммуникации, посредством которых участники влияют на ход общения.

2. Так как социальное взаимодействие чётко *структурировано* и организовано в КА, принято считать, что участники диалога должны придерживаться определенных правил его ведения, а иначе коммуникация становится невозможной. Так, для осуществления ситуации перехода выделяются речевые инструменты, помогающие участникам коммуникации определять релевантность своих и чужих реплик: *единица, конструирующая переход* (*turn constructional unit, TCU*), и *место, релевантное для перехода* (*transition relevance place, TRP*) (Selting

2000). В качестве единицы, конструирующей переход, могут выступать отдельные слова, предложения, а также фонетические, интонационные способы мотивирования собеседника к вступлению в разговор. Место, релевантное для перехода, определяется контекстом, или набором последовательных реплик, которые позволяют говорить об осмысленности наблюдаемой очередности высказываний. Участник разговора может проигнорировать это место, вступить в другом месте или промолчать. Другой говорящий может продолжить говорить (что тоже не обязательно). Подробное описание этих простых правил мены реплик играет важную роль в анализе социального взаимодействия, т. к. фактически все разговорные формы общения основываются на этих правилах. Множество общественных институтов имеют свою собственную систему правил общения (Drew, Heritage 1992).

3. В КА разговор и взаимодействие рассматриваются как «площадка», где формируется *интерсубъективный смысл позиций* коммуникантов, их интенций, знаний, установок по отношению к предмету общения (Heritage, Atkinson 1984). Критерием понимания интерсубъективной реальности партнёра по коммуникации является ответная реакция на него. Любой ход в разговоре осуществляется в контексте уже сказанного, т. е. в контексте предыдущих ходов, поэтому каждый ход — это субъективное понимание участника разговора. Например, ход, в котором содержится ответ говорящего, свидетельствует о том, что он распознал предыдущий ход как вопрос. На понимание говорящим предыдущего хода могут указывать фонетические или паралингвистические средства и их применение зачастую влияет на развитие разговора (Goodwin 1981).

Методику КА отличает ряд следующих особенностей: 1) запрет на формулировку каких-либо гипотез; 2) запрет на изучение психологических характеристик говорящих (мотивов, ментальных установок, эмоций); 3) отсутствие теоретических обобщений.

Главными принципами методики является:

- 1) эмпирическое исследование разговоров, воспроизводимых в условиях естественной коммуникации;
- 2) ориентация на анализ речевых действий, воспроизводимых в беседе;
- 3) анализ беседы в контексте, т. к. она воспроизводится в контексте;
- 4) фиксация данных разговоров электронными средствами;
- 5) их транскрибирование с учетом особенностей структур процесса коммуникации, действий и реакций интерактантов. Система транскрипции фиксирует интонационные особенности диалогов и другие «непроговариваемые» элементы коммуникации (Сакс, Щеглофф, Джефферсон 2015).

3. Результаты исследования и их обсуждение

Общение, разговоры — это неотъемлемая часть повседневной, обыденной практической жизни, через них создается, поддерживается и упорядочивается социальная реальность. Изучение эмпирического материала, в качестве которого выступили записи разговоров из фильмов *Home Alone* и *Marley & Me*, с помощью КА привело к получению следующих результатов.

3.1. Деятельность или порядок действий

Деятельность или *порядок действий* интерактантов составляет предмет КА. Согласно основному постулату КА, речь говорящих строго упорядочена и эта упорядоченность имеет социальный смысл. Бытовой диалог представляется как естественная последовательность структурированных действий, образующих целенаправленную интеракцию.

3.1.1. Базовая структурная единица

Базовой структурной единицей диалога является *ход* или *реплика* (*turn*) — социальная единица, связанная с порядком взаимодействия интерактантов. В представленном ниже диалоге ходы пронумерованы как 1, 2, 3.

1. John: *Where are you ↓ going?*

2. Sebastian: *I'm going to ↓ Columbia. I got a guy down there that says he can put me next to Pablo Escobar. I'm doing a piece. I follow a single coca leaf from the jungle to the streets of ↓ Miami.*

3. John: *Sounds like a good idea. You gotta be careful down there.*

Минимальной единицей, конструирующей ход, является репликоформирующая единица (*turn constructional unit, TCU*), она представляет собой «часть разговора, выделенную одному собеседнику до того, как его сменит следующий говорящий» (*represent the part of the conversation allocated to one person before the next speaker changes*) (Liddicoat 2007). В соответствии с их ролью в высказывании выделяются четыре типа таких единиц: 1) лексическая репликоформирующая единица; 2) фразовая реплико-формирующая единица; 3) репликоформирующая единица придаточного типа (в диалоге отсутствует); 4) сентенциальная репликоформирующая единица. В приведенном фрагменте представлены единицы последнего типа (1). Ход может включать более одной сентенциальной реплико-формирующей единицы (2, 3). Опираясь на представленный диалог, можно выделить три критерия, по которым идентифицируется репликоформирующая единица:

1. *Интонационная завершенность*: достигается при помощи падающего тона в конце высказывания. В репликах (1, 2) символ ↓ означает падающий тон в соответствии с системой транскрибирования, предложенной Гэйл Джефферсон (Сакс, Щеглофф, Джефферсон 2015).

2. *Грамматическая завершенность*: синтаксическое устройство высказывания свидетельствует о его завершении.

3. *Прагматическая завершенность*: означает, что высказывание воспроизводится с определенной целью в соответствии с ситуацией общения (согласиться / оспорить / подтвердить / уточнить).

При наличии этих трех критериев языковые единицы превращаются в репликовый шаг. Диалог строится из множества таких репликовых шагов, и, чтобы разговор не превращался в хаотичное, бессмысленное количество «ходов», участники общения выстраивают определенную очередность взятия слова.

После совершения хода актер останавливается и ожидает реакции партнера, и в этом проявляются этнометодологические принципы перформативности (социальная реальность не дана объективно, она постоянно воспроизводится людьми), рефлексивности (произнесенные слова являются конститuentами реального мира) и описуемости (актеры непрерывно воссоздают «здравый смысл», придают организованность повседневным действиям, ориентируют действия других участников коммуникации), индексальности (слова актуализируются, становятся «индексированными» в ситуации, в контексте лингвистического обмена). Подлинная реальность, таким образом, заключена в том, что люди разными способами — как осознанно, так и в значительной мере неосознанно — создают, поддерживают и изменяют «смысл» внешней социальной реальности.

3.2. Структурирование социального взаимодействия

В качестве инструмента перехода очереди в КА выделяется релевантное место перехода (*transition relevance place, TRP*) (Selting 2000), т. е. место, где говорящие могут или должны прекращать говорить, позволяя сказать что-то другим, исключить элементы наложения (Сакс, Щеглофф, Джефферсон 2015).

3.2.1. Очередность взаимодействия говорящих

Обычно выделяются три ситуации, в которых меняется очередность взаимодействия, происходит мена ролей, и это подтверждается проанализированным материалом: 1) если первый ход конструируется так, что в нем используется техника «текущий говорящий выбирает следующего», тогда выбранный участник обязан использовать свой черед; в этом месте происходит передача права говорить; 2) если ход конструируется так, что не предполагает использования техники «текущий говорящий выбирает следующего», тогда следующий может, но не обязан осуществлять самовыбор: право на ход остается за первым стартовавшим; 3) если ход конструируется так, что не предполагает техники «текущий говорящий выбирает следующего», тогда текущий говорящий может, но не обязан продолжать говорить до тех пор, пока другой участник не совершит самовыбор.

Посредством очередности речевых актов интерактанты (актеры) поддерживают контекст межличностного (интерсубъективного) понимания последовательно возникающих в разговоре ситуаций. Установленная в ходе общения очередность облегчает процесс коммуникации, т. к. исчезает необходимость

утверждать и подтверждать понимание действий друг друга. Проанализированные кинофрагменты указывают на самовыбор, т. е. взаимодействие в ситуациях семейной коммуникации отличается тем, что в них следующий говорящий сам берет слово, т. е. осуществляет самовыбор. С точки зрения очередности ходов, типичный диалог Джона и Дженни, главных героев фильма *Marley & Me*, выглядит так:

(Джон дарит Дженни подвеску.)

1. Jenny: *Oh, John! It's just beautiful! It's just beautiful... Honey, thank you!*
2. John: *You are welcome. I was just walking by just thinking of you and I saw that in the window and I go, "I'm getting this..."*
3. Jenny: *That's so sweet. (Hehehe)*
4. John: *Yeah, well. Do you like it?*
5. Jenny: *I love it.*
6. John: *Put it on. Or let me put it on. I think it's better luck.*

За репликой первого интерактанта следует реплика второго. Данная очередность не прерывается и прослеживается вплоть до завершения диалога. Негласно установленная и поддерживаемая собеседниками очередность свидетельствует об их взаимопонимании и желании слышать, что говорит партнер.

3.2.2. Конкуренция за слово, смена и удержание очереди. Наложения и перебивания

Основополагающее правило разговора, сформулированное Н. Саксом, состоит в том, что «говорит один и не более в конкретный момент времени» (Coulthard 1985; Сакс, Щеглофф, Джефферсон 2015). Однако эмпирические данные могут противоречить правилам. Зачастую, когда Дженни и Джон ссорятся, очередность реплик прекращает быть четко установленной, появляются «наложения» и «перебивания»:

(Марли порвал документы Дженни.)

1. Jenny: *See, we were supposed to return these, and now we have to pay for them.*
2. John: *That's okay. Come on, just...*
3. Jenny: *No, it's not okay. It's not okay. How many times that I told you not to leave anything edible where he can get it.*
4. John: *I know, but you wouldn't exactly say this is edible.*
5. Jenny: *John, you know what I mean. Come on. You also said you'd get up early and walk him. You know he chews things when he gets restless.*
6. John: *I am gonna walk him. I just [woke up].*
7. Jenny: *[Oh, know what?] Forget it! I'm gonna do it [myself].*
8. John: *[No,] no, you don't have to.*
9. Jenny: *Yes, I'm doing it myself.*

Здесь собеседники одновременно и сотрудничают, и конкурируют за очередь говорить. В репликах (6, 7, 8) они перебивают друг друга, происходит наложение ходов. Символом [] — квадратные скобки в системе транскрибирования — Г. Джефферсон обозначает наложение реплики одного коммуниканта на реплику другого коммуниканта.

3.2.3. Способы передачи слова. Сигналы о смене очереди

Релевантные места перехода (*transition relevance place, TRP*) сопровождаются сигналами о смене очереди. В проанализированном материале выявлены следующие показатели, сигнализирующие о «передаче слова» собеседнику:

1. Просодические сигналы — интонационное оформление, свидетельствующее о завершении единицы, предвосхищающей переход (вопросительная интонация, падающий тон, протяжная интонация, растягивание на конечном слого).

Sebastian: *So, who gets the dog if you, guys, split u:p?*

John: *We're not splitting up.*

Символ : означает растягивание буквы; количество символов приблизительно показывает длину растягивания.

2. Грамматические сигналы (маркеры) — обращение к партнеру, использование имени следующего говорящего, т. е. техника «текущий говорящий выбирает следующего».

Kevin: ***Buzz?***

Buzz: *Don't you know how to knock, phlegm-wad?*

Kevin: *Can I sleep in your room? I don't want to sleep in a hay with Fuller. If he has something to drink, he'll wet the bed.*

Buzz: *I wouldn't let you sleep in my room if you were growing on my back.*

Buzz — имя следующего говорящего.

3. Паралингвистические, кинестетические сигналы — мимика и жесты, демонстрирующие желание передать слово (вопросительный взгляд, кивок головой и т. д.).

Jenny: *Honey, I'm pregnant.*

John: *Really?*

Jenny ((nodding))

John: *Are you sure?*

Jenny: *Come here... Pretty sure.*

Кинестетический сигнал — кивок головой.

Используя данные показатели в своих репликах, интерактанты изъявляют желание передать ход, увидеть реакцию собеседника на их сообщение.

3.2.4. Языковые маркеры начала, поддержания и завершения диалога

Средства начала, поддержания и завершения диалога могут рассматриваться на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях.

На *фонетическом уровне* выделяются следующие интонационные особенности для начала диалога:

- повышение интонации при обращении

(Джон и Дженни в аэропорту.)

1. John: ↑*Honey*, be ↓*careful*. *We gotta double-time. It's just a little bit* ↓*here*, ↑*honey*.

2. Jenny: *I really wish* < *I didn't have to go* >.

- вопросительная интонация

(Дженни встречает Джона после собеседования в редакции газеты.)

1. Jenny: ↑*So??*

2. John: (↓) *They already got a guy on the Metro* ↓*desk*.

3. Jenny: *Oh: I'm* ↓*sorry*, ↑*honey*.

В зависимости от эмоционального состояния собеседника интонация может меняться. Так, говорящий кричит (повышает голос), когда начинается диалог, потому что ему не нравятся определенные обстоятельства:

1. Garry: *HEY. HEY!!* (2,5) *You gotta watch out for* ↓*traffic*, *son, you* ↑*know?*

2. Kevin: (1) *Sorry...*

О завершении диалога чаще всего свидетельствует падающий тон:

(Джон и Дженни обсуждают покупку щенка.)

1. Jenny: (0.5) *I'll be in Gai::nsville, =covering that* trial.

2. John: *Oh, that's* ↓*ok*. *It'll give me a chance to* bond *with him and* < *get a head start on* > ↓*training him*.

На *лексическом уровне* выявляются следующие средства начала диалога:

- слова приветствия: *Hiya, Hi, Hello*;

– имена собственные (как обращения) или их заменители: *Jenny, John, Kevin, Mom, Marv, hey, amigo*;

- уменьшительные (ласковые) имена: *buddy, honey, Jenny, mummy*;

- глаголы побуждения: *Come on*.

Средствами завершения диалога, как правило, являются:

- слова прощания: *bye, see you, chao*;

- утвердительные слова: *ok, good, well, sure*.

- частицы *yes, no*.

На *синтаксическом уровне* выявлены наиболее частотные средства, используемые говорящим для зачина диалога:

– вопросительные предложения: *What's happened?, Hey, are you ok?, Are you ready?*

– эллиптические предложения с нулевым сказуемым с невыраженным вспомогательным глаголом: *What kind of dog?, Want some tea?*

- предложения с нулевым подлежащим и сказуемым: *So?, My plan?*

– бессоюзные сложноподчиненные предложения с придаточным дополнительным, в котором главное предложение выражено словосочетаниями умственной деятельности *know, mean, believe: I know It's gonna sound crazy, but what that thing called, when you owe money on a house?*

– предложения в повелительном наклонении: *Stay here!, Call the police!, John, get this dog out of here.*

Анализ языковых средств начала диалога позволяет предположить, что они имеют тенденцию к краткости (*short turns*), материализации набором клишированных структур, стимулированию ответного интереса собеседника и его вовлечения в диалог.

Синтаксическими средствами завершения диалога являются:

– эллиптические конструкции: *Good bye!, Oh, please, No, I know, Thank you, Absolutely, deal;*

– императивные конструкции: *Just go, Let me talk it over;*

– односоставные безглагольные предложения:

(Джон вышел после интервью с работодателем к ожидающей его Дженни.)

1. John: *So what's next? Lunch?*

2. Jenny: *House.*

3. John: *House.*

Для поддержания диалога в вопросно-ответных репликах у партнеров прослеживается корреляция между вопросительным словом и второй репликой:

1. Jenny: *Do you wanna start over?*

2. John: *I would love to, that would be great. Can we?*

3. Jenny: *'By all means.*

Связь между высказываниями партнеров может также проявляться в повторении слов реплики-стимула в ответной реплике. Повторяющиеся слова могут сопровождаться уточняющими словами или вопросительными местоимениями:

1. John: *Are you **sure**?*

2. Jenny: *I'm very **sure**.*

Помимо этого, возможен повтор части предыдущего высказывания, выражающий оценку сказанного (удивление / негодование говорящего и другие эмоции):

1. John: *They offered me a job. I mean, I have, you know, an interview.*

2. Jenny: *As, like, a columnist or?*

3. John: *As a reporter.*

4. Jenny: *As **a reporter**? Well, what did you say?*

5. John: *I [said]: "Thank you very much."*

Одним из приемов побуждения продолжать разговор являются так называемые побудительные вопросы: *Don't you think?, ...Isn't that true that...?, Do you agree?* (обычно они употребляются с повышением тона и паузой).

3.3. Формирование интерсубъективного смысла позиций интерактантов в смежных парах

Единичные ходы являются частями более крупной структурно организованной сущности. Эту сущность принято называть последовательностью (*sequence*) в КА (Schegloff 2006). Самой распространенной и самой главной такой последовательностью является смежная пара (*adjacency pair*) (Schegloff, Sacks 1973), состоящая из двух ходов, первый из которых (*first pair part*), воспроизводимый одним интерактантом, побуждает другой ход (*second pair part*), воспроизводимый другим интерактантом. «После произнесения начальной части смежной пары говорящий должен остановиться, после чего следующий говорящий должен начать произносить вторую часть пары того же типа, членом которой является первая пара» (Psathas 1995).

3.3.1. Принуждение к ответным реакциям в смежных парах

В смежной паре наличие одной реплики предполагает наличие другой. Каждый участник вносит вклад в интеракцию, причем вклад контекстуально ориентирован. Процесс индексирования высказываний к контексту неизбежен (Heritage 2008).

Смежная пара «приветствие ↔ ответное приветствие»:

(Дженни вернулась из командировки. Джон приехал в аэропорт за Дженни)

Jenny: *Oh, my God! Hi! [How are you?]*

John: *[How are you?] A little bit tired, but I'm trying to stay dry.*

Jenny: *Really? How is he? (about Marley)*

John: *He's waiting for you.*

Смежная пара «прощание ↔ прощание»:

John: *Goodbye. I love you. You look pretty.*

Jenny: *Okay, bye.*

John: *Bye, bye.*

Разговор в КА трактуется конверсаналитиками как форма принуждения друг друга к определенным вербальным действиям, т. к., говоря нечто, говорящие стремятся не только высказать нечто, но и получить взамен реакции собеседника (Schegloff 1984). Рассказывая о себе в интервью с редактором газеты, в которой Джон хотел бы работать, он останавливается (1), делает паузу, принуждая другого участника взаимодействия к реакции:

1. John: *Exactly sir. But I surprised myself and I won it. And if you give me the chance, I'm pretty sure I surprise you too.* (пауза)

2. Arnie: *That is quite a speech, son. You rehearse that, or come up with it on the fly?*

Реплика (2) содержит скептическую реакцию второго интерактанта, он вынужден осуществить ответное вербальное действие, ему ничего не остается, как вступить во взаимодействие с первым коммуникантом.

3.3.2. Коррекция. Поправки и починки в смежных парах

В случае, когда первый говорящий по реакции или высказыванию партнера понимает, что его не поняли, он может «подкорректировать» ситуацию в своем следующем сообщении, повторить непонятый элемент. Поправка или починка (*repair*) в разговоре, одно из ключевых понятий в КА, обозначает действие одного из интерактантов, направленное на устранение непонимания между участниками посредством слов-извинений, просьбы повторить, дополнительных вопросов. Например, дочь (11 лет) собирается лечь спать. Мама заметила, что на кровати рядом с дочерью лежит собака.

1. Mother: *What are you doing?*
2. Daughter: *Me?*
3. Mother: *Yeh, you gonna going to bed like that?*
4. Daughter: *Nothing.*

Реплика (3), содержащая дополнительный вопрос, является примером починки. Также поправки используются, когда оба партнера начинают говорить одновременно и, чтобы предотвратить ситуацию непонимания и расслышать сообщение, один из участников диалога прекращает говорить, давая возможность завершить высказывание другому.

3.3.3. Маркированные и немаркированные реакции в смежных парах

Ответная реакция в КА — критерий понимания интересубъективной реальности партнера по коммуникации. В смежных парах реакции (т. е. вторые части) могут быть, согласно правилам КА (Pomerantz 1984), предпочтительными (немаркированными) и неpreferchительными (маркированными). Preferchительной реакцией на приглашение является реакция принятия приглашения.

(Дженни приглашает Джона вместе выбрать цвет штор для комнаты мальчиков (1).)

1. Jenny: *Honey, you know what else? We really have to pick out color of fabric for the curtains the boys' room.*
2. John: *Okay, well.*

В ответе Джона содержится предпочтительная немаркированная реакция (2), лингвистически выраженная двумя короткими словами, изъявляющими согласие.

Неpreferchительные (маркированные) реакции, как, например, отказ выполнить просьбу (смежная пара «просьба ↔ согласие или отказ выполнить просьбу»), характеризуются тем, что отказу обычно предшествует пауза-заминка

и мотивировка отказа, т. е. маркированная реакция требует дополнительного пояснения. Маркированные ходы обычно имеют более сложную внутреннюю структуру, встречаются реже.

Jenny: *Can you walk with Marley?*

John: *Baby, I'm so::rry...*

Символ : в слове *so::rry* означает растягивание буквы; количество символов приблизительно показывает длину растягивания. Извинение усиливается просодически, использование подчеркивания слова показывает, что оно произносится с особым ударением. В этом фрагменте интерактанты имеют равные социальные позиции. Второй интерактант ожидает понимания со стороны первого интерактанта.

Рассмотрим смежную пару «упрек ↔ извинение или оспаривание»:

1. Arnie: *Hey...Gorgan...*

2. John (looks).

3. Arnie: *--- there was another fire at the county dump. Some kinda methane leak.*

4. John: *Actually, it's Grogan ---*

5. Arnie: *I want two paragraphs for the blotter.*

Редактор газеты (Arnie) дает задание репортеру (John) сделать новостной материал (3). Обращаясь к репортеру, Арни допускает ошибку в фамилии Джона (1), Джон исправляет (4). Подчеркнутые буквы в слове *Grogan* означают, что они произносятся с особым ударением. На реплику упрека (4) следует маркированная (непредпочтительная) реакция (5): Арни не отвечает на упрек и продолжает объяснять задание. Данный фрагмент является примером институционального разговора, в нем позиции акторов социально не симметричны: Арни — в доминирующей позиции, Джон — в зависимой позиции. Хотя в КА внутренний порядок не определяется факторами, внешними для взаимодействия (гендерными, социальными идентичностями), он тем не менее чувствителен к моментам, релевантным для текущего взаимодействия.

3.3.4. Добавочные компоненты в смежной паре

В смежной паре могут появляться такие добавочные компоненты, как преддействие, которое предшествует первому ходу и создает предпосылки для начала разговора или его отсрочивания; действие-вставка, которое появляется между ходами в паре, когда без него невозможно воспроизвести второй ход; постдействие (Sidnell 2010).

(Джон хочет навязать Дженни покупку щенка по совету друга, чтобы отвлечь ее от планов о появлении в семье ребенка. Он привозит ее в питомник, они смотрят на маленьких щенят, Джон обращает ее внимание на одного из них.)

1. John: *He likes you.*

2. Jenny: *John, I don't know if I'm ready for a puppy---*

3. Lory: *You have to wait three weeks for the litter to get weaned, before you can bring 'em home anyway.*

4. John: *Plenty of time to get ready.*

5. Jenny: *I won't be even here. I'm gonna be with my sister then---*

6. John: *No problem. I can take him. Be good bonding time. Get him all trained in time for you to come home.*

Реакция Дженни (2, 5) может быть оценена как маркированная, поскольку сопровождается объяснением отказа, дополнительными вежливыми пояснениями. В этом фрагменте также выявляются описанные конверсантами добавочные компоненты: в качестве преддействия или преамбулы выступает реплика Джона (1), действия-вставки — реплика хозяйки питомника Лори (3), постдействия — реплика Джона (6).

3.4. Микроуровень взаимодействия. Фиксация деталей и экстралингвистических данных с помощью транскрибирования

Для понимания разговора-во-взаимодействии важно его описание не только на макроуровне в терминах базовых единиц взаимодействия, ходов, их очередности, смежных пар и т. д., но и на микроуровне, т.е. фиксации деталей, сопровождающих взаимодействие. В связи с тем, что в КА особое значение придается раскрытию нюансов (Sacks 1984), описанию «мелкозернистых деталей» (Boden 1994), некоторые исследователи называют его «микроскопическим» анализом (Potter, Herburn 2010). Для фиксации деталей социальной интеракции участников Г. Джефферсон разработала систему символов, обозначающих паузы и их продолжительность, обрывы и прерывания, наложения реплик, «проглоченные слова», вдох и выдох, смех. Система специальных обозначений включает в себя как стандартные знаки препинания (запятые, точки, знаки вопроса), так и другие символы (стрелки, вертикальные и горизонтальные линии, математические знаки); транскрибирующие интонационные особенности диалогов и другие «непроговариваемые» элементы коммуникации.

Ниже будет показана (проанализирована) роль таких экстралингвистических смысловых элементов в семейном взаимодействии, как смех, пауза, повышение / понижение голоса (фонация).

3.4.1. Смех как элемент взаимодействия

Смех как некоторая физиологическая реакция, сопровождающая поведение человека, не всегда находится под его сознательным контролем. С точки зрения Х. Плеснера, смех не является сознательной передачей какой-то информации, но в нем проявляется определенное психическое состояние человека, когда человек на время утрачивает контроль (Плеснер 1988).

Центральным вопросом для КА в области изучения смеха является рассмотрение последовательной организации смеха в разговоре, т. е. того, что люди

делают со смехом и посредством смеха, какую роль смех играет в конструировании отношений во взаимодействии. Смех — неотъемлемая часть семейного общения, он выполняет метакоммуникативную функцию, показывает степень сближения участников взаимодействия, чувство взаимодействия. Особое внимание уделяется смеху в общении супругов как наиболее «близкой» форме коммуникации. Ниже обозначены несколько тезисов, которые можно развить с опорой на эмпирический материал — фрагменты разговоров:

- смех выступает в роли самостоятельной стратегии речи, используемой и адресатом, и адресантом;
- смех представляет ответную реакцию, выражающую одобрение или согласие с определенными обстоятельствами;
- смех возникает тогда, когда имеет место эффект неожиданности.

Рассмотрим несколько фрагментов диалогов и проанализируем их.

Фрагмент 1 (Джон и Дженни сидят на кухне с бутылкой шампанского в романтической обстановке):

1. Jenny: *Oh, -hh God! That feels so good... (1)*

So (1), what do, you ↓think, (.) what do you think that ↓means, a blizzard on your wedding day? Is that good luck or is it b:ad luck? I think it's good luck.

2. John: *How did I get ↑you?*

3. Jenny: *How what?*

4. John: *Honestly, how did ↑I...? How did I get that lucky? (hhh)*

5. Jenny: *Well, you ↑know... (0,05) (hh) I get asked that question all the ↓time. Come o::n, are you ↑kidding, honey? You're part' of a plan.*

6. John: *The plan??*

7. Jenny: *↓My plan. Step ↑one, meet an incredibly sweet, smart, sexy ↓man.*

8. John: *Done. Step ↓two?*

9. Jenny: *Marry you↓ instead.*

10. John: *O:H (ННН)*

Во фрагменте 1 смех встречается дважды: во время вопросительной реплики Джона на слове *lucky* (4) и как отдельный репликовый шаг (10). В первом случае Джон смеется от переполненности чувств, выдавая в некотором смысле свою «взволнованность», так как они с Дженни только что поженились и сейчас перед нами их первый семейный вечер. Также, исходя из содержания самой реплики, можно заметить, что Джон приглашает Дженни вступить в определенную «игру-флирт», потому что подобный вопрос не имеет фактического ответа, а скорее является шуточным. Другая реплика Джона (10) произносится утрированно и намеренно громче, чем предыдущие реплики. Джон, таким образом, выражает самоиронию и «принимает правила игры» Дженни (5). Именно здесь смех выступает в качестве самостоятельной стратегии говорения — поддержание разговора.

Фрагмент 2 (Начинается гром. Марли лает и мешает закончить колонку Джону. Дженни сообщает Джону новость о долгожданной беременности):

1. John: *MARLEY! ↑Come ↓on! It's just <thunder>...JENNY! Can you help me out ↑here? I got 20 minutes >to file this column<, and I gotta- ... Jenny??*
2. Jenny: *Ah. The luck of the Irish!!! (hhh)*
3. John: *What ?? (hhh)*
4. Jenny: *ННН*

Во фрагменте 2 причиной смеха является эффект неожиданности. Дженни узнает о том, что беременна после несчастного случая с выкидышем. Интересен тот факт, что супруги понимают «сообщение» без прямой словесной формы. Для Джона достаточно было услышать фразу об Ирландии, чтобы понять, что имеет в виду Дженни. Смех в данном контексте проявляет свою аффилиативную функцию. Дж. Шенкайн отмечает, что смех в процессе разговора служит одним из способов демонстрации идентификации собеседников как членов одной группы (Schenkein 1972: 371), в данном случае смех выступает маркером понимания и принятия смыслов коммуникации.

Фрагмент 3 (Джон и Дженни гуляют по пляжу. Они уже два года вместе, и для Джона настал ответственный момент — он признался себе, что готов иметь детей, поэтому хочет поговорить об этом с Дженни):

1. John: *Oka::y, so, (2) what's the ↓next?*
2. Jenny: *↑Ice-cream??*
3. John: *No, (hhh) I mean (2)...(hhh) on your list.*
4. Jenny: *(2) My list?*
5. John: *Jen, (.) the ↓list. Your plan list >you had when we got married< that had the game plan. It was basically my marching orders.*
6. Jenny: *↑My plan?*
7. John: *Your plan. I wanna know= what's next. Scare me.*
8. Jenny: *You really wanna↑ know?*
9. John: *Hit me!*
10. Jenny: *We:::ll, it's tossup between a new roof.*
11. John: *Very practi(hhh)cal.*
12. Jenny: *And... and a baby. (3)*
13. John: *(.) I think I could live with a few ↓leaks.*
14. Jenny: *↑Really?*
15. John: *Yeah, = a couple.*
16. Jenny: *But >you know< a couple leaks turn into maybe one big leak and that (.) big (.) leak (1) becomes a very big responsibility.*
17. John: *That's ↓true.*

Следует обратить внимание на то, как Джон задает вопрос Дженни (1) по поводу их будущего, который впоследствии перетекает в следующую реплику-уточнение (2), т. к. Дженни не уловила смысла вопроса. Смех, появляющийся перед вводным элементом *I mean* (3), дает конверсаналитику понять, что это своеобразная защитная реакция. Джон сам боится поднимать столь «щепетильный» для него вопрос, он смеется, хотя предмет обсуждения — чрезвычайно серьезный и важный для него.

Метод КА позволяет зафиксировать смех, как полноценный невербальный компонент общения, и выявить причинно-следственную связь его употребления в комплексе с другими лингвистическими и экстралингвистическими единицами.

3.4.2. Пауза в функции значимого молчания

Пауза — это паралингвистический компонент общения, несущий в себе смысловую нагрузку и являющийся необходимым средством ведения разговора. Следующие тезисы обосновывают значимость паузы в бытовом дискурсе, и это подтверждается эмпирическим материалом:

- пауза является средством привлечения и переключения внимания;
- пауза позволяет собеседнику выиграть время на размышление;
- пауза может выступать полноценным репликовым шагом и нести в себе коммуникативную нагрузку.

В примерах ниже паузы обозначаются цифрами в скобках, цифра указывает длительность паузы в секундах.

Фрагмент 1 (Марв и Гарри видят, что в доме, который они хотят ограбить, находится ребенок. В прошлый раз ему удалось заставить воров поверить, что в доме есть взрослые):

1. Harry: *He::y, Ma::rv!* → (1) *Marv, MARV.*
2. Marv: *What??*
3. Harry: *Look at this.:*
4. Marv: (1,5) *I think we're getting scammed by a ↓ "kindygartener."*

В ситуации рассматриваемого диалога интерактанты используют минимум вербальных средств общения. Понимание достигается посредством паузы (4), которая является первоначальной реакцией на сообщение первого, говорящего (Гарри). Второй говорящий (Марв) держит паузу, чтобы осмыслить то, что он видит, и только потом выражает свое отношение к увиденному.

Во фрагменте 2 пауза выступает в качестве самостоятельного коммуникативного хода, имплицитно в себе определенную интенцию.

Фрагмент 2 (Джон и Дженни приехали домой после поездки в больницу, где узнали печальную новость):

1. John: *Want some tea?*
2. Jenny: (5) ((silence))

3. John: *Hey, you know what? I was thinking that we (1)... We still have those tickets from your parents for the honeymoon in Ireland. We could finally do that. Maybe take some time off. Jenny?*

4. Jenny: ((crying))

В данном примере Дженни не отвечает на вопрос Джона (2) и пауза становится средством выражения отказа, т. к. главная героиня подавлена и не хочет разговаривать. Джон пытается успокоить супругу, подбирая подходящие слова (3), но Дженни снова не отвечает, не выдерживает и начинает плакать (4).

Во фрагменте 3 паузы накладывают определенную смысловую нагрузку, а именно акцентируют то, что предстоит услышать собеседнику, тем самым привлекая его внимания. Также, совместно с междометиями *uh* и *uh-uh*, паузы выражают оттенок сомнения. Отсутствие речевого действия заменяет тактильно-кинестетическое действие говорящего: Джон берет в руки газету и просматривает материал, помещенный в газете.

Фрагмент 3:

1. Jenny: *Hey, honey, what happened to the Desert Storm piece?*

2. John: *That's it. The injured girl's dad's in Kuwait. Is that not in there?*

3. Jenny: *Uh... (1) uh-uh... (.) I think they cut that. They even (1)... they even spelled your name wrong. (2) "John Gorgan."*

4. John: *You're kidding... (1) Let me [see that]!*

Приведенные примеры показывают роль паузы как неотъемлемого элемента взаимодействия: она служит средством привлечения внимания, предоставляет партнеру возможность высказаться, придает силу словам, следующим за паузой, и может являться самостоятельным коммуникативным ходом.

3.4.3. Фонация. Повышение / понижение тона голоса, изменение уровня громкости

Повышение / понижение тона голоса — просодические компоненты, функционирующие во фразе и передающие логические и оценочно-модальные отношения. Изменения в тоне голоса могут свидетельствовать об эмоциональном состоянии говорящего, об отношении к сообщаемой информации и об оценке говорящим ситуации, в которой он находится.

Анализ эмпирического материала позволяет выдвинуть следующие тезисы при изучении влияния мелодики (изменение тона голоса) на процесс коммуникации:

- повышение тона голоса в семейно-бытовом общении в зависимости от ситуации выполняет функцию воздействия на собеседника;
- повышенный тон может служить средством ремонта коммуникации (*repair*): когда один из партнеров не слышит сообщение собеседника, тот зовет его еще раз;

– участникам диалога чаще всего присуща взаимная аккомодация уровня громкости высказывания, выдерживание заданного уровня до тех пор, пока не потребуется модификация голоса — в сторону интенсификации или ослабления.

Фрагмент 1 (Джон, после того как на соседей пытались напасть грабители, принимает решение купить новый дом в другом районе и сообщает об этом Дженни):

1. John: *I wanna show you ↓something.*
2. Jenny: *↓What?*
3. John: *It's a house. Now,> it's a little pricey<, but I think we can do it.*
4. Jenny: *BOCA?*
5. John: (1) *I know, = I know. But I talked to Frank Bennett on the Metro desk (1,5) and he says it's the safest neighborhood.*
6. Jenny: *I'm just not sure now is the <↓right time.*
7. John: *But, JEN, (.) when do you think is the right time?- After one of us gets stabbed in the driveway?*
8. Jenny: *↓JOHN!*
9. John: *HONEY, It's cramped in here. Remember this was supposed to be a three year house.*
10. Jenny: *I know. I know that. I just don't think we can afford to buy a new one.*

Во фрагменте 1 использованные символы означают следующее: = между высказываниями паузы нет вообще; < > замедление речи; > < ускорение речи; (.) короткий промежуток между высказываниями (десятые доли секунды); *HONEY* произносится очень громко, громче, чем всё предыдущее; *right* произносится с особым ударением. Между супругами происходит разногласие, интонационно можно проследить нестабильный рисунок, для которого характерно наличие множества пауз, «акцентируемых» слов и повышение тона. В приведенном примере повышение тона выполняет функцию воздействия на собеседника. Так как оба партнера настроены отстаивать свою позицию до конца, их репликовые шаги произносятся на одинаковом повышенном уровне громкости.

Фрагмент 2 (Дженни уложила детей спать. Марли разбудил их лаем, когда услышал сигнализацию от машины):

1. Jenny: *JOHN, GET THAT DOG OUT OF HERE.*
2. John: ((silence)) (2)
3. Jenny: *JOHN!!! I want this dog out of here right now.*
4. John: *Ok. (1) I'll take him for a ↓walk.*
5. Jenny: *NO (1), take him to that fa:rm.*
6. John: *All right, buddy,- looks like we're going to the farm again.*
7. Jenny: *Hey, (2) I'm serious. I'm not kidding. I can't take this ANYMORE!*

Во фрагменте 2 повышение тона голоса сигнализирует о том, что Дженни недовольна поведением Марли. Интонация на протяжении всего разговора повышенная, выражающая раздражение и недовольство. Примечательно, что Дженни также использует повышенный тон речи для того, чтобы собеседник ее услышал, иначе коммуникация не состоится. Можно сделать вывод, что повышенный тон общения помогает исправить неполадки в коммуникации и адекватно передать суть сообщения.

Понижение уровня громкости, как правило, ассоциируется у участников коммуникативного процесса с конфиденциальностью, секретностью, часто интимностью, как в следующем фрагменте.

Фрагмент 3 (Джон и Дженни разговаривают перед сном):

1. John: *Sorry, (2) I didn't mean to ↓wake you.*
2. Jenny: *I wasn't sleeping. Where's ↓Marley?*
3. John: *Sebastian's gonna watch him for a few ↓days.*

Во фрагменте 3 Дженни и Джон успокоились после очередной ссоры и хотят снова наладить контакт. Желание установить доброжелательное взаимопонимание побуждает говорящих настроиться на определенную частоту высказывания, понизить голос, чтобы обстановка стала более располагающей для того, чтобы «излить душу» и помириться.

4. Заключение

Итак, проанализированные в работе бытовые диалоги, речь-во-взаимодействии (*talk-in-interaction* [Schegloff 1984]), отражающие естественное повседневное социальное взаимодействие, совершающееся в ситуациях семейной коммуникации с опорой на методологический инструментарий КА, позволяет сделать следующие выводы.

1. Единицей взаимодействия (обмена) является единица, конструирующая ход (*turn constructional unit, TCU*), которая одновременно является социальным действием, совершаемыми акторами, участниками взаимодействия в каждый момент времени. После совершения хода (социального действия) актер останавливается и ожидает реакции партнера, и в этом проявляются этнометодологические принципы перформативности, рефлексивности, описуемости и индексальности. Лингвистическим коррелятом единицы, конструирующей ход, может выступать слово, словосочетание, клауза или предложение.

2. Чтобы коммуникация была возможна, взаимодействие участников четко организовано: социальное взаимодействие структурируется через очередность и правила передачи слова в релевантных местах перехода (*transition relevance place, TRP*). Эмпирический материал показывает, что в острых моментах семейно-бытовых разговоров основополагающее правило разговора о том, что

в конкретный момент времени говорит один, нарушается конкуренцией за слово, проявляющейся в перебивании, наложении реплик друг на друга. В ситуациях естественного нормального протекания разговора на смену очереди в семейной коммуникации указывают просодические, грамматические, паралингвистические и кинестетические сигналы.

3. Последовательность ходов образует смежную пару, более крупную структурно-организованную сущность КА, в которой формируется интерсубъективный смысл позиций участников семейного взаимодействия. В смежной паре участники взаимодействия принуждают друг друга к определенным вербальным действиям, стремясь не только высказать нечто, но и получить взамен реакции собеседника. Вклад, вносимый каждым из участников в семейное взаимодействие, индексируется, т. е. контекстуально ориентирован, при этом непонимание устраняется, корректируется с помощью починки (*repair*), дополнительных действий, таких как просьба повторить, дополнительный вопрос и др. Другие особенности смежных пар в семейном общении определяются, во-первых, характером реакции (выявлены маркированные (непредпочтительные) реакции наряду с маркированными (предпочтительными)); во-вторых, наличием в них добавочных компонентов, создающих предпосылки для начала разговора.

4. Участники разговора-во-взаимодействии в ситуациях семейного общения для подтверждения понимания друг друга ориентируются на детали, сопровождающие их действия: смех, паузы, интонации, направление взгляда, скорость произнесения и другие нюансы, составляющие в совокупности микроуровень взаимодействия. В семейно-бытовых разговорах смех и пауза не только сопутствуют вербальному действию, но и выступают полноценным репликовым шагом, несут самостоятельную коммуникативную нагрузку. Повышенный тон выполняет функцию воздействия на собеседника, а также может служить средством ремонта общения (*repair*), участникам диалога чаще всего присуща взаимная аккомодация уровня громкости высказывания, который они могут модифицировать в ту или иную сторону.

Перспективным для данного исследования видится сопоставительный аспект в дальнейшем изучении институциональных и бытовых разговоров в плане очередности и наложения, предпочтительных способов передачи слова, характера последовательности смежных пар с точки зрения соотношения немаркированных и маркированных реакций, содержания в них непроговариваемых элементов.

Список литературы / References

- Бастун Е. В., Островская Т. А. Конверсационный анализ как метод анализа дискурса // Политическая лингвистика. 2020. № 4 (82). С. 40–46. [Bastun, Elena V., & Ostrovskaya, Tat'yana A. (2020) *Konversacionnyj analiz kak metod analiza diskursa* Political Linguistics (Conversational Analysis as a Method of Discourse Analysis). *Political Linguistics*, 4 (82), 40–46. (In Russian)].
- Врублевская О. А. О сущности понятия «социальное взаимодействие» в научных исследованиях // Сибирский аэрокосмический журнал. 2006. Т. 7. № 5. С. 60–65. [Vrublevskaja, Oksana. A (2006) *O sushhnosti ponjatija «social'noe vzaimodejstvie» v nauchnyh issledovaniyah* (On the Essence of the Concept of “Social Interaction” in Scientific Research). *Siberian Aerospace Journal*, Vol. 7, 5, 60–65. (In Russian)].
- Дементьев В. В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107. [Dement'ev, Vadim V. (2015) *Teorija rechevyh zhanrov i aktual'nye processy sovremennoj rechi* (Theory of Speech Genres and Actual Processes of Modern Speech). *Voprosy jazykoznanija*, 6, 78–107. (In Russian)].
- Королева Т. А. Конверсационный анализ жанра чата (на примерах англоязычного материала) // Вестник Брянского госуниверситета. 2015. № 2. С. 296–299. [Koroleva, Tat'yana A. (2015) *Konversacionnyj analiz zhanra chata* (na primerah anglojazychnogo materiala) (Conversion Analysis of the Chat Genre (on the Examples of English-Language Material)). *The Bryansk State University Herald*, 2, 296–299. (In Russian)].
- Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. [Makarov, Mihail L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* (Fundamentals of Discourse Theory). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева; под ред. М. С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. [Parsons, Talcott. (1998) *Sistema sovremennyh obshhestv* / per. s angl. L. A. Sedova i A. D. Kovaleva; pod red. M. S. Kovalevoj (The System of Modern Societies / transl. by Leonid A. Sedov and Alexander D. Kovalev; edited by Marina S. Kovaleva). Moscow: Aspekt Press. (In Russian)].
- Плеснер Х. Ступени органического и человек // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 115–121. [Plesner, Helmuth. (1988) *Stupeni organicheskogo i chelovek* (Steps of Organic and Man). In *Problema cheloveka v zapadnoj filosofii* (The Problem of Man in Western Philosophy). Moscow: Progress, 115 – 121. (In Russian)].
- Сакс Х., Щеглофф Э., Джефферсон Г. Простейшая систематика организации очередности в разговоре / пер. с англ. А. М. Корбута // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 142–202. [Sacks, Harvey, Schegloff, Emanuel A., & Jefferson, Gail (2015) *Prostejshaya sistematika organizatsii ocherednosti v razgovore* / per. s angl. A. M. Korbuta (The Simplest Systematics of the Organization of Turn-taking in Conversation / Korbut, Andrej M. (trans.)). // *Sociological Review*, Vol. 14, 1, 142–202. (In Russian)].
- Скрёбнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1985. [Skrebnev, Juri M. (1985) *Vvedenie v kollokvialistiku* (Introduction to Colloquialistics). Saratov : Izd-vo Saratov. un-ta. (In Russian)].
- Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. М.: Восток — Запад, 2006. [Susov, Ivan P. (2006) *Lingvisticheskaja pragmatika* (Linguistic Pragmatics). Moscow, Vostok-Zapad. (In Russian)].
- Якубинский Л. П. О диалогической речи // Язык и его функционирование: Избранные работы. М.: Наука, 1986. С. 17–58. [Jakubinskij, Lev P. (1986) *O dialogicheskoj rechi* (On Dialogical Speech). In *Jazyk i ego funkcionirovanie: Izbrannye raboty* (Language and Its Functioning: Selected Works). Moscow: Nauka, 17–58. (In Russian)].

- Boden, Deirdre. (1994) *The Business of Talk: Organizations in Action*. Cambridge: Polity Press.
- Coulthard, Malcolm. (1985) *An Introduction to Discourse Analysis / 2nd ed.* London, New York: Longman.
- Drew, Paul, & Heritage, John (eds.) (1992) Analyzing Talk at Work: an Introduction. In *Talk at Work: Interaction in Institutional Settings*. Cambridge: Cambridge University Press, 3–65.
- Garfinkel, Harold. (1967) *Studies in Ethnomethodology*. New Jersey: Prentice-Hall.
- Goffman, Erving. (1967) *Interaction Ritual: Essays in Face-to-Face Behavior*. New York: Anchor.
- Goffman, Erving. (1982) The Interaction Order. *American Sociological Review*, Vol. 48, 1–17.
- Goodwin, Charles. (1981) *Conversational Organization: Interaction between Speakers and Hearers*. New York: Academic Press.
- Heritage, John, & Atkinson, J. Maxwell. (1984) Introduction. In Atkinson, J. Maxwell, & Heritage, John. (eds.) *Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1–15.
- Heritage, John. (1995) Conversation Analysis: Methodological Aspects. In Quasthoff, Uta M. (ed.) *Aspects of Oral Communication*. Berlin / New York: Walter de Gruyter, 391–418.
- Heritage, John. (1997) Conversation Analysis and Institutional Talk: Analysing Data. In Silverman, David (ed.) *Qualitative Research: Theory, Method and Practice*. London: Sage Publications, 161–182.
- Heritage, John. (2008) Conversation Analysis as Social Theory. In Turner, Bryan S. *The New Blackwell Companion to Social Theory*. Oxford, UK: Blackwell, 300–320.
- Liddicoat, Anthony J. (2007) *An Introduction to Conversation Analysis*. London: Continuum.
- Lynch, Michael. (1993) *Scientific Practice and Ordinary Action: Ethnomethodology and Social Studies of Science*. New York: Cambridge University Press.
- Pomerantz, Anita. (1984) Agreeing and Disagreeing with Assessments: Some Features of Preferred / Dispreferred Turn Shapes. In Atkinson, Maxwell, & Heritage, John (eds.) *Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 57–101.
- Potter, Jonathan, & Hepburn, Alexa. (2010) A Kind of Governance: Rules, Time and Psychology in Organisations. In Llewellyn, Nick, & Hindmarsh, Jon. (eds.) *Organisation, Interaction and Practice. Studies in Ethnomethodology and Conversation Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 49–73.
- Psathas, George. (1995) *Conversation Analysis: the Study of Talk-in-Interaction*. Thousand Oaks: SAGE Publications, Inc.
- Sacks, Harvey. (1984) Notes on Methodology. In In Atkinson, J. Maxwell, & Heritage, John. (eds.) *Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 21–27.
- Sacks, Harvey. (1992) *Lectures on Conversation*. Oxford: Blackwell Publishing.
- Schegloff, Emanuel A. (1984) On Some Questions and Ambiguities in Conversation. In Dressler, Wolfgang U. (ed.) *Current Trends in Textlinguistics*. Berlin: De Gruyter, 81–102.
- Schegloff, Emanuel A. (1993) Reflections on Quantification in the Study of Conversation. *Research on Language and Social Interaction*, Vol. 26, 1, 99–128.
- Schegloff, Emanuel A. (2002) Survey Interviews as Talk-in-Interaction. In Maynard, Douglas W., Houtkoop-Steenstra, Hanneke Schaeffer, Nora Cate, & van der Zouwen, Johannes. (eds.) *Standardization and Tacit Knowledge. Interaction and Practice in the Survey Interview*. New York: John Wiley, 151–161.
- Schegloff, Emanuel A. (2006) *Sequence Organization in Interaction*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Schegloff, Emanuel A., & Sacks, Harvey. (1973) Opening Up Closings. *Semiotica*, Vol. 8, 4, 289–327.
- Schenkein, James N. (1972) Towards an Analysis of Natural Conversation and the Sense of Heheh. *Semiotica*, 6, 344–377.
- Selting, Margaret. (2000) The Construction of Units in Conversational Talk. *Language in Society*, Vol. 29, 4, 477–517.
- Sidnell, Jack. (2010) *In Conversation Analysis: An Introduction*. Chichester: Wiley-Blackwell.
- Wooffitt, Robin. (2005) *Conversation Analysis and Discourse Analysis: A Comparative and Critical Introduction*. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications.

Источники языкового материала / Language material resources

- Марли и я: [Кинофильм] / режиссер Дэвид Франкель; сценарий Скотт Франк и Дон Роос. М.: Двадцатый век Фокс СНГ, 2009. — 1 DVD-ROM. — Загл. с этикетки диска. — ФИЛЬМ вышел на экраны в 2008 г. [Marli i ya: [Kinofil'm] (Marley & Me [Motion picture]). (2008) / rezhisser Devid Frankel'; stsenariy Skott Frank i Don Roos (Frankel, David (directed by), Frank, Scott, & Roos, Don (screenplay by)). Moscow: Twentieth Century Fox CIS, 2009. — 1 DVD-ROM. — Head. from the disc label. — The film was released in 2008. (In Russian & English)].
- Home Alone [Motion picture]. (1990) (March 25, 2024) Directed by Chris Columbus and written and produced by John Hughes. Retrieved from: <https://www.youtube.com/watch?v=pMpQRhqPxP0>.

Художественный текст на пересечении культур

УДК 821.161.1:82.09

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-148-161

«ПОЛТАВА» В АНГЛИЙСКОЙ ПУШКИНИСТИКЕ XX ВЕКА: КАНОН, ПАРАДИГМА, МЕХАНИЗМЫ*

С. Б. Королева

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье исследуется становление английской пушкинистики в период 10–40-х гг. XX века с акцентом на общей линии осмысления «Полтавы» Пушкина в связи с применением приема сопоставления поэта с Петром I. Доказывается, что этот вопрос не получил должного научного освещения. Делаются промежуточные выводы относительно логики развития английской пушкинистики. Доказывается, что в форме устоявшегося канона она была сформирована к 1950-м гг. в научно-просветительских книгах М. Бэринга, Д. Мирского и Я. Лаврина о Пушкине и русской литературе. Утверждается, что концепция пушкинского творчества повлияла как на книги Лаврина и отчасти Мирского, так и на английскую пушкинистику в целом. Приметой английского пушкиноведческого канона стала культурно-историческая парадигма филологического исследования, совмещенная с этнофилософским подходом к изучению национальной литературы, вниманием к биографии поэта и к общим особенностям художественной формы и содержания произведения. Определено, что на становление канона английской пушкинистики значительное воздействие оказали работы Достоевского и Мережковского о Пушкине. Контекстом, опосредующим это воздействие, выступили имагологические механизмы уподобления и упрощения. С их помощью творчество Пушкина было вписано в такие близкие английскому читателю понятийные категории, как «европейское», «английское», «универсальное», «гениальное», «человечное». Выявлено, что «русское» на примере Пушкина (и Петра) представало одновременно вбирающим в себя «европейское», присваивающим его и — входящим в «европейское», расширяющим его изнутри.

Доказано, что монография Джона Бейли «Пушкин. Сравнительный комментарий» (1971) открывает собой новую страницу в истории английской пушкинистики. Уходя от культурно-исторического метода и этнофилософского подхода к литературе, исключая работу имагологических механизмов в литературоведческом исследовании, эта книга предлагает новые ориентиры: сравнительно-историческую парадигму в сочетании с методикой пристального чтения и вниманием к советскому пушкиноведению.

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00706, <https://rscf.ru/project/24-28-00706/>.

Ключевые слова: английская пушкинистика; поэма А. С. Пушкина «Полтава»; научная парадигма; имагологические механизмы; Морис Бэринг; Янко Лаврин; Дмитрий Мирский.

Цитирование: Королева С. Б. «Полтава» в английской пушкинистике XX века: канон, парадигма, механизмы // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 2 (66). С. 148–161. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-148-161.

“Poltava” in English Pushkin Studies of the 20th Century: The Canon, the Paradigm, and the Mechanisms

Svetlana B. Koroleva

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article examines the development of English Pushkin studies in the period between the 1910s and the 1940s, with an emphasis on the general line of understanding Pushkin’s “Poltava” in connection with the use of the technique of comparing the poet with Peter the Great. It is argued that this issue has not received proper coverage by scholars. Interim conclusions are offered in this respect. It is proved that, in English literary criticism, Pushkin studies formed an established canon by the 1950s through the books by M. Baring, D. Mirsky, and Y. Lavrin about Pushkin and Russian literature. It is argued that Baring’s concept of Pushkin’s personality and creative development influenced both the books by Lavrin and (partly) Mirsky, as well as English Pushkin studies in general. The hallmarks of the English canon of Pushkin studies lie within the cultural paradigm of philological research combined with an ‘ethnophilosophical’ approach to the study of national literature; attention to the poet’s biography and to the general features of the artistic form and content of the poet’s works are also significant for English Pushkin studies of this period. The author demonstrates that the canon of English Pushkin studies was significantly influenced in this initial period by works of Dostoevsky and Merezhkovsky about Pushkin. Imagological mechanisms of assimilation and simplification served as mediators of this impact: through their prism, Pushkin’s works were inscribed into such conceptual categories as “European,” “English,” “universal,” “brilliant,” and “humane,” which are close to the English reader. It is argued that the general concept of “Russian,” based on Pushkin’s “Poltava” and the comparison between Pushkin and Peter the Great, appeared to simultaneously absorb and appropriate the “European” and to enter into the “European,” expanding it from the inside. It is argued that John Bayley’s monograph “Pushkin. Comparative Commentary” (1971) opens a new page in the history of English Pushkin studies. Moving away from the cultural method and the ‘ethnophilosophical’ approach to literature and excluding imagological mechanisms from literary research, this book offers new guidelines: a comparative historical paradigm combined with a method of close reading, and attention to Soviet Pushkin studies.

Key words: English Pushkin studies; poem by A.S. Pushkin “Poltava”; research paradigm; imagological mechanisms; Maurice Baring; Yanko Lavrin; Dmitry Mirsky.

Citation: Koroleva, Svetlana B. (2024) “Poltava” in English Pushkin Studies of the 20th Century: The Canon, the Paradigm, and the Mechanisms. *LUNN Bulletin*, 2 (66), 148–161. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-148-161.

1. Введение

История английской пушкинистики первой половины XX века, в целостности процессов конструирования и транслирования общих идей (смыслового центра), борьбы частных смыслов (периферии), (возможной) смены литературоведческих парадигм, еще не написана: не определены этапы ее развития, системно не выделены ключевые персоналии, не определена роль этих персоналий в складывающемся английском каноне осмысления личности и творчества Пушкина — каноне английской пушкинистики.

При этом существенное значение первой половины XX века для становления общего англо-американского канона было отмечено уже в предисловии к списку работ Пушкина и о Пушкине на английском языке, составленному русским эмигрантом, американским литературным критиком и переводчиком с русского А. Ярмолинским к юбилею 1937 г. В нем автор-составитель указывает, что если в 1899 г. — к 100-летию юбилею со дня рождения поэта — на английском языке появилось не более «полудюжины» публикаций, связанных с его именем, то в 1937 г. таких публикаций было около ста, включая «исследования» (*critical studies*), «пространную биографию» (вторую на английском языке — *ample biography of the poet, which supersedes the only other work of the kind*) и «томик избранных произведений» Пушкина, представляющий его творчество весьма разносторонне (*a comprehensive selection of Pushkin's works in one volume*) (Yarmolinsky 1937: 6).

На основную причину роста интереса к Пушкину с конца XIX века в Англии, как на Западе в целом, указал в свое время профессор А. Л. Григорьев. В работе «Пушкин в зарубежном литературоведении», вошедшей в седьмой том «Исследований и материалов» (1974), он отметил, что «интерес к Пушкину вырос под воздействием международного успеха русского романа в последнее десятилетие минувшего века» (Григорьев 1974: 224), и указал на два факта, доказывающих эту взаимосвязь: если еще в 1896 г. Георг Брандес «отрицал оригинальность Пушкина и причислял его к подражателям Байрона», то в монографии Э. Омана, опубликованной в 1911 г., поэт охарактеризован как «родоначальник позднейшей русской литературы», «отец великого века, только что завершенного Львом Толстым» (здесь и далее перевод мой. — С. К.) (Haumant 1911: 139).

В этой работе А. Л. Григорьева отмечено существенное воздействие русской революции 1917 г. на интерес западной литературной критики к Пушкину; указано, что к 1937 г. в ней стала признаваться значимость пушкинского творчества для мировой литературы; выделен в западных работах о Пушкине 1920–1930-х гг. такой специфический параметр оценки его творчества, как шкала «консерватизм — демократизм». Григорьев поднимает важные вопросы истории западной

пушкинистики, связанные с культурно-историческими, собственно литературными и имагологическими процессами. При этом они не столько решаются, сколько намечаются в статье обзорно-аналитического характера; и намечаются без учета особенностей формирования английской пушкинистики.

Между тем о таких особенностях, равно как о формировании канона английской пушкинистики в 1910–1940-е г., вполне можно говорить, учитывая значение работ Мориса Бэринга для развития английской пушкинистики. Это значение в 1946 г. было отмечено в еженедельнике «Британский союзник» (издававшемся в СССР на русском языке Министерством информации Великобритании), в статье «К смерти Баринга» (Гольшева 1962: 114): проводя мысль о глубоком воздействии его «Очерка русской литературы» и «Оксфордской антологии русской поэзии» на общее представление английского интеллектуального читателя о русской литературе, авторы статьи особое внимание уделяют его переводам из Пушкина, в частности переводу пушкинского «Пророка» (Британский союзник 1946: 10).

2. Характеристика материала и методов исследования

Основным материалом исследования послужили научно-просветительские монографии М. Бэринга, Д. Мирского, Я. Лаврина о Пушкине и русской литературе. Фокус исследовательского внимания был сосредоточен на фрагментах, посвященных исследованию пушкинской «Полтавы», а также на высказываниях, относящихся к Петру I, его роли в русской истории и взаимоподобии Петра и Пушкина. Вместе с тем дополнительными источниками материала послужили отечественные и английские исследования об английских пушкинистах, западной пушкинистике, о М. Бэринге и Д. Мирском, а также работы М. Бэринга этнофилософско-исторического характера («Русский народ», «Истоки России») и книга Дж. Бейли о Пушкине, открывающая собой новую страницу в истории английской пушкинистики.

Методология исследования включает в себя как общенаучные методы наблюдения, анализа, сопоставления, обобщения, так и собственно литературоведческие методы: биографический, культурно-исторический, герменевтический, сравнительно-исторический, семиотический, формальный. С опорой на последние выявляются научные ориентиры в методологии английской пушкинистики 1910–1940-х гг. Общенаучные методы позволяют системно проанализировать работы английских литературоведов с точки зрения общей логики развития пушкиноведческих исследований.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Морис Бэринг (Maugice Baring) — английский дипломат, журналист, поэт, писатель, переводчик, искренний русофил (Супрун 2007; Володько 2018; Королева 2023) — сыграл ключевую роль в формировании пушкиноведения в Англии в начале XX века. Главу о Пушкине из его книги о русской литературе упоминает «автор лучших на английском языке книг по истории русской литературы» (Казнина 1990: 218), «главный спец по русской литературе для англофонов» (Ефимов 2019) (имевший с Бэрингом личное знакомство еще с петербургских времен) Д. Святополк-Мирский в своей монографии 1926 г. (*Pushkin*): он выделяет «восхитительный» прозаический перевод пушкинского «Пророка» в этой главе (Mirsky 1926: 98). И в статье 1983 г., написанной выдающимся английским пушкинистом, преподавателем Оксфордского университета, автором монографии о Пушкине (*Pushkin: a Comparative Commentary*, 1971) [Bauley 1971] Джоном Бейли (John Bauley), содержится прямая отсылка к пушкиноведческим работам М. Бэринга. Двигаясь от Набокова, его размышлений о Пушкине и его переводе «Евгения Онегина», Бейли переходит к комментированию наблюдений Бэринга о высокой простоте и ясности пушкинской лиры и, воссоздавая логику раздела о Пушкине из бэринговского «Очерка истории русской литературы», говорит одновременно о «русскости» и «универсальности» пушкинского гения (Bauley 1983).

Концепция творчества русского поэта, в общих чертах изложенная Бэрингом в «Вехах русской литературы» (*Landmarks in Russian Literature*, 1910) и более содержательно в «Очерке русской литературы» (*An Outline of Russian Literature*, 1914), была воспроизведена им и в предисловии к авторитетной «Оксфордской антологии русской поэзии» (*The Oxford book of Russian Verse*, 1925 [Baring 1971]). Соответственно, не только в своих научно-просветительских книгах, но и в учебно-методическом труде, выдержавшем за период 1920–1960-х гг. восемь изданий, М. Бэринг имел возможность отстаивать представления о том, что пушкинская поэзия наделена «здравомыслием» (*common sense*), «близостью к факту» (*matter-of-factness*), «пластичностью» (*plasticity*) и «несравненной красотой» (*incomparable beauty*) (Baring 1912: 27); что в ней универсальность совмещена с национальной самобытностью (*'universality', 'all-embracing humanity <...>, which makes him so profoundly Russian'*) (Baring 1915: 96); что ее одновременно отличает «божественная легкость» (*'divine ease'*) и «чувство меры и пропорции» (*'sense of balance and proportion'*) (Baring 1912: 27, 1915: 97).

Вместе с тем не только собственно эстетические, но и культурно-исторические и «этнофилософские» характеристики значимы для размышлений М. Бэринга о Пушкине и русской литературе. Собственно, сами эстетические характеристики в книгах Бэринга отчасти имеют этнофилософское объяснение:

чертами «здорового смысла», «пластичности», «человечности» и даже одаренности Бэринг в других своих книгах характеризует русский народ в целом (Baring 1911: 49, 53, 1914: 60). Афористически высказывая свою убежденность в том, что национальная поэзия глубоко связана с народной душой, народным характером, Бэринг заключает свое «Введение» к «Оксфордской антологии» русской поэзии такими словами: «Русская поэзия выражает русскую душу <...> То, что ею выражено, — это духовный жар, братское сочувствие, великодушная мудрость...» / *Russian poetry expresses the Russian soul. <...> What it expresses is a spiritual flame, a fraternal sympathy, a great-hearted wisdom...* (Baring 1971: xliv).

Что же касается культурно-исторического метода, то он очевиден и в общей логике рассказа об истории русской литературы, и в главе о Пушкине в его «Очерке русской литературы». Она, в частности, начинается с рассказа о подъеме национального самосознания в среде русской интеллектуальной элиты в связи с победой над Наполеоном; значительное место отводится в ней контексту тайных политических обществ, разгрому декабристского восстания, воздействию «Истории государства Российского» на современников, высокой ее оценке Пушкиным.

С позиции совмещения культурно-исторического подхода с биографическим и герменевтическим взглядами на художественное произведение Бэринг кратко комментирует вопрос о месте «Полтавы» в пушкинском творчестве. Его комментарий открывается указанием на время и место написания поэмы (1828 г., Санкт-Петербург, написана за один месяц) и продолжается лаконичным указанием на значимость двух сюжетных линий в ней: лирической (главным действующим лицом которой является Мазепа) и эпической (героем которой является Петр Великий). Прохладную реакцию современников на поэму Бэринг объясняет движением Пушкина в ней от байронической лироэпики к поэтике историко-героического эпоса. В сноске же поясняет, что Пушкин полемически ориентировался на байроновскую поэму и, намереваясь первоначально назвать свое произведение «Мазепа», отказался от этой идеи, чтобы не сойтись в этом с Байроном. Заканчивается комментарий акцентом на способе изображения в «Полтаве» Петра I: «Поэма – своеобразный монумент Петру Великому; кажется, что в нее глубоко проникли и пылкая гениальность этого великого монарха, и его страстное желание достичь [технологического] мастерства» / *The poem is a fit monument to Peter the Great, and the great monarch's impetuous genius and passion for thorough craftsmanship seem to have entered into it* (Baring 1915: 73).

Очевидно, что, схватывая самые общие черты поэтики и содержания «Полтавы», Бэринг не стремится к точной и детальной обрисовке характеров, кропотливому анализу сюжета, характеристике системы мотивов и образов в поэме.

Единственный аспект, который в ней акцентирован, — это двойное возвеличение Петра в поэме: как героя эпического сюжета и как гения, чей внутренний огонь как бы проникает в саму ткань поэтического текста. Такое акцентирование параллели «Петр I в политике — Пушкин в поэзии» предстает закономерным в контексте мысли, которой Бэринг практически заключает свои размышления о пушкинском гении и месте Пушкина в русской литературе: «Пушкин — национальный поэт России, Петр Великий в поэзии, создавший из иностранного нечто новое, национальное и русское, оставивший будущим поколениям нетленные эталоны [творчества]» / *Pushkin is Russia's national poet, the Peter the Great of poetry, who out of foreign material created something new, national and Russian, and left imperishable models for future generations* (Baring 1915: 95–96).

В этой параллели, очевидно, сказывается многое; в первую очередь влияние Мережковского (Капа 2022) — писателя, несомненно, хорошо известного Бэрингу своими литературно-критическими работами (о них он положительно отзывается в других главах своего «Очерка» [Baring 1915: 147]). Как известно, именно Мережковский ввел в пушкиноведческий дискурс тактику уподобления Пушкина Петру как «первообразу самого поэта», «герою русского подвига»: «Пушкин отвечает Петру, как слово отвечает действию», — утверждает Мережковский в статье о Пушкине, написанной в 1896 г. и опубликованной в составе нашумевшего сборника «Вечные спутники» (1897). Более того, в статье Мережковского интерпретация третьей песни «Полтавы» полностью стоит под знаком идеи взаимоподобия гениев царя и поэта и сопровождающей ее идеи воплощения в нем «могущества, скрытого в русском народе» (Мережковский 2007: 277, 279).

Воздействие Мережковского приобретает особое значение в английском контексте, поскольку накладывается на избираемую тактику сопоставления малоизвестного с известным (английскому читателю имя русского поэта, конечно, менее известно, чем имя русского царя, несколько месяцев изучавшего в Англии социальные порядки и различные технологии и оставившего по себе яркие воспоминания), а также на тактику подключения имагологических коннотаций: образ Петра I в английской культуре в целом оценивается чрезвычайно положительно, за ним закреплены ассоциации с такими смыслами, как «“английскость” (с точки зрения определенной демократичности и энергичности)» и «проанглийскость (с точки зрения готовности перенимать английский опыт)» и, соответственно, «прогрессивность», «способность заимствовать чужое и превращать в свое», «способность рационально и кардинально реформировать старое» (Королева 2021: 82–90).

Не случайно в ассоциировании Пушкина с Петром Великим у Бэринга участвуют семантические оппозиции «национальное» — «русское», через которые обнаруженная параллель подключается к «этнофилософскому» осмыслению

обоих как выразителей русской души, русского характера. Исследованию этих тонких материй посвящены другие его работы — книги историко-культурологического характера «Русский народ» и «Истоки России»; в первой из них, как отмечено выше, выделены такие общие для русского народа, Пушкина и Петра качества, как пластичность, адаптивность и одаренность энергией. В контексте этнофилософского осмысления «Полтавы» ведущей темой в ней для Бэринга является не история, не личность в истории, не мятеж и предательство, но «сверходаренность» энергией (*extra flip of energy* [Baring 1915: 49]) как ведущая характеристика образа Петра, стиля поэмы и народа, стоящего за ними.

Пристальным вниманием к особенностям поэтики «Полтавы» отличается фрагмент монографии Д. С. Мирского «Пушкин», посвященный поэме. В истории английской пушкинистики эта монография не сыграла значительной роли: как указывает заслуженный профессор Оксфордского университета Джеральд Смит, «вот уже почти девяносто лет написанная Мирским по-английски “История русской литературы” имеет статус классической. При этом остальные англоязычные книги Мирского (достаточно назвать две наиболее значительные — “Пушкин” и “Россия: социальная история”) хотя и переиздавались время от времени, но для западного читателя остались периферийными» (Смит 2014: 5).

Возможно, причины прохладного отношения английского читателя к книге Мирского о Пушкине следует искать в том, что, в отличие от Бэринга, он не опирается на «этнофилософскую» стратегию, не привлекает имагологические коннотации, не подчеркивает роль английской литературы в развитии эстетических взглядов русского поэта. Следуя связанной с русским формализмом логике внимания к литературной форме (Смит 2014: 15) и обнаруживая собственные мировоззренческие «антимещанские» и героически-трагические установки (Ефимов 2019) (отчасти схожие с установками, обнаруживаемыми в эссе Мережковского о Пушкине), Мирский отмечает в «Полтаве» совмещение в поэтике произведения жанровых признаков лироэпической байронической поэмы и поэмы собственно эпической, героической; указывает на изменение голоса автора, который теряет безграничность своего эмоционально-лирического присутствия и приобретает характеристику дистанцированности и функцию объективного рассказывания; определяет две сюжетные линии поэмы как «романтическую» и «героическую».

При этом Мирский подчеркивает, что образ Петра возведен в поэме на «полубожественную» (*semi-divine*) высоту и что пафос поэмы «полностью патриотичен» (*wholly patriotic*). Объяснение этому пафосу в книге Мирского дается героико-историческое и психологическое: победа в Полтавской битве, описанию которой посвящена вся третья песнь поэмы, «стала фундаментом современной России» / *is the foundation of Modern Russia* (Mirsky 1926: 115). Пушкин же

с «Полтавы» «все более и более ассоциирует себя с народом, точнее, с Империей, с государством» / *more and more identifies himself with the Nation, or rather with the Empire, with the State* (Mirsky 1926: 115). Поэт вырастает, в логике «космического пессимизма» Мирского (Мирский 2014: 64–65), в человека, способного над своим гением поставить должное в большом героическом пространстве.

В послевоенной научно-популярной книге «Пушкин и русская литература» (*Pushkin and Russian Literature*, 1947), вышедшей в серии «Самоучитель по истории» (*Teach yourself history library*) из-под пера Янко Лаврина — профессора славистики в университете Ноттингема и друга Д. Мирского с начала 1920-х, — ярко выражена «бэринговская» стратегия обращения к английскому интеллектуалу. Это, в частности, касается подключения имагологических механизмов упрощения и уподобления «чужого» «своему», муссирования параллели «Петр Великий в политике — Пушкин в поэзии», «этнофилософского» поворота. При этом в усилении и способе работы механизмов имагологического характера сказывается, по всей видимости, социокультурное (отчасти и политическое) сближение двух стран в контексте победы над нацизмом и гитлеровской Германией.

Во вступительном замечании автор делает акцент на том, что «особое внимание» к Пушкину в его книге объясняется «наиболее животрепещущей связью» его творчества «с английской литературой» / *Special attention has been paid to Pushkin as the most vital link between Russian and English literature* (Lavrin 1947: ix). В главе I «Россия и ее литература до Пушкина» (*Russia and her Literature before Pushkin*) значительное место отводится характеристике царствования Петра I и его политики «освобождения» России «от груза “азиатской” традиции» (*from the weight of her “Asiatic” tradition*) и реформирования ее в «часть цивилизованной Европы» (*a part of civilized Europe*) (Lavrin 1947: 8). Роль положительных имагологических коннотаций в этом фрагменте очевидна.

Глава же о Пушкине практически открывается сравнением роли Петра I в исторической судьбе России с ролью Пушкина в развитии русской культуры: «Если Петр I “присоединил” Россию к Европе и, в то же время, сделал ее могущественной державой, то Александр Сергеевич Пушкин <...> достиг <...> подобных результатов в области русской литературы и <...> русской культуры в целом» / *If Peter I “annexed” Russia to Europe and at the same time turned her into a Great Power, Alexander Sergeevich Pushkin <...> achieved <...> something similar with regard to Russian literature and, for that matter, Russian culture in general* (Lavrin 1947: 17). Эту параллель Лаврин, вслед за Бэрингом, объясняет не столько психологическим сходством двух гениев, не столько характером их одаренности, сколько этнопсихологическим основанием их личностей. Первоначально с имплицитной, а затем и с эксплицитной опорой на «Пушкинскую речь»

Достоевского и на размышления Мережковского о Пушкине и Петре ученый так поясняет подобие личностей царя и поэта¹:

«Они взаимоподобны в своей широте, в способности ассимилировать [чужое], в интуитивном схватывании духа времени, равно как в русскости характера; <...> их космополитические симпатии не <...> нарушили того, что было сущностно русским в обоих» / *They resembled each other in their broadness, their assimilative power, their intuitive awareness of the Zeitgeist, as well as in their Russian character; <...> their cosmopolitan sympathies did not <...> interfere with what was essentially Russian in both* (Lavrin 1947: 17.). И ниже: «Достоевский выше всего ставил в Пушкине сочетание русского духа с <...> всеобъемлющим универсализмом. Но и в последнем [универсализме] он видели сущностно русскую черту» / *Dostoevsky appreciated in Pushkin <...> above all the fusion of the Russian spirit with <...> all-embracing universality. But the latter was regarded by him as an essential Russian feature as well* (Lavrin 1947: 75).

В некотором смысле Лаврин идет дальше Бэринга и, объясняя глубокий интерес Пушкина к личности Петра, распространяет работу имагологических механизмов упрощения и уподобления на проведение исторических параллелей сомнительного, если не сказать антинаучного и антиисторического характера. Явственно опираясь на контекст общей осведомленности английского читателя о русском революционном движении и грандиозном социалистическом эксперименте, равно как на включенность научного дискурса о Пушкине в социологическую, марксистскую парадигму гуманитаристики, Лаврин делает следующее одностороннее умозаключение: «Пушкин не мог не встать на сторону Петра-революционера <...> он склонялся к прогрессивным буржуазно-либеральным взглядам, характерным для этого периода» / *Pushkin could not but side with Peter the revolutionary <...> he <...> adhered to the advanced bourgeois-liberal opinions of his period* (Lavrin 1947: 18).

При этом в описании места «Полтавы» в творчестве Пушкина Лаврин как бы совмещает культурно-исторический подход Бэринга с вниманием Мирского к особенностям жанровой формы поэмы. Он дает историческую справку о Северной войне и роли Полтавской битвы в ней, отмечает полемику Пушкина с Байроном, выделяет недостаток единства двух сюжетных линий — любовной

¹ У Бэринга эта опора присутствует имплицитно. О связи текста Бэринга с эссе Мережковского говорилось выше. Что касается отсылок к Достоевскому, Бэринг заключает свой рассказ о творческом пути Пушкина и месте его поэзии в русской литературе следующим положением: «<...> именно всеобъемлющая человечность — Достоевский называет это *πανάνθρωπος*, — именно способность понимать всех и вся делает его подлинно русским [гением]» / *it is just this all-embracing humanity — Dostoyevsky calls him πανάνθρωπος — this capacity for understanding everything and everybody, which makes him so profoundly Russian*. См.: (Baring 1915: 96). О религиозном подтексте высказываний Достоевского о Пушкине см., в частности: (Королева, Ковалева 2022).

и героической, высказывает мысль об установке автора на эпический тон повествования, указывает на успех и величие Пушкина в попытке создания национальной героико-эпической поэмы. Отдельно останавливается на историзме поэмы, отмечая соответствие обрисовке Пушкиным характера и действий Мазепы исторической правде: «Пушкин изобразил его на вершине его карьеры исторически правдиво — как жестокого, тщеславного старого интригана, плетущего заговор со шведским королем Карлом XII против Петра Великого» / *Pushkin portrayed him at the height of his career and true to history: as a cruel, vainglorious old intriguer plotting with the Swedish king Charles XII against Peter the Great* (Lavrin 1947: 108). Особое внимание обращает на структурную противопоставленность образов Мазепы и Петра как двух «сильных характеров», первый из которых воплощает страстность и амбициозность «настоящего эгоиста» (*great egoist*), второй же — «идею государства» (*Peter represents the idea of the State*) (Lavrin 1947: 109).

Глубоким проникновением в художественное своеобразие пушкинской поэмы отличается исследование, представленное в книге Джона Бейли «Пушкин. Сравнительный комментарий» (*Pushkin. A Comparative Commentary*, 1971). Этой монографией («первым подробным англоязычным исследованием пушкинского творчества»), как она охарактеризована в аннотации [Bailey 1971: flyleaf]) открывается новая страница в английской пушкинистике — в том числе в отношении поэтики и художественного мира «Полтавы». Новизна результатов, изложенных в книге Бейли, во многом обусловлена сменой научной парадигмы: британский славист, преподаватель Оксфордского университета опирается на пушкиноведение Гуковского, сравнительно-исторический метод и методику пристального чтения. Внимание к достижениям советской пушкинистики, вчитывание в текст и глубокое проникновение в разнообразные социокультурные и межкультурные контексты, в межлитературные связи позволяет исследователю прийти не только к целостной, системной, разносторонней характеристике поэмы, но и к новым результатам. В «Полтаве» Бейли обнаруживает воздействие баллад В. Скотта и байроновских поэм; глубокую психологизацию образа Мазепы; эпическую дистанцию автора-рассказчика и драматизацию рассказа через диалоги; проблему столкновения личности и истории; реализм как взгляд на современность сквозь прошлое и на прошлое сквозь современность; тему отчужденности Мазепы от народа и национальной истории, выраженную в обеих сюжетных линиях поэмы. В связи с «Полтавой» в монографии подробно освещена философско-политическая полемика Пушкина с Рылеевым и его «Войнаровским» относительно оправданности революционного мятежа; выделен интерес Пушкина к историческим свидетельствам о Петре и его эпохе; отмечена убежденность поэта в том, что Петровская эпоха — ближайшая к нему реальность и что, кроме того, именно поэту принадлежит история народа (Bailey 1971: 107–127).

При этом Бейли удается практически полностью уйти не только от культурно-исторической и «этнофилософской» научной парадигмы, устоявшейся, как мы понимаем, в английском пушкиноведении к середине XX века, но и от воздействия имагологических механизмов на литературоведческий текст. Из традиционных смысловых акцентов в интерпретации не собственно «Полтавы», но пушкинского творчества в целом в монографии Бейли можно обнаружить лишь отсылку к Достоевскому и опору на его высказывания об «универсальности» пушкинского гения и подлинной историчности его реализма.

4. Заключение

На примере изучения английских литературоведческих работ о поэме Пушкина «Полтава» можно сделать промежуточные выводы относительно истории становления и развития английской пушкинистики. На избранном материале показано, что английская пушкинистика в форме устоявшегося канона была сформирована к 1950-м гг. в научно-просветительских книгах М. Бэринга, Д. Мирского и Я. Лаврина о Пушкине и русской литературе. Приметой этого канона стала культурно-историческая парадигма филологического исследования, совмещенная с «этнофилософским» подходом к изучению национальной литературы, вниманием к биографии поэта и общим (исключающим глубокий анализ художественной структуры произведения) интересом к литературной форме и содержательному своеобразию произведения. Значительное воздействие на становление канона английской пушкинистики оказали работы Достоевского и Мережковского о Пушкине. Контекстом, опосредующим это воздействие, выступила работа имагологических механизмов. С их помощью творчество Пушкина оказалось вписано в такие близкие английскому читателю понятийные категории, как «европейское», «английское», «универсальное», «гениальное», «человечное». Особую роль в формировании канона английской пушкинистики сыграла ассоциация «Пушкин — Петр I» и категория «национальное (самобытное) русское», вступившая в сложные диалогические отношения с категорией «европейское»: «русское» на примере Пушкина (и Петра) представало одновременно вбирающим в себя «европейское», присваивающим его и — входящим в «европейское», расширяющим его изнутри.

Монография Джона Бейли «Пушкин. Сравнительный комментарий» (1971) открывает собой новую страницу в истории английской пушкинистики. Уходя от культурно-исторического метода и «этнофилософского» подхода к интерпретации истории литературы, устоявшихся в английском пушкиноведении к середине XX века, исключая работу имагологических механизмов в литературоведческом исследовании, эта книга во многом оспаривает сложившийся английский

пушкиноведческий канон и предлагает новые ориентиры: сравнительно-историческую парадигму в сочетании с методикой пристального чтения и вниманием к советскому пушкиноведению.

Список литературы / References

- Британский союзник. 1946. № 7. 17 февраля. С. 10. [Britanskij sojuznik. (1946) (British Ally). № 7. February, 17. P. 10. (In Russian)].
- Володько А. В. «Непостижимая связь между нами»: Морис Бэринг и Россия // Диалог со временем. 2018. Вып. 64. С. 165–178. [Volod'ko, Anna V. (2018) «Nepostizhimaja svjaz' mezhdz nami»: Moris Bering i Rossija ("The Inscrutable Power Between us" Maurice Baring and Russia). *Dialogue with Time*, Iss. 64, 165–178. (In Russian)].
- Гольшиева А. И. К вопросу об изучении творчества А. С. Пушкина в Англии // Пушкинский сборник. Псков: Псковский гос. пед. институт им. С. М. Кирова, 1962. С. 11–122. [Golysheva, Alisa I. (1962) K voprosu ob izuchenii tvorchestva A. S. Pushkina v Anglii (On the Issue of Studying the Creativity of A. S. Pushkin in England). In *Pushkinskij sbornik* (Essays on Pushkin). Pskov: Pskovskij gos. ped. institut im. S. M. Kirova, 11–122. (In Russian)].
- Григорьев А. Л. Пушкин в зарубежном литературоведении // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука. Ленигр. отд-ние, 1974. Т. 7. Пушкин и мировая литература. С. 221–250. [Grigor'ev, Alexey L. (1974) Pushkin v zarubezhnom literaturovedenii (Pushkin in Foreign Literary Criticism). In *Pushkin: Issledovanija i materialy* (Pushkin: Research and Materials). Leningrad: Nauka. Lenigr. otd-nie, Vol. 7. Pushkin i mirovaja literature (Pushkin and World Literature), 221–250. (In Russian)].
- Ефимов М. Весьма мучительное свойство. К 80-летию гибели Д. П. Святополк-Мирского [Электронный ресурс] // Звезда. 2019. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2019/6/vesma-muchitelnoe-svoystvo.html?ysclid=lvq7gwiyv928437608> (дата обращения: 04.02.2024). [Efimov, Mihail. (2019) (2024, February 04) Ves'ma muchitel'noe svoystvo. K 80-letiju gibeli D. P. Svyatopolk-Mirskogo (A very Painful Property. On the 80th Anniversary of the Death of D. P. Svyatopolk-Mirsky). *Zvezda*, № 6. Retrieved from: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2019/6/vesma-muchitelnoe-svoystvo.html?ysclid=lvq7gwiyv928437608> (in Russian)].
- Казнина О. Д. Мирский. Несобранные статьи по русской литературе // Вопросы литературы. 1990. № 1. С. 218–232. [Kaznina, Ol'ga D. (1990) Mirskij. Nesobrannye stat'i po russkoj literature (Misky. Uncollected Articles on Russian Literature). *Voprosy literatury*, 1, 218–232. (In Russian)].
- Королева С. Б. Миф о России в британской культуре. М.: Флинта, 2021. [Koroleva, Svetlana V. (2021) *Mifo Rossii v britanskoj kul'ture* (Myth of Russian in British Culture). Moscow: Flinta. (In Russian)].
- Королева С. Б., Ковалева М. Ю. Пушкин, Гоголь, Святая Русь: об особенностях рецепции Достоевским творчества Байрона // Эпистола. Филологический журнал. 2022. Т. 2. № 3. С. 75–86. [Koroleva, Svetlana V., & Kovaleva, Marina Ju. (2022) Pushkin, Gogol', Sv'ataja Rus': ob osobennostjah recepcii Dostoevskim tvorchestva Bajrona (Pushkin, Gogol, Holy Russia: on the Peculiarities of Dostoevsky's Reception of Byron's Work). *Epistle. Philological Journal*, Vol. 2, 3, 75–86. (In Russian)].

- Королева С. Б. Диалогические контексты художественного перевода: Пушкин в интерпретации Мориса Бэринга // Современная германистика и западноевропейская литература. Вып. 5. М.: Флинта, 2023. С. 139–157. [Koroleva, Svetlana B. (2023) Dialogicheskie konteksty hudozhestvennogo perevoda: Pushkin v interpretacii Morisa Beringa (Dialogical Contexts of Literary Translation: Pushkin in the Interpretation of Maurice Baring). In *Sovremennaja germanistika i zapadnoevropejskaja literatura*. Vyp. 5. (Contemporary German Studies and Western European Literature. Iss. 5). Moscow: Flinta, 139–157. (In Russian)].
- Мережковский Д. С. Пушкин // Мережковский Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. М.: Наука, 2007. С. 229–297. [Merezhkovskij, Dmitry S. (2007) Pushkin (Pushkin). In Merezhkovskij, Dmitry S. *Vechnye sputniki. Portrety iz vsemirnoj literatury* (Eternal Companions. Portraits from World Literature). Moscow: Nauka, 229–297. (In Russian)].
- Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подг. текстов, коммент., мат-лы к библиографии О. А. Коростелева и М. В. Ефимова; вступ. статья Дж. Смита. М.: НЛО, 2014. [Mirskij, Dmitry. (2014) *O literature i iskusstve: Stat'i i recenzii 1922–1937* / Sost., podg. tekstov, komment., mat-ly k bibliografii O. A. Korosteleva i M. V. Efimova; vstup. stat'ja Dzh. Smita. (On Literature and Art: Essays and Reviews 1922–1937). Moscow: NLO. (In Russian)].
- Смит Дж. Параболы и парадоксы Д. Мирского // Мирский Д. О литературе и искусстве: статьи и рецензии 1922–1937. М.: НЛО, 2014. С. 5–32. [Smith, George. (2014) Parabolы i paradoksy D. Mirskogo (Parabolas and Paradoxes of D. Mirsky). In Mirskij, Dmitry. *O literature i iskusstve: stat'i i recenzii, 1922–1937* (On Literature and Art: Essays and Reviews 1922–1937). Moscow: NLO. P. 5–32. (In Russian)].
- Супрун Т. Н. Английские русофилы на рубеже XIX–XX веков. Англичане с русской душой. [Электронный ресурс] // Виноград/ 2007. № 1 (17). URL: <https://vinograd.su/education/detail.php?id=42954> (дата обращения: 12.02.2024). [Suprun, Tatiana N. (2007) (2024, February 12) Anglijskie rusofily na rubezhe XIX–XX vekov. Anglichane s russkoj dushoj (English Russophiles at the Turn of the 19th–20th centuries. Englishmen with a Russian Soul). *Vinograd*, 1 (17). Retrieved from: <https://vinograd.su/education/detail.php?id=42954> (In Russian)].
- Baring, Maurice. (1911) *The Russian People*. London: Methuen and Co.
- Baring, Maurice. (1912) *Landmarks in Russian Literature*. New York: The Macmillan Co.
- Baring, Maurice. (1914) *The Mainsprings of Russia*. London: Thomas Nelson and Sons.
- Baring, Maurice. (1915) *An Outline of Russian Literature*. New York: H. Holt and Co; London: Williams and Norgate.
- Baring, Maurice. (comp.) (1971) *The Oxford book of Russian Verse*. Oxford: Clarendon Press.
- Bayley, John. (1983) (2024, February 04) Looking in on Pushkin. *The New York Review*. February, 3. Retrieved from: <https://www.nybooks.com/articles/1983/02/03/looking-in-on-pushkin/>.
- Bayley, John. (1971) *Pushkin: a Comparative Commentary*. Cambridge: CUP.
- Haumant, Emile. (1911) *Pouchkine*. Paris: Bloud and C.
- Kana, Matsueda. (2022) (2024, February 04) To Study Russian Literature in English: The Perception of Maurice Baring and Dmitry Merezhkovsky in Modern Japan. In *Abstract Book of the XXIII Congress of the ICLA*, Vol. 23. Retrieved from: <https://icla.openjournals.ge/index.php/icla/article/view/5733>.
- Mirsky, Dmitry S. (1926) *Pushkin*. L.: George Routledge and sons, Ltd. N. Y.: E. P. Dutton and Co.
- Yarmolinsky, Abraham. (ed.) (1937) *Pushkin in English: A List of Works by and about Pushkin*: comp. by the Slavonic div. New York: The New York publ. libr.
- Lavrin, Janko. (1947) *Pushkin and Russian Literature*. L.: Hodder and Stoughton Ltd, for the English University Press.

УДК 821.111

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-162-180

О РЕЛИГИОЗНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ ДОРОТИ ЛИ СЭЙЕРС

О. Б. Лукманова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

В статье представлен общий обзор особенностей религиозной составляющей в художественном творчестве Дороти Л. Сэйерс, а также последовательный анализ роли и функций христианской тематики, библейских образов, мотивов и аллюзий в ее поэтических произведениях, пьесах и детективных романах. Актуальность и новизна исследования обусловлены тем, что в российском литературоведении творчество Д. Л. Сэйерс остается сравнительно малоизученным; кроме того, поскольку цельность художественного мира и принципы художественного творчества Сэйерс во многом обусловлены именно опорой на иудео-христианскую парадигму, качественное исследование христианской тематики, составляющей стержневую часть ее религиозных поэтических и драматургических произведений, а также изучение роли и функций библейских аллюзий как важной части вертикального контекста ее «светских» детективных романов остается обязательным условием адекватного понимания авторского замысла Сэйерс, особенно ввиду разработанной ею философии о тринитарной природе художественного творчества. С помощью биографического, историко-культурного методов, а также структурно-типологического и структурно-семиотического анализа текста автор рассматривает использование Сэйерс библейских элементов в произведениях разных жанров и приходит к выводу, что вне зависимости от того, является ли религиозная составляющая центральной и сюжетно- и темообразующей или разрабатывается на уровне второстепенных тем, сюжетных линий и персонажей, общий подход Сэйерс к христианским идеям и текстам можно охарактеризовать как «субверсивную ортодоксию»: Сэйерс подрывает целый ряд устоявшихся литературных и культурных традиций, шокируя читателя неортодоксальным, провокационным подходом к библейскому материалу, и одновременно подчеркивает, что эта провокационность и радикальность являются единственно адекватным отражением и воплощением традиционных христианских догматов, субверсивных по своей природе. никоим образом не используя свои детективные романы для продвижения собственных религиозных убеждений или в качестве христианской пропаганды, Сэйерс тем не менее постоянно привносит в свою детективную прозу богословское измерение, признавая органически присущие детективному жанру теологические проблемы и решая их в русле той же «субверсивной ортодоксии», которая лежит в основе ее общего подхода к христианским идеям и текстам: не скатываясь в релятивизм, она воплощает традиционные христианские доктрины в новые, оригинальные формы, чтобы снова подчеркнуть их субверсивный, радикальный характер.

Ключевые слова: Дороти Сэйерс; религиозные элементы; христианство; пьесы; поэзия; детективная проза; субверсивная ортодоксия.

Цитирование: Лукманова О. Б. О религиозной составляющей в художественном творчестве Дороти Ли Сэйерс // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 2 (66). С. 162–180. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-162-180.

The Religious Component in the Prose, Poetry, and Plays by Dorothy L. Sayers

Olga B. Lukmanova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

The article presents a general overview of the religious component in the fiction of Dorothy L. Sayers, as well as an attempt to analyze the role and functions of Christian themes, Biblical images, motifs, and allusions in her poetry, plays, and detective novels. The relevance and novelty of the study are due to the fact that Russian literary scholars have yet to pay sufficient attention to the work of D. L. Sayers. Besides, since the integrity of Sayers' artistic vision and her understanding of creative writing are largely conditioned by her reliance on the Judeo-Christian paradigm, an in-depth study of Christian themes and images, which form the core part of her religious poetry and drama, as well as a study of the role and functions of Biblical allusions as an important part of the vertical context of her "secular" detective novels remains a prerequisite for an adequate understanding of her work, especially in view of her original Trinitarian philosophy of creative work. With the help of biographical, historical, and cultural methods, as well as structural-typological and structural-semiotic analysis of the text, the author examines Sayers' use of Biblical elements in her works of different genres and concludes that, regardless of whether the religious component is central to the plot and theme or remains more at the background level, Sayers' general approach to Christian ideas and texts can be described as "subversive orthodoxy": Sayers subverts a number of established literary and cultural traditions by shocking her readers with an unorthodox, provocative approach to Biblical material, while at the same time emphasizing that this radical subversiveness is the only adequate reflection and embodiment of traditional Christian tenets, which are subversive in nature. While in no way using her detective novels to promote her own religious beliefs or as Christian propaganda, Sayers nevertheless consistently brings a theological dimension to her detective prose, recognizing the theological issues inherent in the detective genre and addressing them within the same "subversive orthodoxy" that underlies her overall approach to Christian ideas and texts: without slipping into relativism, she translates traditional Christian doctrines into new, original forms in order to re-emphasize their radical, subversive character.

Key words: Dorothy Leigh Sayers; religious elements; detective fiction; plays; poetry; subversive orthodoxy.

Citation: Lukmanova, Olga B. (2024). The Religious Component in the Prose, Poetry, and Plays by Dorothy L. Sayers. *LUNN Bulletin*, 2 (66), 162–180. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-162-180.

1. Введение

В художественном творчестве английской писательницы и переводчицы Дороти Ли Сэйерс (1893–1867), работавшей в самых разных жанрах, от детектива до мистерии, религиозные элементы — библейские темы, мотивы, образы, аллюзии и т. п. — присутствуют на самых разных уровнях и выполняют целый ряд разнообразных функций, что неудивительно, во-первых, потому, что литература всегда «черпает темы и жанры из Библии посредством ее переводов на формирующиеся национальные языки... и риторика Священного Писания определяет профанное слово» (Кашлявик 2011: 140), и, во-вторых, потому, что в каком-то смысле единство мировоззрения и художественного мира Сэйерс обусловлено именно ее опорой на иудео-христианскую парадигму не только в отношении этических и нравственных норм, но и в плане богословия и общих принципов художественного творчества, которых она последовательно придерживалась.

Ряд поэтических и драматургических произведений Сэйерс был самым непосредственным образом связан с христианским Писанием или историей христианской церкви, так что в поэтическом сборнике «Кафолические истории и христианские песни» (*Catholic Tales and Christian Songs*, 1918), частью которого является сатирическая мистерия «Осмеяние Христа» (*The Mocking of Christ*, 1918), в радиопьесах о Христе «Тот, Который должен прийти» (*He That Should Come*, 1938) и «Человек, рожденный на Царство» (*The Man Born to Be King*, 1941–42), а также в пьесах «Ревность по доме Твоем» (*The Zeal of Thy House*, 1937), «Заплатить дьяволу» (*The Devil to Pay*, 1939), «Праведное мщение» (*Just Vengeance*, 1946) и «Император Константин» (*Emperor Constantine*, 1951), написанных для постановки в известных английских соборах в рамках Кентерберийского, Личфилдского и Колчестерского фестивалей, библейские темы, сюжеты, образы и мотивы являются центральными, стержневыми. Однако ее «светские» пьесы и особенно детективные романы, благодаря которым она, собственно, и приобрела известность, — «отличаются высокой степенью литературности и языковой игры... и пересыпаны открытыми и скрытыми цитатами, аллюзиями» (Лукманова 2023: 285), в числе которых библейские цитаты и аллюзии занимают далеко не последнее место. Протагонисты детективных романов Сэйерс не называют себя христианами, но все они хорошо знакомы со Священным Писанием и церковной культурой, а многочисленные аллюзии к Библии носят явно аффирмативный характер и, будучи важной частью общего культурного фонда человечества, придают как делу протагонистов, так и сообщению от лица автора «важность и аргументированность... через обращение к наиболее значительным вехам многогранной истории человечества» (Захарова 2004: 12), а также дают понять, в рамках какого мировоззрения лежит творчество автора. Соответственно, тщательное изучение этих элементов вертикального контекста — особенно ввиду

того, что современные читатели далеко не так хорошо знакомы с библейским текстом и христианской литургией, как поколение Д. Сэйерс, — является непременным условием максимально полного понимания авторского замысла и заложенных в художественные произведения Сэйерс мировоззренческих, эмоционально-эстетических и иных глубинных смыслов.

Кроме того, уже в самом протесте Сэйерс против дуалистического разделения жанров на «религиозные» и «светские», на «легкие» и «серьезные», в ее постоянном стремлении поднять «несерьезный» жанр детективного романа до уровня качественной литературы (в том числе и через сознательную литературность и аллюзивность) отражается христианский отказ от дуалистического понимания мира, от разделения реальности — а значит, и любой работы и творческой деятельности — на духовную и недуховную. В трактате «Разум творца» (*The Mind of the Maker*, 1941) Сэйерс подробно разработала тринитарную философию художественного творчества, выделяя в любом литературном произведении три начала, соответствующие ипостасям Святой Троицы: Отец как первопричина и начало творения, творческий замысел; Сын как материальное воплощение этого замысла в слове, языке, стиле, образах, сюжете и т. п.; Дух как воздействие произведения на читателя. По словам Н. Эппле, «ее подход к литературе не похож на рассуждение о высоких и низких жанрах так же, как христианская картина мира не похожа на языческую. Если опыт всякого мастера вдохновенен, говорит Сэйерс, рассуждать о Боге вправе не только богослов, но и писатель, только используя в качестве материала для своих рассуждений не духовные материи, а литературные и, шире, творческие» (Эппле 2015). Соответственно, даже «массовый» детективный жанр Сэйерс постулирует как малый, но очень конкретный пример возвращения к Эдему — то есть к миру каким он должен быть, — подчеркивая, что, помимо всего прочего, он питает человеческую жажду справедливости.

2. Характеристика материала и методов исследования

В работе используются следующие методы: биографический, историко-культурный, а также структурно-типологический, структурно-семиотический анализ текста. Так как в российском литературоведении творчество Д. Л. Сэйерс остается сравнительно малоизученным, теоретической базой настоящего исследования стали работы ведущих зарубежных литературоведов, изучающих произведения Д. Л. Сэйерс (Б. Рейнольдс, К. Колон, К. Даунинг, Дж. Барбазона, К. Кенни, Э. Р. Грегори и др.), работы отечественных литературоведов П. А. Моисеева и А. Л. Борисенко по исследованию викторианского детектива, художественных особенностей детективного жанра и некоторых особенностей детективной прозы Д. Л. Сэйерс, а также работы по проблемам роли и функций

вертикального контекста в художественных произведениях (В. П. Андросенко, Н. Ф. Катинене, Л. В. Полубиченко, И. М. Магидова, М. В. Болдырева и др.).

В качестве материала исследования использовались тексты стихотворений, поэм, романов и пьес Д. Л. Сэйерс, ее письма, критические и литературоведческие статьи, эссе и выступления.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Несмотря на то что сама Сэйерс отказывалась разделять любую работу (в том числе и писательскую) на «светскую» и «религиозную», в самых общих чертах ее литературную карьеру можно разделить на две части: работа в «светском» детективном жанре и эксплицитно христианское творчество (в основном это упомянутые выше пьесы и радиопьесы; богословские эссе, статьи и трактаты Сэйерс, а также ее перевод «Божественной комедии» Данте, который сопровождается обширными комментариями, в том числе богословского толка, выходят за рамки настоящего исследования). Точно так же, в самых общих чертах, роль и функции религиозного элемента во всем ее художественном творчестве можно описать несколько парадоксальным термином «субверсивная ортодоксия»: с одной стороны, Сэйерс постоянно бросает вызов устоявшимся традициям, шокируя свою аудиторию неожиданным и порой провокационным подходом к библейскому материалу, а с другой стороны, настаивает, что именно эти провокационные, субверсивные идеи и выводы и являются самой настоящей христианской ортодоксией, возвращением к подлинной библейской догматике, поскольку именно «догма и есть самая настоящая драма» (Sayers 2004: 21) (перевод с английского здесь и далее мой, если не указано иначе. — О. Л.).

Сэйерс воспитывалась в семье англиканского священника, но «родители не накачивали ее христианством, так что ей пришлось приобретать свои религиозные убеждения самостоятельно» (Brabazon 1981: 23). Она сохранила христианскую веру, несмотря на личное неприятие многих религиозных текстов, устоев и практик, которые ее окружали. Вспоминая свои детские впечатления от рождественской литургии, она не скрывала, что некоторые псалмы казались ей «до невозможности тоскливыми», а знаменитый Пс. 22 («Господь — Пастырь мой») — «весьма приторным» (Sayers 1995: 155). В подростковом стихотворении «Горгулья» (*Gargoyle*, ок. 1908) она сравнивает каменную горгулью, извергающую на мостовую потоки воды, с проповедником, напыщенно разглагольствующим перед «усталой паствой», и лукаво замечает, что горгулья нравится ей куда больше, так как «никто не станет спорить, что сухие проповедники навевают страшную скуку»: *I like the Gargoyle best. He plays / So cheerfully on rainy days, / While parsons, no one can deny, / Are awful dampers when they're dry* (Brabazon

1981: 20). В ранней драматической поэме-мистерии «Осмеяние Христа» она сатирически изображает самые разные способы, с помощью которых люди на протяжении всей истории «адаптировали» Христа к ожиданиям и стереотипам культуры. Сэйерс предваряет поэму иронически-парадоксальным эпиграфом, «адаптируя» известный библейский текст Быт. 1:27: «Так сотворил человек Бога по образу и подобию своему» (*So man made God in his own image. The Book of Genesis (adapted)*). Основывая поэму на Мф. 18:20 («Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»), она помещает Иисуса в целый ряд разных исторических и современных ей контекстов, где люди, сойдясь вместе «ради имени Его», совершают корыстные, жестокие и бездумные поступки, не имеющие ничего общего с евангельским призывом к самопожертвованию и любви и превращающие Христа в «покладистого спасителя, который не будет ничего оспаривать и не станет никому бросать вызов» (Downing 2020: 10).

Публикуя мистерию в сборнике «Кафолические истории и христианские песни», Сэйерс заранее ожидала (и предупреждала об этом родителей), что и пьесу, и весь сборник воспримут в штыки и сочтут чуть ли не богохульством — и не только из-за довольно жесткой критики в адрес исторической и современной ей церкви, но и из-за того, что во включенных в сборник стихотворениях христианская истина была облечена в непривычные для многих традиционных верующих «языческие» и «светские» литературные образы. Уже по их названиям («Триумф Христа», «Ученик колдуна», «Мертвец», «Сын плотника», «Пьяница», «Мертвый бог Пан», *Rex Doloris, Lignum Vitae*, «Византия», «Добрый Пастырь», «Белая магия» и т. п.; всего 24 стихотворения вместе с мистерией) можно понять, что здесь Сэйерс исследует образ Христа с самых разных ракурсов, одновременно показывая разные грани того, как воспринимают Христа люди (от нежной дружбы в лирическом «Старший брат Христос» (*Christ the Companion*) до раздираемого горем сострадания и почти невольной любви в *Παντασ Ελκυσω*), и то, каким Он открыт в Священном Писании, превращая Христа в лирического героя (The Carpenter's Son) или облакая имена, даваемые Христу в Писании, в конкретные образы, чтобы «освежить» библейские истины, которые для многих стали слишком истертыми и потеряли реальность в результате того «одомашнивания» Бога, против которого Сэйерс восстает в «Осмеянии Христа». С этой целью Сэйерс вписывает Христа в исторический и культурный канон, опираясь на самые разные мифологические и литературные образы. Например, в стихотворении *Desdichado* («Лишенный наследства»; аллюзия к «Айвенго» В. Скотта) Христос, «прекрасный разбойник» (*the bonny outlaw*), «скрипач-плут» (*a rascal fiddler*) и «сказочный принц» (*a prince of fairy tale*), «Сын Бога и Женщины», которому негде приклонить голову (Мф. 8:20), бродит по миру с лютней и мечом, подобно средневековому менестрелю, чтобы однажды, вопреки изгнавшим его из дома

«пасынкам в доме Отца», принести из-за гор воду вечной юности, а в лирическом стихотворении *Christus Dionysius* Христос предстает в облике Диониса, бога смеха:

Young Dionysius

Crowned with thorns and vine:

His feet and hands are red with blood,

His mouth is red with wine.

Юный Дионис,

В венке из терна и лозы,

На Его ногах и руках — багряная кровь,

На устах — багряное вино.

Литературные и исторические аллюзии в текстах стихотворений и предваряющих их эпиграфах охватывают чрезвычайно широкий пласт мировой и британской культуры: помимо отсылок к новозаветным и ветхозаветным текстам, событиям и персонажам (Адам и Ева, Каин и Авель, Екклесиаст, Давид, Соломон, апостолы Петр, Иоанн и Павел и т. д.), Сэйерс упоминает греческих, египетских, скандинавских богов и героев (Дионис, Персефона, Пан, Озирис, Исида, Бальдр, Митра), Св. Августина, стоиков, папу Иннокентия III, римского императора Гелиогабала, героев средневековой валлийской легенды «Пуйл Пендефиг Дайфед» и валлийского короля Брана Благословенного, яшень Иггдрасиль и др. С одной стороны, Сэйерс не делает ничего радикально нового: многие литературные жанры формировались, «вбирая в себя не только античные, но и христианские мотивы и заимствовали образы из Библии и богослужебных текстов» (Сokolova 2011: 174). С другой стороны, она еще раз демонстрирует, что «любая драма религиозна, хотя бы по происхождению» (Сэйерс 2003: 100), что Христос принадлежит не только сугубо религиозной сфере человеческой жизни, но всей истории и культуре человечества, по выражению Дж. М. Хопкинса, «играя в десяти тысячах мест» (*As Kingfishers Catch Fire*), и, в каком-то смысле, все древние мифы и литературные архетипы являются отражением истинного «Мифа, ставшего фактом» (Lewis 1978: 63): «реальным, но несфокусированным отсветом Божией правды в человеческом воображении» (Матеева 2012: 160).

Кроме того, уже здесь Сэйерс явно дает читателям понять, что Христа можно называть каким угодно, но не скучным или покладисто-пресным. «Справедливости ради надо признать, что люди, распявшие Христа, никогда не обвиняли Его в занудстве, — писала она позднее в эссе «Величайшая драма, которую когда-либо разыгрывали» (*The Greatest Drama Ever Staged*, 1938). — Наоборот, Его считали слишком энергичным и потому небезопасным... Фактически мы взяли Льва из колена Иудина, подстригли Ему когти, окрестили Его “кротким и смиренным” и рекомендовали в качестве подходящего домашнего питомца для бледных священников и благочестивых старушек. Однако тем, кто Его знал, Он никак не казался скучным и безликим; наоборот, Его опасались как радикально настроенного смутьяна» (Sayers 1949a: 5). Эти и подобные выражения, тот язык

и стиль, которым пользовалась Сэйерс, говоря о Христе и вере, «побудили тысячи людей воспринять имя Христа всерьез, но при этом шокировали многих набожных христиан» (Downing 2020: 22), чьи протесты привели к самому настоящему скандалу (*the uproar of the controversy* [Sayers 1995: 94]), когда в 1941 г. компания Би-би-си начала транслировать цикл из 12 радиопьес Сэйерс под общим названием «Рожденный на Царство» (*The Man Born to be King*, 1941), представляющий собой драматизацию евангельского повествования.

Работая над циклом по заказу Би-би-си, Сэйерс отнеслась к проекту очень серьезно и посвятила почти год тому, чтобы самым тщательным образом перечитать Евангелия в оригинале и как следует изучить библейские комментарии и исторические источники, стремясь максимально сохранить историческую достоверность и драматический эффект евангельских событий. Считая Евангелие релевантным для всех времен и народов, Сэйерс хотела избежать того, чтобы ее герои действовали, как «священные особы», похожие на фигуры витража», или «высокопарные существа, которые говорят нараспев, а время от времени совершают что-то красивое или жестокое», и вместо этого сохранить субливерсивную, провокационную истину Евангелия и показать, что «Бога казнили похожие на нас люди в очень похожем обществе» (Сэйерс 2003: 104–105). С этой целью она ввела в речь римских солдат военные термины, до боли знакомые ее современникам, как раз переживавшим ужасы Второй мировой войны, а речь апостолов сделала похожей на речь лондонских рабочих и торговцев. Не меняя основное содержание Евангелия, она ввела в пьесы дополнительные сцены для контекстуализации притч Иисуса и для придания психологической достоверности как историческим, так и выдуманном ею персонажам — людям, которые слушали эти притчи и видели творимые Иисусом чудеса. Например, в пьесе 4 «Наследники Царства» (*Heirs of the Kingdom*), предваряя притчу Иисуса о неверном управителе (Лк. 16:1–13), Сэйерс предлагает слушателям вымышленную, но, по-аристотелевски, вполне вероятную сцену разговора апостолов о финансовой нечистоплотности, в которой сборщик налогов Левий Матфей, уча наивного Филиппа здравому смыслу, употребляет просторечные выражения, включая совершенно неприемлемый для уважаемых британцев американский сленг, и говорит на вульгарном лондонском кокни:

Matthew: Fact is, Philip *my boy*, you've *been had for a sucker*. Let him *ring the changes on you proper*. You ought to *keep your eyes skinned, you did really*. If I was to tell you *the dodges* these fellows *have up their sleeves*, you'd be surprised. <...> I'm not denying I've *pulled off some pretty shady deals* in my time.

Матфей: *Зелен ты милый*. С ними *глаз да глаз!* Они *та-акое умеют*, не поверишь! <...> И я в свое время *знал ходы-выходы*. Как говорится, *себя не забывал*. Сейчас не в том дело. Нельзя *ушами хлопать, голубчик*. Это

Took my rake-on on everything that went through *me 'ands*. That's how I *made my pile*. I'm not *sticking up* for myself. But it's not right to let *a twister get away with it* like that. It isn't fair to your friends (Sayers 1943: 117).

же общие деньги, не твои (перевод Н. Трауберг) (Сэйерс 2003: 206–207).

Настаивая на современной и контекстуализированной драматизации Евангелия, Сэйерс и Би-би-си бросали вызов не только трехсотлетнему британскому закону, запрещавшему любые театральные воплощения Иисуса (запрет изображать любую из ипостасей Святой Троицы непосредственно на сцене или в фильме был отменен в Англии только в 1965 г.), но и приверженности набожных британцев к традиционным формулировкам и архаичному языку Библии короля Якова (1611). Как это ни парадоксально, они достигли своей цели именно из-за шумного скандала, развернувшегося вокруг неортодоксального стиля и языка радиопьес: тысячи людей, никогда не интересовавшихся религией, впервые услышали Евангелие на понятном им языке и в результате обратились к первоисточнику. По словам одного из благодарных слушателей, «сам язык, который вы используете, “шокирует” нас, заставляя пересмотреть привычные понятия» (Welch 1943: 14). В предисловии к печатному варианту радиопьес Сэйерс иронизирует над теми, кто испытывает священный ужас от «вольного» обращения со старыми переводами Писания, которые сами когда-то были недопустимой ересью (стоит вспомнить хотя бы У. Тиндейла, сожженного на костре за тот самый английский перевод Евангелия 1525 г., который спустя сто лет лег в основу «неприкосновенного» текста Библии короля Якова), и призывает увидеть в Иисусе и других героях пьес самых что ни на есть реальных людей, а в Евангелии — «радостное провозглашение Божественной комедии» (Сэйерс 2003: 109). Она еще раз защищает свой выбор стиля и языка, протестуя против сакральности перевода, «который был сделан триста лет назад и... далеко не всегда точен и язык которого уже не всегда понятен и иногда вводит в заблуждение», и еще раз утверждает доктринальную ортодоксальность пьес, подчеркивая, что «христианская драма должна... вооружиться крепким костяком догмы» (Sayers 1981: 86): «Дурное, неточное богословие не выдержит проверки сценой. Я это проверяла и могу об этом свидетельствовать» (Сэйерс 2003: 101).

Что касается «проверки богословия сценой», ко времени написания радиопьес Сэйерс уже имела возможность попробовать себя в драматургии, как светской, так и религиозной. В 1928 г. декан Кентерберийского собора Джордж Белл начал в соборе серию драматизированных религиозных чтений, и со временем эта инициатива стала частью Кентерберийского фестиваля, первыми пьесами которого стали «Убийство в соборе» Т. С. Элиота (1935) и «Томас Кранмер,

архиепископ Кентерберийский» Ч. Уильямса (1936). Когда в октябре 1936 г. организаторы обратились к Сэйерс с предложением написать пьесу для фестиваля в следующем году, выбор ее в качестве потенциального автора пьесы на религиозную тему был далеко не очевиден. На тот момент первую пьесу Сэйерс, совершенно светскую салонную комедию «Медовый месяц в улье» (*Busman's Honey-moon*, 1936; русский перевод названия пьесы дан в соответствии с опубликованным русским переводом одноименного романа Д. Л. Сэйерс, написанного на основании пьесы в 1937 г. Авторы перевода — О. Попов, А. Савиных), даже не начали репетировать; Сэйерс была известна только как автор детективных романов и еще ничего не писала на религиозные темы. В качестве возможного автора пьесы для Кентерберийского фестиваля ее предложил Чарльз Уильямс, восхищавшийся ее «Осмеянием Христа», знавший о ее увлечении театром и, судя по всему, обсуждавший с ней свою работу над «Томасом Кранмером». Несмотря на первоначальные сомнения, Сэйерс согласилась взяться за проект, когда узнала, что ей совсем не обязательно имитировать «прекрасные стихи и изысканный мистицизм Элиота и Чарльза Уильямса» (Reynolds 1997: 275) и что фестиваль следующего года будет посвящен мастерам, художникам и ремесленникам. Сэйерс взяла за основу историю архитектора XII в. Вильяма из Сенса, которому в 1174 г. было поручено восстановить сгоревшие хоры Кентерберийского собора. Это дало ей возможность с нового ракурса исследовать одну из магистральных тем всего ее творчества — тему работы и «своего» дела как высшего, наиболее подлинного и полного выражения человеческого естества и призвания, а значит, Божьей славы (так как, по словам Ирины Лионского, «Божья слава — это человек, живущий полной жизнью», то есть полностью раскрывшийся, до конца осуществивший свой жизненный и творческий потенциал).

Одной из главных тем пьесы «Ревность по доме Твоем» (*The Zeal of Thy House*, 1937), само название которой является сложной и высокопотенциальной отсылкой одновременно к Ветхому и Новому Завету, является творец-художник, его работа как *Imago Dei*, и здесь Сэйерс «не только воплощает и драматизирует богословие работы вообще и творческого труда в частности, но и, подобно своему герою, выстраивает “здание” пьесы через создание уравновешенной симметрии, своеобразного “контрапункта” между целым рядом противоположных, но сосуществующих рядом точек: например, монахов и строителей, совета архангелов и совета клириков, грехов плотских и грехов духовных, Божьего провидения и человеческих действий, нечистоплотности Вильяма как человека и его внутренней цельности как художника-творца и т. п.» (Лукманова 2022: 43). Это динамическое равновесие противоположностей (которое, кстати, является еще одной магистральной темой творчества Сэйерс) проявляется не только в том, как она использует пространство средневекового храма и конвенции средневекового

театра — например, четко обозначая «верх» и «низ» и подчеркивая двойственность действия через вмешательство ангелов в земные дела, сохраняя присущий мистическому назидательный характер, обличая светские и церковные нравы и включая в сюжет чудесное раскаяние порочного героя, то есть «кульминацию, разрешаемую путем “чуда”, которое и дало имя самому жанру» (Забулионите, Виноградова 2016: 44), — но и в том, как она играет с этими конвенциями, самым неожиданным и парадоксальным образом сталкивая и перемежая высокое и низкое, серьезное и комическое, архаичное и современное. Сразу за торжественным литургическим речитативом Хора (*the Chorus*) следует совершенно обычный, почти канцелярский диалог великих архангелов, чья речь, пересыпанная бухгалтерскими и адвокатскими терминами, отсылает нас к раннему комическому рассказу Сэйерс «Кто заказывает музыку» (*Who calls the Tune*, 1917), где серафим и бес деловито и не без иронии подсчитывают, сколько лет чистилища полагается уважаемому миллионеру. Ангельские диалоги, где тонкое богословие и возвышенная ностальгия то и дело перемежаются с прагматичными расчетами и комичными жалобами на людскую беспечность, пародируют «духовные» диалоги земных клириков и ремесленников, где искреннее желание угодить Богу перемежается с неосознанными соображениями личной выгоды, а образованное остроумие — с грубовато-скабрёзным юмором. Сэйерс создает комические и драматические ситуации, чтобы подчеркнуть причудливое и не всегда понятное переплетение человеческой свободы и Божьего провидения (по подсказке архангела Гавриила спящий монах неожиданно просыпается, изрекает Божью волю и снова засыпает; веревку, на которой архитектор должен подняться к куполу собора, не проверяют по обычному человеческому недосмотру, но судьба архитектора уже предрешена на ангельском совете и т. п.).

Однако в фигуре главного героя пьесы Вильяма воплощается, пожалуй, главная для Сэйерс тема пьесы — размышления о парадоксе свободы воли и Божьего предназначения, а также вопрос о том, как святость и благочестие связаны с плодами творческой работы художника: важно ли художнику быть хорошим человеком, чтобы качественно делать свое дело, и является ли сам по себе творческий труд проявлением Божьей славы, поскольку в нем, по Иринею Лионскому, выражается «человек, живущий полной жизнью». Вильям, который отнюдь не отличается благочестием, одновременно и ощущает свободу бунтовать против Бога и Его воли («Я построю / то, что мне хочется, а без меня / не справиться и Богу Самому»), и почитает Бога как «Создателя здания», чувствуя с Ним особую родственную близость («Бог — такой же мастер, / такой же зодчий, как и я. Мы с Ним / всегда пойдем друг друга») (Сэйерс 2003: 52). «Сэйерс утверждает, что работа любого творца — архитектора, мастера или поэта — является

священнодействием» (Reynolds 1997: 283), и неудивительно, что в пьесе архангел Рафаил принимает труд Уильяма вместо положенных молитв.

«Ревность по доме Твоем» имела шумный успех; после показов в Кентерберии ее поставили на лондонской сцене, а затем труппа отправилась с ней в гастрольное турне. Оригинальность подхода к материалу, богословская глубина пьесы в сочетании с динамичностью сюжета, юмором и провокационными намеками на сексуальную жизнь главного героя вызывали живой интерес у самых разных зрителей. Именно тогда в рамках рекламной кампании по продвижению лондонской постановки Сэйерс написала эссе «Величайшая драма, которую когда-либо разыгрывали», опубликованное в газете *Sunday Times* за 3 апреля 1938 г., в котором не только утверждала исторический факт смерти и воскресения Иисуса, но и напоминала читателям, что Иисус то и дело шокировал Своих современников, и лишь «дальнейшие поколения приглушили Его поразительную личность и окружили Его атмосферой скуки» (Sayers 1949a: 5). Сама Сэйерс на дух не переносила скуку и отчасти поэтому до сих пор дистанцировала себя от религии и официальной христианской церкви, но теперь «вместо того, чтобы еще больше углубить поляризацию между верующими и скептиками, предложила обеим группам то, с чем могли согласиться и те, и другие: вне зависимости от того, верите вы в это или нет, сама мысль о том, что набожные люди могли убить Творца вселенной, все равно вызывает настоящий шок» (Downing 2020: 27), так что субверсивность, провокационность того, как Сэйерс выражала и воплощала ключевые доктрины христианской веры, по ее мнению, была вполне уместным и куда более верным отражением субверсивного, провокационного характера самого Евангелия и его главного Героя, нежели скучная и пресная «витражная» высокопарность.

Можно сказать, что благодаря «Кентерберийской пьесе» Сэйерс сама впервые открыла для себя драматическую силу христианской догмы и получила возможность «применить доктрину Воплощения к человеческим делам» (Sayers 2004: 16). Кроме того, благодаря «крепкому костяку догмы» к ней снова вернулось «то видение мира, которое было у нее в детстве: ощущение взаимосвязи и целостности вещей, взаимосвязанной логики, причины и следствия, рациональности» (Reynolds 1997: 284). Именно эта целостность взгляда, это ощущение нераздельности и онтологической благодати и рациональности мира, основанной на разуме благого Творца, не только позволяли Сэйерс не делать различия между «светскими» и «религиозными» произведениями, но и лежали в основе всех ее детективных романов. Когда в романе «Медовый месяц в улье» (*Busman's Honey-moon*, 1937) лорд Питер Уимзи неожиданно спрашивает Гарриет Вейн (которую ряд критиков признает «самым важным литературным *alter ego* самой Сэйерс» [Scowcroft 1986: 13]) и которая является основным протагонистом романа),

считает ли она жизнь фундаментально, онтологически благой, та с радостью отвечает: «Я всегда была абсолютно уверена, что жизнь — вещь хорошая; надо только ее наладить». К каком-то смысле расследование детективных загадок всегда было для Сэйерс не только интеллектуальным развлечением и поводом создать интригующий сюжет, но и малой эвкатастрофой (термин Дж. Р. Р. Толкиена) — частью этого «налаживания» жизни, противостояния насилию и восстановления справедливости, о которых, собственно, и повествует христианский «Миф, ставший фактом». Помимо описания и обоснования тринитарного богословия творчества, в трактате «Разум создателя» Сэйерс именно с этой точки зрения обосновала легитимность и важность детективного жанра, который — наряду с постоянным стремлением к точности деталей и тщательности предварительного исследования источников при написании даже самых «несерьезных» произведений («Единственная подлинно христианская работа — это хорошая работа, сделанная хорошо» [Sayers 1949b: 58]) — был значимым практическим воплощением ее мировоззрения и богословия.

На эту особенность детективов неоднократно указывает созданный Сэйерс блестящий детектив-любитель лорд Питер Уимзи, например, замечая в романе «Сильный яд» (*Strong Poison*, 1930), что в детективах «добродетель всегда торжествует над пороком. Детектив вообще самый невинный из жанров» (*the purest literature we have*) (Сэйерс 2013: 153). Стоит отметить, что, возможно, называя детектив «самой чистой» литературой, Сэйерс имеет в виду не невинность добродетели, а чистоту формы, соотнесенность общей детективной формулы с базовой нарративной структурой волшебной сказки («Они [детективы] действуют как сказки, предостерегая мачех и утешая Золушек», — говорит Гарриет Вейн в романе «Престолы, господства» (*Thrones, Dominations*, 1998), дописанном Дж. П. Уолш уже после смерти Сэйерс), а значит, и с базовой структурой мифа. Сэйерс одновременно опирается на эту основную формулу детективного повествования и развивает ее в новом направлении, представляя читателю куда более сложный процесс расследования преступлений и куда более неоднозначную фигуру детектива, нежели, например, в книгах Агаты Кристи. Хотя лорд Питер Уимзи сам прямо заявляет, что «не притязает на какие-либо религиозные верования» и «куда больше похож на безупречно одетого и любящего музыку Эркюля Пуаро у Кристи, нежели на смиренного и благочестивого отца Брауна у Честертона» (Downing 2020: 23), в плане взаимоотношения с Богом и противоборствующими силами добра и зла его роль куда труднее определить, чем у любого из детективов Кристи. К тому же, по словам С. Роуланд, «лорд Питер Уимзи у Сэйерс гораздо более осознанно относится к метафизическим последствиям своей роли... и его сомнения в том, насколько это нравственно допустимо — использовать свои социальные привилегии для расследования убийств, в самом

общем виде представляют собой характерное для детективного жанра напряжение (*tension*) между метафизической фантазией и секулярным реализмом» (Rowland 2001: 139). В своем исследовании религиозных элементов в детективной прозе Д. Сэйерс Э. Мискиммин доказывает, что в характеристике Уимзи его мучительные сомнения и тяжелая реакция после каждого расследования (чувство вины «палача», обостренное повышенным чувством ответственности) «не являются проявлением секулярного реализма, а представляют собой измерение его характера, созданное теологическими убеждениями Сэйерс... Сомнения в себе — это не вторжение секулярного реализма в образ детектива, представляющего собой фантастический метафизический образ справедливого “божества”, но попытка Сэйерс использовать своего детектива для исследования собственных убеждений относительно вины, невинности и личной ответственности. Уимзи осознает сложную и неоднозначную природу вины, понимает субъективность суждений и испытывает сомнения относительно права человека вмешиваться в процесс преступления и наказания» (Miskimmin 2004: 176).

Из всего этого следует, что напряжение, которое Сэйерс создает при характеристике Уимзи — и которое является еще одним примером упоминавшегося выше динамического равновесия противоположностей, — обусловлено скорее теологическим, нежели секулярным реализмом. Сэйерс сама писала, что в мире растущего хаоса, иллюзорности и отчужденности человека от себя и своей культуры лорд Питер «всегда символизирует реальность» (Sayers 1946: 210), и, поскольку «в постоянно меняющемся и динамично развивающемся мире люди не могут не искать прочную основу, что-то истинное и вечное» (Bakina 2022: 78), многочисленные библейские аллюзии, которые он использует в своей речи, являются не только средством двойного кодирования и постоянной аллюзивной игры автора с читателем, но и способом меткой самохарактеристики протагониста (например, он говорит: «А я пока побуду Марфой», имея в виду суетливую сестру Марии и Лазаря), емкого описания сложных концептов и идей (например, сравнение изначально ложной теории с Вавилонской башней) и создания комического эффекта («Голос, голос Иакова, а руки, руки Исава», — говорит он, когда его слуга проливает бренди, и шутливо цитирует Ис. 1:8, называя себя «шалашом в огороде»), а также задают определенный вектор для интерпретации как его слов и поступков, так и природы его внутренних конфликтов, поскольку «аллюзии... в сжатом виде позволяют читателям увидеть нечто большее, прочесть между строк то, что автор завуалировал» (Бакина, Федуленкова 2021: 150).

Кроме того, поскольку в 1930-е гг. христианская церковь оставалась значимой частью культурного ландшафта Англии, в детективных романах Сэйерс церковные обряды, тексты и праздники, а также представители церкви нередко

становятся частью повествования на уровне фона, сюжетных линий и персонажей, что позволяет Сэйерс не только нарисовать убедительную картину бытовой и социальной жизни в Британии в 1920–1930-х гг., выявив специфическую атмосферу и дух эпохи, но и еще раз дать героям возможность так или иначе взаимодействовать с религиозной составляющей их действительности, делая это взаимодействие частью их характеристики. Например, когда лорд Питер узнает, что его друг инспектор Паркер в свободное время читает комментарий к Посланию к галатам «для отдыха ума», он делает вывод, что крепкое богословие является «полезным упражнением для мозга», так как способствует сбалансированности и осторожности суждений в поиске истины, а значит, и в детективных расследованиях. Когда Гарриет в разговоре с сельскими жителями вдруг остро ощущает принадлежность мужа к традиционному укладу жизни, образ национальной традиции и здоровой иерархии, которая прочно укоренена в общей для нации истории и религии и потому вносит порядок в хаос современной жизни, прорисовывается не только благодаря прецедентному тексту (*I am married to England*), но и благодаря тому, что разговор вращается вокруг предстоящего концерта деревенского церковного хора, реальность которого остается неизменной через многие поколения (лорд Питер и местные жители обмениваются воспоминаниями о подобных концертах, упоминая одни и те же гимны, хотя жили и росли в совершенно разных местах) и который «всегда репетирует по средам». Надо сказать, что музыка у Сэйерс также является метафорой упорядоченной, благой и разумной жизни, и Уимзи то и дело играет или насвистывает Баха, с одинаковым энтузиазмом поет «вульгарные» евангельские гимны и «Назарет» Гуно и участвует в исполнении девятичасового колокольного перезвона. Проходящая через несколько романов история Билла Уильямса, бывшего взломщика сейфов, который «нашел Бога», покаялся, стал миссионером Армии спасения и возвращался к прежнему ремеслу только в благочестивых целях, когда лорду Питеру требовалась его экспертная помощь, помимо всего прочего, показывает теологический реализм лорда Питера, доверяющего возможности и реальности такого исправления куда больше, чем, например, жена его брата герцогиня Денверская, которая скандализована присутствием Билла на свадьбе лорда Питера и для которой религия, судя по всему, является лишь уступкой социальным конвенциям.

Наконец, нельзя не упомянуть роман «Документы по одному делу» (*The Documents in the Case*, 1930), который был для Сэйерс уникальным и экспериментальным сразу в нескольких отношениях. Во-первых, это единственный детективный роман Сэйерс, где дело не расследует лорд Питер Уимзи; во-вторых, роман был написан в новой для нее эпистолярной форме, и, в-третьих, механизм преступления (который Сэйерс считала основным двигателем сюжета любого детективного произведения) был основан на очень тонком оптическом различии

между природным и искусственно синтезированным веществом. Помимо сюжета способность света выявлять истинную природу органического и неорганического вещества дала Сэйерс еще и одну из центральных тем романа и его метафизическую составляющую. Свет является в романе не только механизмом разгадки убийства, но и поводом для глубокого богословского размышления о происхождении жизни и о Божьем возмездии, которое рано или поздно настигнет даже самого изощренного убийцу: «Луч света — рука Божья — наука, жизнь, истина — “свет, скользивший по водам Хаоса”, каким-то образом сформировал первый асимметричный атом на поверхности бездны, — чтобы потом, через миллионы веков, он уличил преступника в содеянном» (Reynolds 1997: 222).

4. Заключение

Критики называют Д. Сэйерс одной из «королев» золотого века детективной прозы — периода между 1918 и 1930 г., когда, по мнению Г. Хейкрафта, уровень литературности детективного жанра значительно повысился, авторы детективов стали стремиться к достоверности и правдоподобию, «и теперь их интересовала не столько “механическая” разгадка преступления, сколько развитие характеров персонажей» (Haucraft 1984: 158). Христианская тематика и идеология, подкреплявшаяся многочисленными упоминаниями Библии, церквей, общин, викариев, служб и проповедей, оставалась важной составляющей детективной прозы того времени и, во-первых, выступала в качестве мировоззренческого ориентира на благую и упорядоченную вселенную, где добро всегда побеждает зло, а во-вторых, направляла внимание читателя на органически релевантные для детективного жанра богословские темы вины, невинности и ответственности, преступления, наказания и правосудия. Обе эти функции религиозных элементов в детективной прозе, безусловно, характерны для творчества Дороти Л. Сэйерс, однако сам ее подход к этим нравственным и богословским вопросам оказывается куда сложнее, чем у большинства ее современников. Ее концовки более «открыты» и двусмысленны, чем, например, у А. Кристи, так как Сэйерс не оперирует однозначными понятиями «добра» и «зла», но постоянно подчеркивает относительность «вины» и «ответственности», обозначая различия между нравственным и юридическим значением этих слов, но не скатываясь при этом в нравственный релятивизм. Ее детектив находится в куда более сложных отношениях с Богом и с Божьим откровением, стоящими за справедливостью и упорядоченностью мира, но постоянно демонстрирует свою сущностную человечность, отказываясь судить преступника с позиции праведности и «тем самым... открывая потенциал для личных отношений между детективом и преступником» (Miskimmin 2004: 247), что, помимо всего прочего, является наглядным отражением отношения Христа к грешнику. Подобно многим другим

авторам детективной прозы, Сэйерс признает изначально заложенные в жанре богословские проблемы, считая теологические темы фундаментальной составляющей детективного жанра, но решает их по-своему, в русле той самой «субверсивной ортодоксии», которая лежит в основе ее общего подхода к христианским идеям и текстам: принимая ортодоксальную христианскую доктрину за данность, она воплощает ее в такие формы, которые позволяют ей подчеркнуть радикальный, субверсивный характер этой доктрины и ее частое несоответствие «одомашненным» и «адаптированным» о ней представлениям, и «именно эта способность приносить свое богословское понимание [мира] во все свои произведения придает детективной прозе Сэйерс то дополнительное качество, которого нет у ее современников» (Miskimmin 2004: 248).

Список литературы / References

- Бакина А. Д., Федуленкова Т. Н. Аллюзия как средство трансляции культурного кода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2021. Вып. 4 (56). С. 149–155 [Bakina, Anna D., & Fedulenkova, Tatiana N. (2021) *Alluziya kak sredstvo translyacii kul'turnogo koda* (Allusion as a Means of Translating the Cultural Code). *LUNN Bulletin*, 2021, 4 (56), 149–155 (In Russian)].
- Забулионите А. К. И., Виноградова Е. В. Миракль как содержательная форма средневекового театра // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 3 (23). С. 40–54. [Zabulionite, Audra-Kristina I., & Vinogradova, Elena V. (2016) *Mirakl' kak soderzhatel'naya forma srednevekovogo teatra* (Miracle as a Meaningful Form of Medieval Theater). *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 3 (23), 40–54 (In Russian)].
- Захарова М. А. Семантика и функционирование аллюзивных имен собственных: На материале англоязычных художественных и публицистических текстов: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара, 2004. [Zaharova, Maria A. (2004) *Semantika i funkcionirovanie allyuzivnyh imen sobstvennyh: Na materiale angloyazychnyh hudozhestvennyh i publicisticheskikh tekstov* (Semantics and Functions of Allusive Proper Names in English-Language Literary Fiction and Non-Fiction Texts: PhD Thesis in Philology). Samara. (In Russian)].
- Кашлявик К. Ю. Обращение Блеза Паскаля к Библии // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2011. Вып. 1 (13). С. 137–144. [Kashlyavik, Kira Yu. (2011) *Obrashchenie Bleza Paskalya k Biblii* (Blaise Pascal's References to the Bible). *LUNN Bulletin*, 1 (13), 137–144. (In Russian)].
- Лукманова О. Б. Вертикальный контекст в русских переводах детективных романов Дороти Л. Сэйерс // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 4 (64). С. 282–303. [Lukmanova, Olga B. (2023) *Vertikal'nyj kontekst v russkikh perevodah detektivnyh romanov Doroti L. Sejers* (The Vertical Context in Russian Translations of Detective Novels by Dorothy L. Sayers). *LUNN Bulletin*, 4 (64), 282–303 (In Russian)].
- Лукманова О. Б. «Догма — это и есть драма»: пьеса Дороти Ли Сэйерс «Ревность по доме Твоем» // EurasiaScience: Сборник статей XLV международной научно-практической конференции, Москва, 15 мая 2022 года. Т. 2. М.: «Актуальность.РФ», 2022. С. 43–45.

- [Lukmanova, Olga B. (2022) «Dogma — eto i est' drama»: p'esa Doroti Li Sejers «Revnost' po dome Tvoem» (“The Dogma is the Drama”: “The Zeal Of Thy House” By Dorothy Leigh Sayers). In *Collected Papers XLV International Scientific-Practical conference «EurasiaScience»*, Moscow, May 15, 2022. Vol. 2. Moscow: Actuality.RF, 2022, 43–45. (In Russian)].
- Матвеева А. С. Концепция мифа в этико-эстетических воззрениях К. С. Льюиса // Вестник ННГУ. 2012. № 1 (2). С. 159–161. [Matveeva, Anna S. (2012) Konceptsiya mifa v etiko-esteticheskikh vozzreniyah K. S. L'yuisa (The Concept of Myth in the Ethical and Aesthetic Views of C. S. Lewis). *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 1 (2), 159–161 (In Russian)].
- Соколова М. Ю. Эдем как основной хронотоп поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2011. Вып. 1 (13). С. 172–180. [Sokolova, Marina Yu. (2011). Edem как osnovnoj hronotop roemu Dzhona Mil'tona «Poteryannyj raj» (Eden as the Main Chronotope of John Milton's Poem “Paradise Lost”). *LUNN Bulletin*, 13, 172–180. (In Russian)].
- Сэйерс Д. Л. Создатель здания. Пьесы, статьи, стихи. М.: Хилтоп, 2003. [Sayers, Dorothy L. (2003) *Sozdatel' zdaniya. P'esy, stat'i, stihy*. (The Maker of the Building. Plays, Essays, Poems). Moscow: Hilltop. (In Russian)].
- Сэйерс, Д. Л. Сильный яд / пер. с англ. Марии Переясловой. Москва: АСТ, 2013. [Sayers, Dorothy L. (2013) *Sil'nyj yad* / per. s angl. Marii Pereyaslovoy (Strong Poison / translated from English by Maria Pereyaslova). Moscow: AST. (In Russian)].
- Эппле Н. В. Дороти Сэйерс, или Трудности легкого жанра [Электронный ресурс] // Правмир 24.04.2014. URL: <https://www.pravmir.ru/doroti-seyers-ili-trudnosti-legkogo-zhanra/> (дата обращения: 10.05.2024) [Epple, Nikolai V. (2014) (2024, May 10) *Doroti Sejers, ili Trudnosti legkogo zhanra* (Dorothy Sayers, or the Challenges of a ‘Light’ Genre) Retrieved from: <https://www.pravmir.ru/doroti-seyers-ili-trudnosti-legkogo-zhanra/>. (In Russian)].
- Bakina, Anna D. (2022) Biblical Allusions and Their Functions in the Works of William Shakespeare. *LUNN Bulletin*, 3 (59), 77–88.
- Brabazon, James. (1981) *Dorothy L. Sayers: A Biography*. New York: Charles Scribner's Sons.
- Downing, Crystal L. (2020) *Subversive: Christ, Culture, and the Shocking Dorothy L. Sayers*. Minneapolis: Broadleaf Books, 2020.
- Haycraft, Howard. (1984) *Murder for Pleasure: The Life and Times of the Detective Story*. New York: Bilbo and Tannen.
- Lewis, Clive S. (1978) *God in the Dock: Essays on Theology and Ethics*. Grand Rapids, Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company.
- Miskimmin, Esme. (2004) *Detective Fiction, Religion, and Dorothy L. Sayers. PhD thesis*.
- Reynolds, Barbara. (1997) *Dorothy L. Sayers: Her Life and Soul*. New York: St. Martin's Griffin.
- Rowland, Susan. (2001) *From Agatha Christie to Ruth Rendell: British Women Writers in Detective and Crime Fiction*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan.
- Sayers, Dorothy L. (1943) *The Man Born to Be King*. New York: Victor Gollancz Ltd.
- Sayers, Dorothy L. (1946) Gaudy Night. In Haycraft, Howard. *The Art of the Mystery Story: A Collection of Critical Essays*. New York: Simon & Schuster, 208–221.
- Sayers, Dorothy L. (1949a) The Greatest Drama Ever Staged. In Sayers, Dorothy L. *Creed or Chaos?* New York: Harcourt, Brace and Company, 3–7.
- Sayers, Dorothy L. (1949b) Why Work? In Sayers, Dorothy L. *Creed or Chaos?* New York: Harcourt, Brace and Company, 46–62.
- Sayers, Dorothy L. (1981) Types of Christian Drama: With Some Notes on Production. VII: *Journal of the Marion E. Wade Center*. Vol. 2, March 1981, 84–99.

- Sayers, Dorothy L. (1995) *The Letters of Dorothy L. Sayers, vol. 2: 1937 to 1943, From Novelist to Playwright*, ed. Barbara Reynolds. New York: St. Martin's Press.
- Sayers, Dorothy L. (2004) The Dogma is the Drama. In Dorothy L. Sayers. *Letters to a Diminished Church*. Nashville: W Publishing Group, 15–22.
- Scowcroft, Phil L. (1986) Sayers' Alter Egos. *Sidelights on Sayers*, 17, 13–16.
- Welch, James W. (1943) Foreword. In Sayers, Dorothy L. *The Man Born to Be King*. New York: Victor Gollancz Ltd., 9–16.

УДК 821.161.1.0

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-181-195

ФОРМЫ ПРИСУТСТВИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СМЫСЛ «КИТАЙСКОГО» В ПОЭТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ В. КУЧЕРЯВКИНА «ДО ЯНДЖОУ ТЫСЯЧА ЛИ»

Цзоу Синь

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Одним из свидетельств творческого интереса современных русских поэтов к картине мира и системе ценностей, созданным дальневосточной культурой, является лирический цикл В. И. Кучерявкина «До Янджоу тысяча ли» (начало 1990-х); в предлагаемой статье анализируются некоторые «китайские» образы и мотивы этого цикла.

Мы выявляем в цикле «До Янджоу тысяча ли» как символы, восходящие к классической китайской поэзии (например, образ бабочки), так и реалии, связанные с бытом, в том числе современным (названия предметов одежды, игр, крепких напитков и т. д.).

Подробнее, чем в статьях наших предшественников — литературных критиков, обсуждается то, как именно поэт использует «китайские» реалии, имея в виду при этом не настоящий Китай, а русскую жизнь 1980–1990-х гг., Ленинград / Петербург, и в частности драматические события лета 1991 г. При этом — несмотря на очевидные огромные различия между Китаем и Россией — поэт (как мы предположили, пользуясь возможностью посмотреть на русские стихи «с китайской стороны») находит общее между Петербургом и двумя китайскими городами, прямо названными в цикле: Янчжоу, поэтический двойник Петербурга у Кучерявкина, — богатый город у реки, и судьба этого города в иные эпохи определяла судьбу страны; слова о «блокаде Чанджоу» в стихах Кучерявкина заставляют читателя вспомнить блокаду Ленинграда.

Таким образом, близкое, хорошо знакомое (Петербург, Россия) изображается Кучерявкиным через незнакомое и далекое (Янчжоу, Чанджоу, Китай) — и этот семантический прием можно признать определяющим поэтику цикла. Для цикла характерно смешение примет разных культур, соседство лексем, восходящих к разным языкам. «Китайское» здесь не только указывает на «русское», но и соседствует с «античным» (имена китайских божеств могут присутствовать в стихотворении, написанном гекзаметром); «китайское», таким образом, отождествляется с «деревенским», идиллическим, простым и скромным; такое понимание китайского, возможно, соотносится с представлениями о китайской философии.

Иногда стилистический гротеск производит впечатление намеренной шутки: в цикле Кучерявкина можно увидеть, в частности, шуточный ответ на созданное несколько ранее «Китайское путешествие» (1986) О. Седаковой, писавшей о подлинном Китае и гармонично соединявшей «китайское» и «европейское». Такая интерпретация позволяет нам обнаружить принципиальные различия характера и смысла обращения к китайским мотивам и образам в разных современных индивидуальных поэтических системах.

Ключевые слова: В. И. Кучерявкин; «До Янджоу тысяча ли»; О. А. Седакова; русская поэзия 1980–1990 х гг.; рецепция китайской культуры в России.

Цитирование: Цзоу Синь. Формы присутствия и художественный смысл «китайского» в поэтическом цикле В. Кучерявкина «До Янджоу тысяча ли» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2024. Вып. 2 (66). С. 181–195. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-181-195.

Forms and Meaning of “Chinese” Details and Symbols in Vladimir Kucheryavkin’s Poetic Cycle “*It’s A Thousand Li to Yangzhou*”

Zou Xin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir Kucheryavkin’s lyrical cycle “*It’s a Thousand Li to Yangzhou*” (written in the early 1990s) is an interesting manifestation of contemporary Russian poets’ creative interest in the cultures of the Far East (and specifically the Chinese culture), which until now has not been sufficiently appreciated and interpreted as such. In the cycle “*It’s a Thousand Li to Yangzhou*,” the author identifies both symbols that go back to classical Chinese poetry (e.g., the image of a butterfly) and details embodied in everyday life (clothes, games, strong drinks, etc.) and provides a detailed discussion of how the poet uses “Chinese” details, referring not to the real China, but to Russian life in the 1980–90s, Leningrad (or St. Petersburg), and, in particular, to the dramatic events of August, 1991. Leaning on their own Chinese perspective, the author suggests that, despite the obvious huge differences between China and Russia, the poet finds common traits between Petersburg and the two Chinese cities explicitly named in the cycle. Yangzhou, Kucheryavkin’s poetic double of Petersburg, is a rich city by the river, whose fate has often determined the fate of the country, and even the words about the “siege of Changzhou” in Kucheryavkin’s poems make the reader recall the siege of Leningrad during WWII. Thus, we conclude that the close and familiar (i.e., St. Petersburg, Russia) is portrayed by Kucheryavkin through the unfamiliar and distant (Yangzhou, Changzhou, China), and this semantic technique can be recognised as that which defines the poetics of the cycle. The cycle is characterised by a mixture of signs of different cultures and the juxtaposition of lexemes derived from different languages. “Chinese” details here not only point to things Russian, but are also mixed with signs of Antiquity (e.g., the names of Chinese deities may be present in a poem written in classical Greek hexameter). “Chinese” often means “rustic”, idyllic, simple and modest; such an understanding of Chinese may correspond to European perception of Chinese philosophy. Sometimes the stylistic grotesque gives the impression of a deliberate joke, and the author suggests that in Kucheryavkin’s cycle one can see, among other things, a humorous response to “*The Chinese Journey*,” written a little earlier (1986) by the Russian poet Olga Sedakova, who harmoniously combines “Chinese” and “European” and tries to depict the authentic China. The author concludes by outlining fundamental differences in usage and meaning of Chinese motifs and images in different modern poetic systems.

Ключевые слова: Vladimir Kucheryavkin; “*It’s a Thousand Li to Yangzhou*”; Olga Sedakova; Russian poetry of the 1980s-1990s; reception of Chinese culture in Russia.

Citation: Zou Xin. (2024). Forms and Meaning of “Chinese” Details and Symbols in Vladimir Kucheryavkin’s Poetic Cycle “*It’s A Thousand Li to Yangzhou*”. *LUNN Bulletin*, 2 (66), 181–195. DOI 10.47388/2072-3490/lunn2024-66-2-181-195.

1. Введение

Как известно, китайская культура не позднее XVIII века начала привлекать внимание европейцев, вызывая исследовательский интерес, порождая подражания, оказывая влияние на европейскую, в том числе и на русскую, философскую мысль и искусство.

Традиционная китайская образность и использование художественных приемов классической китайской поэзии заметны в оригинальном творчестве русских переводчиков с китайского — например, у А. И. Гитовича (1909–1966), который прямо называл некоторые свои стихи «подражанием китайскому» (Гитович 1978). «Китайское» начало заметно для носителей китайской культуры также в книге «Стихи о Прекрасной Даме и об Одном Господине» еще одного известного переводчика, Л. Е. Черкасского (1925–2003) (Лю Чжицян, Ван Фэн 2020).

Сравнительно хорошо изучены восточные, и в частности китайские, стилизации в русской культуре эпохи модерна (в том числе позднего), среди которых особенно выделяется поэтический цикл Н. Гумилева «Фарфоровый павильон» (1918) (см., напр.: [Осьминина 2017, 2020; Цзя Юннин 2019; Коваленко; Пороль 2021 и др.]).

В последние десятилетия восприятие Китая становится все более широким, и присутствие «китайского начала» в русской литературе, в поэзии в частности, можно оценивать как значимое явление. Это проявляется в распространении китайского языка, и во все возрастающем числе переводов, в том числе и самой современной поэзии, и в использовании художественных приемов, маркированных как «китайские», и в формировании образа Китая как предмета изображения, и в обращении русских поэтов к традиционной китайской символике и к идеям китайской философии. Контакты между русскими и китайскими литераторами-ровесниками стали в последние годы более живыми и непосредственными, в том числе и по техническим причинам, — мы можем не только знакомиться с публикуемыми антологиями, монографиями и пр., но и присутствовать на русско-китайских поэтических встречах с синхронным переводом, слушать диалог русских и китайских поэтов. Как можно было ожидать, отражение и использование образов китайской культуры в современной русской поэзии изучаются (см., напр.: [Медведева 2008; Хабибуллина 2013]), однако предметом преимущественного внимания становятся пока отдельные авторы и тексты, чаще всего «Китайское путешествие» (1986) О. Седаковой, назвавшей Китай «общей европейской темой» (цит. по: [Бавильский 2003]; о «Китайском путешествии» (см., напр.: [Жолковский 2009; Черныш 2016; Хабибуллина 2021] и др.). В последние годы, однако, появился ряд статей Е. И. Зейферт, обращающейся к разным современным русским поэтам, вступающим в диалог с китайской культурой, и эти статьи можно считать началом основательной разработки темы

(Зейферт 2018a, 2018b, 2019a, 2019b, 2020, 2021; Zeifert 2019). Основное внимание этого исследователя привлекает организация художественного пространства в лирике, соотносимая и самой исследовательницей, и некоторыми из ее героев с особенностями перспективы в традиционном китайском изобразительном искусстве; мы же займемся другим: тем, как в современной русской поэзии используются китайские реалии и традиционные символические образы.

2. Характеристика материала и методов исследования

Непосредственным объектом нашего исследования является лирический цикл петербургского поэта Владимира Ивановича Кучерявкина с выразительным названием «До Янджоу тысяча ли», написанный в 1990-х гг. и вошедший в одноименный сборник 2018 г. под обложкой с изображением разноцветного дракона.

Поэт и переводчик В. И. Кучерявкин родился в 1948 г. в Калининграде, в 1977 г. окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета.

Присутствие «китайского» в творчестве Кучерявкина отмечалось в критике (еще до появления книги 2018 г.) и довольно высоко оценивалось как художественный прием, хотя, на наш взгляд, пока не анализировалось достаточно подробно. М. Хабибуллина писала о Кучерявкине: «Поэтическая свобода, ироничность и изобретательность (нередко парадоксальная) Кучерявкина позволяет по-новому осмыслить богатство культурных традиций и возможности их взаимодействия» (Хабибуллина 2013: 226). Однако, насколько нам известно, исследователи, отмечавшие «китайское» в лирике Кучерявкина, не комментировали тот смысл, который символы и образы, используемые русским поэтом, имеют в китайской культуре. Научную новизну нашей работы мы видим в создании такого комментария, который позволит увидеть, оценить, как именно русский поэт работает с китайской символикой, используя ее в своих художественных целях и неизбежно трансформируя.

Наша гипотеза состоит в том, что Кучерявкин при помощи маркированно «китайских» (а иногда и «японских») лексем, образов и некоторых художественных приемов изображает современную русскую жизнь, и это предполагает, конечно, существенную трансформацию традиционной китайской символики.

Методология нашей работы определена преимущественным вниманием к художественному смыслу использования «китайских» деталей и символов в анализируемых стихах, тем, что основной предмет предлагаемого исследования — поэтика Кучерявкина. Пониманию художественного смысла должно предшествовать, разумеется, буквальное понимание упоминаемых реалий, топонимов и пр., поэтому мы позволили себе, опираясь на наши представления о китайской

культуре и истории, предложить некоторый реальный комментарий (например, говоря о том, почему определенные китайские города выступают у Кучерявкина поэтическими двойниками Ленинграда / Петербурга).

3. Результаты исследования и их обсуждение

Кучерявкин так определил свою связь с Китаем: «Я слушаю Китай, как дальний родич» (Кучерявкин 2001: 173).

В современных работах о творчестве Кучерявкина уже констатировались такие важные черты его поэтики, как «гротеск и сюрреалистическая образность» (Панина 2012: 195). «Китайские» символы и реалии в значительной степени также входят в состав гротескной картины мира и при этом накладываются в стихах Кучерявкина не просто на «общечеловеческое», «европейское» или даже обобщенно «русское», но на узнаваемое петербургское. Кроме Ленинграда / Петербурга в стихах Кучерявкина детализированно и узнаваемо изображается — и тоже заgrimированная «под Китай» — любимая псковская деревня поэта, в которой он живет летом. «Китайское» таким образом сближается с «деревенским», и, в частности, это мотивируется «философским» требованием простоты и скромности жизни:

*Когда голова разбежалась куда-то,
Ушами приветливо в небе махая,
Я знаю: то кайф подошёл бородатый,
Призывно виляя хвостом малахая.*

*Трамвай запылённый забухал по рельсам,
Где горько глядит пассажир на меня,
Развесив кудлатые, нервные пейсы
На фоне встающего сумрачно дня.*

*И здесь, за хребтами Тянь-Шаня, в долине
Конфуций копает весной огород.
Летает по воздуху ловко мотыга.
И песни спивает счастливый народ.*

*А каллиграф ползабытого княжества У
Бабочкой лёгкой блаженно порхнул на траву.*

(Кучерявкин 2018: 9–10).

Кучерявкин хорошо знает дальневосточную культуру, но это не мешает ему вообразить Конфуция в роли, более свойственной римскому поэту Горацию,

и даже — здесь стилистический контраст особенно резкий — вводить в «китайско-русский» текст украинизм *спивает* («украинское», «малороссийское» или южнорусское здесь ассоциируется с сельским), еврейские пейсы и *кайф*, который, вполне возможно, для автора еще сохраняет свою ассоциативную связь не с Дальним, а с арабским Ближним Востоком; в стихах сосуществуют черты и явления, принадлежащие разным историческим эпохам: рельсы трамвая и Конфуций.

В «Китайском путешествии» О. Седаковой (Седакова 2001), написанном ненамного раньше, чем «До Янджоу тысяча ли» (в 1986 г.), Китай был представлен совсем иначе: во-первых, Седакова, побывавшая в Китае и сохранившая о нем добрую память, не только использует китайскую символику и разделяет некоторые даосские идеи, но и изображает (вспоминает) подлинный Китай; во-вторых, русское (европейское) и китайское в ее стихах, как было отмечено в предыдущих статьях, не сталкиваются, а сливаются совершенно гармонически (см. об этом произведении, напр.: [Черныш 2016; Хабибуллина 2021; Цзоу Синь 2023]). Учитывая большую известность Седаковой в творческих кругах (и даже, рискнем сказать, ее подавляющий авторитет), довольно небольшой временной зазор между появлением «Китайского путешествия» и цикла Кучерявкина, а также очень заметные различия в способах обращения к «китайскому» в произведениях Седаковой и Кучерявкина, позволим себе предположить, что «До Янджоу тысяча ли» является, помимо прочего, еще и ироническим (или по крайней мере шутливым) ответом на очень серьезные стихи Седаковой. «Китайское» у поэта 1990-х гг., в отличие от того, что мы видели в творчестве Седаковой, может приобретать характер комической мистификации.

В приведенном выше стихотворении Кучерявкина заметна еще одна художественная функция введения «китайского»: как видно уже по первой строке, семантика здесь непростая, сочетания слов необычны («голова разбежалась» и т. п.). «Китайское» как экзотическое, чужое, заведомо непонятное является одной из внешних примет этой семантической сложности, как бы оправдывает, мотивирует ее.

Справедливости ради признаем, что китайская символическая образность может появляться в стихах Кучерявкина и без всяких иронических трансформаций и семантического гротеска. Так происходит, например, в лирическом финале приведенного выше стихотворения, в финале, в котором, видимо, едущий из Петербурга измученный горожанин достигает наконец своей цели — не названной прямо деревни Усть-Волмы:

*А каллиграф ползабытого княжества У
Бабочкой лёгкой блаженно порхнул на траву.*

(Кучерявкин 2018: 10)

Символика очень распространенного в китайской поэзии всех времен образа бабочки связана с представлениями о жизненной силе, свободе и красоте (понятно, что этот символический образ встречается не только в китайской литературе; см.: [Pang Huan 2015; Мартынова, Слипецкая 2021] и др). Вот характерный случай использования образа бабочки в классическом древнекитайском стихотворении, у Ду Фу (перевод Н. Азаровой):

*к домику тётушки хуан сы
тропинка полна цветами
бутонов тяжестью тысячи тысяч
ветки на землю легли
бабочек здесь безотрывна игра
постоянен прерывистый танец
в изнеженной взвеси как-раз зазвучит
свободной иволги крик*

(Ду Фу 2012: 90)

Название цикла начала 1990-х гг., давшего название книге 2018 г., вряд ли можно трактовать буквально. Как известно, *ли* (里) представляет собой единицу длины, один ли равен 500 метрам. Если Янчжоу (реально существующий и даже знаменитый китайский город) можно соотнести с Ленинградом / Петербургом, то от идиллической деревни Усть-Волма под Новгородом до него все-таки не 500 километров, а в два раза меньше... Тысяча ли — значит, видимо, просто «очень далеко»; название цикла и книги задает, таким образом, на китайский манер границы пространства лирического мира, указывает на два важных для лирического героя места: большой город, где происходят опасные события, и деревню, от которой до большого города «очень далеко».

Некоторые черты при этом все же сближают реальный Петербург и Янчжоу: так, Янчжоу, стоящий на Янцзы, пользуется, как и Северная Венеция — Петербург, славой города, богатого водой. В истории своей страны Янчжоу, как и Петербург, играл важную, определяющую роль (принято считать, что по Янчжоу, месту процветания и упадка, можно узнать судьбу страны (Qian Mu 1997: 14).

Кучерявкин запомнил этот топоним, скорее всего, потому, что древний город нередко упоминается в классической китайской поэзии. Так, Ли Бо в стихотворении «У башни Желтого журавля провожаю Мэн Хаожаня» (黄鹤楼送孟浩然之广陵) писал: «Когда я расстался со старым другом на башне Журавлиной, в марте сквозь дымку лепестков мой друг отправился в город Янджоу» (故人西辞黄鹤楼，烟花三月下扬州。) (Китайский поэт Золотого века 2011: 35).

Янчжоу всегда был политическим, экономическим и культурным центром юго-восточного побережья, и это определило многие драматические эпизоды

в его истории. Отношения между северной и южной частями Китая либо способствовали, либо препятствовали его процветанию. В XII веке война дважды разрушала город; поэт Синь Цицзи (1140–1207) писал: «Сорок три года прошло, а я все вспоминаю пожар, когда еду в Янчжоу». В мае 1645 г. цинская армия за неделю с небольшим убила 800 тыс. жителей Янчжоу, весь город представлял собой реки крови и горы трупов (об этом подробно рассказано в книге Ван Сюйчу «Дневник десяти дней Янджоу»).

Вот что говорит петербургский поэт о большом городе своего мира:

*И в глазах у них бродит тоскливых кровавый Янджоу
О, Янджоу мой, Янджоу, неужто совсем ты, совсем провалился в
болото¹?*

(«После путча (день второй)»
[Кучерявкин 2018: 42])

*Радио брешет про тигров на улицах моего Янджоу,
Да про бунтующих граждан, удравших в леса от закона.
«Ветер по травам задул. Облака появились на небе...»
И на глазах Янджоу опять становился,
Бабочки череп пустой с раскрытыми в небо зубами*

(«19 августа (тряся головой)»
[Кучерявкин 2018: 38])

*Июль настал в Янджоу, слышь, едрит-то.
Ни водки выпить, ни вина, братцы.*

(«Скрипит будильник на столе сердитый...»
[Кучерявкин 2018: 32])

Кучерявкин описывает драматические политические события в России 1991 г. как события в Китае. Можно осторожно предположить, что здесь «китайское» означает политически архаичное и жестокое (такая семантика у «Китая», «китайского» в русской культуре, особенно XIX века, присутствовала; отсюда, например, слово «китайщина» с его пейоративной коннотацией); можно, опасаясь упрощений, ограничиться предположением, что изображение своего (русского) как чужого и экзотического обеспечивает потрясенному наблюдателю некоторую психологическую дистанцию между собой и происходящим, позволяет «остранить» это происходящее. В русской культуре прошлого, особенно

---

¹ Заметим эту отчетливо петербургскую деталь ландшафта, — понятно, конечно, что здесь образ «болота» имеет символический смысл.

в XIX веке, Китаю в целом нередко приписывались устойчивые и единые характеристики («китайский застой» и пр.), но в XX и тем более XXI веке Китай такими простыми определениями исчерпан быть не может: если Янчжоу у Кучерявкина «кровавый», то «китайская» деревня у Кучерявкина — мирная и мудрая.

Иллюзия Китая создается, в частности, введением в текст определенных слов: это не только *дацзыбао* (не требующее пояснений после событий «культурной революции»), но и более экзотически звучащие для русского читателя *мацзян* (азартная игра), *байцзю* (крепкий напиток, близкий к водке) и загадочные *тёгони* (финны?):

*...Талдычит бессонное радио про мацзян
возле храма
Там мандарины шальные кому-то грозят,
Крыс гоняя по кабинетам, стучат по столам дацзыбао,
Да мандарин Лу Чи Ян трясёт перед носом прокушенным
пальцем.
Зреет в туманах моя кукуруза на призрачной грядке.
Хижины глухо закрыты. Но там, за туманом, тёгони
в лесу
собрались, на кордоне.
Лысину потирают, снимут штаны и наденут,
байцзю
разливают по чашкам,
И в глазах у них бродит тоскливых кровавый Янджоу...*

(Кучерявкин 2018: 42)

Примеров использования китайских лексем и обращения к китайским реалиям в творчестве Кучерявкина немало. Приведем еще один: в стихотворении «Продаю картины»¹ появляется слово *пао*, обозначающее халат, один из важных видов китайской традиционной одежды (袍):

*Встану утром и попрыгал,
Задирая пао... Но
Мимо бегают вприпрыжку
Тожже тени, как в кино.*

(Кучерявкин 2018: 9)

---

¹ Обратим внимание на крайне необычное для русской поэтической традиции и, напротив, весьма распространенное в русских переводах китайской лирики употребление в названии глагола в форме первого лица единственного числа настоящего времени. Об этой характерной для поэзии Кучерявкина разных лет «китайской» формальной особенности сейчас пишет наш коллега Сью Шуан.

Хотя лексемы здесь китайские, сами явления и вещи, которые ими обозначены, вполне присутствуют в русской, петербургской жизни начала 1990-х гг.

Ленинград / Петербург ассоциируется в стихах Кучерявкина не только с Янчжоу, но и с другим китайским городом, история которого также отмечена драматическими событиями, — Чанджоу:

*Китайский рабочий проходит вперёд
И мне улыбается мудро.
И я по бульварам вприпрыжку бегу,
Чуть только проклюнется утро.*

*Я в очередь встану за колбасой,
И скажет старушка с авоськой:
Ты прежде блокаду Чанджоу переживи,
А потом улыбайся зубами.*

(Кучерявкин 2018: 20)

Блокада Чанджоу (常州之战) произошла в 1275 г.; город был захвачен, а его защитники убиты. Понятно, что в русских стихах, тем более написанных петербуржцем, слово «блокада» вызывает в памяти прежде всего блокаду Ленинграда.

Обращение к китайской культуре в европейской литературе почти непременно предполагает обращение к идеям восточной религиозной философии, известной в Европе, возможно, уже в конце XVIII века, приобретшей большую популярность на Западе в XX веке и сохраняющей эту популярность и в XXI веке. Уже показывалось, что идеи даосизма имеют очень большое значение для картины мира в «Китайском путешествии» Седаковой (см. об этом, напр.: [Цзоу Синь 2023]). Поскольку некоторые идеи дао воспринимаются Седаковой очень сочувственно (хотя и, разумеется, как уже отмечали исследователи, лишь в той степени, в какой они не противоречат христианству), то в «Китайском путешествии» практически отсутствует специальная терминология, связанные с этими важными представлениями об устройстве мира «специально китайские» слова: такие слова, требуя комментария, разрушали бы пафос стихотворения и, что еще существеннее, лишали бы обозначаемые «странными словами» представления их общечеловеческого значения, в котором Седакова уверена.

В иронической лирике Кучерявкина, напротив, присутствуют имена существ из языческого китайского пантеона (по мнению синологов, не всегда поддающиеся точному объяснению). Например, в стихотворении «Вот и вечер настал потихоньку. Садится игривое...» поэт возлагает надежду на Верховного Владыку — Шан-ди:

*Тучки идут потихоньку, всё с севера тянутся. Даст Шан-ди,
к ясной погоде.*

*Быстро созреют мои огурцы-помидоры, только б дожди
не посыпались сверху.*

*Вот сижу у окна и с надеждою в небо гляжу, облака
где меняют фигуры.*

*Ветер стихает, ложатся под окнами пёстрые тени,
мошки играют.*

(Кучерявкин 2018: 36)

«Даст Шан-ди» — это, конечно, аналог русского «даст Бог», хотя в религиозном отношении и не вполне точный. Можно предположить, что употребление этого «языческого» словесного оборота, несколько не свидетельствующее об увлечении поэта языческими представлениями, позволяет здесь не упоминать имени Божия всуе. Может быть и то, что именование языческого божества представляется поэту более уместным в стихах о самых простых, материальных, первобытных ценностях: поэт молится о хорошем урожае (*Быстро созреют мои огурцы-помидоры*). Заметим, что «патриархально-языческая» окраска этого стихотворения поддерживается и выбранным античным размером, гекзаметром. Похожее видим и в еще одном стихотворении, где лирический герой обращается к *тян-ши*, сразу переводя это выражение на русский: ангел-хранитель, а определяющей темой оказывается обречение рыбы и приготовление пищи.

*Утром ловил карасей за забором в пруду,
шевели заводными глазами.*

*Будет теперь чем кормиться семейству и кошке голодной,
опухшей от каши.*

*Жарко, и ветер колобродит лениво по листьям моих
восхитительных яблонь.*

*Флюгер на палке бормочет едва и, стихая надолго,
не машет ушами*

Тихий и я у окошка сижу, полутёмный какой-то.

Гляжу в бездонное небо,

*Где пролагает мне путь между звёзд мой **тян-ши**, печальный
и ласковый ангел-хранитель.*

*Бабочек мирно считаю, порхающих с грядки на грядку,
и сны вспоминаю,*

*Где карасей я ловил, как сегодня, кому-то готовил
приятную пищу.*

(Кучерявкин 2018: 36)

Здесь соотнесенность «китайского» и «античного» еще яснее и проявляется, в частности, в выборе эпитета для финала: эпитет «приятный» — один из самых частотных в «Одиссее», переведенной Жуковским.

4. Заключение

Если в русской культуре прошлого, особенно в XIX веке, Китаю в целом нередко приписывались устойчивые и единые, преимущественно негативные характеристики (отсюда, например, слово «китайщина»), то в XX и тем более XXI веке Китай такими простыми определениями исчерпан быть не может (в цикле Кучерявкина есть и «кровавый» Янчжоу, и мирная и блаженная «китайская» деревня).

Обращение к китайской культуре становится существенной, органичной, неслучайной чертой русской литературы, характер этого обращения, функции «китайского» и образ Китая со временем меняются, причем эти изменения объясняются не только индивидуальными особенностями отдельных русских авторов, но и процессами, происходящими в русской литературе в целом, особенностями разных литературных школ.

Список литературы / References

- Бавильский Д.* В словах, а не путем слов. Ольга Седакова отвечает на вопросы Дмитрия Бавильского. Часть вторая [Электронный ресурс] // Топос: литературно-философский журнал. 18 марта 2003. URL: <https://www.topos.ru/article/996> (дата обращения 07.11.2023). [Dmitrij Baviľ'skij. (2003, March 18) (2023, November 07) V slovah, a ne putem slov. Ol'ga Sedakova otvechaet na voprosy Dmitrija Baviľ'skogo. (In Words, not by Words. Olga Sedakova Answers Dmitry Baviľsky's Questions.), Part Two. *Topos: literary and philosophical magazine*. Retrieved from: <https://www.topos.ru/article/996>. (In Russian)].
- Гитович А. И.* Избранное. Л.: Лениздат, 1978. [Gitovich, Aleksandr I. (1978) *Izbrannoe* (Selected Works). Leningrad: Lenizdat. (In Russian)].
- Жолковский А. К.* Новый авангард — новая классика (Лосев, Седакова, Лимонов) // Авангард и идеология: русские примеры. Ред.-сост. Корнелия Ичин. Белград: Издание филол. ф-та Белградского университета, 2009. С. 685–696. [Zholkovskij, Aleksandr K. (2009) *Novyj avangard — novaja klassika* (Losev, Sedakova, Limonov) (New Avant-garde — New Classics “Losev, Sedakova, Limonov”). In Ichin, Cornelia (ed. and compl.) *Avant-garde and Ideology: Russian Examples*. Belgrade: Publication of the Faculty of Philology, University of Belgrade, 685–696. (In Russian)].
- Зейферт Е. И.* Китайское в новейшей русской поэзии: синхронная многомерность, идеограмма и взаимообогащение художественных элементов // Новое литературное обозрение. 2018а. № 6. С. 250–261. [Zejfert, Elena I. (2018a) *Kitajskoe v novejshej russkoj poezii: sinhronnaja mnogomernost', ideogramma i vzaimoobogashhenie hudozhestvennyh jelementov* (Chinese in the Newest Russian Poetry: Synchronous Multidimensionality, Ideogram and Mutual Enrichment of Artistic Elements). *New Literary Review*, 6, 250–261. (In Russian)].

- Зейферт Е. И. Влияние китайской культуры на новейшую русскую поэзию (на материале лирики Н. Азаровой, А. Скидана, В. Аристов) // Проблемы поэтики и стиховедения: Материалы VIII Международной научно-теоретической конференции, посвященной 90-летию КазНПУ имени Абая. Алматы: «Ұлағат», КазНПУ им. Абая, 2018b. С. 188–191. [Zejfert, Elena I. (2018b) Vlijanie kitajskoj kul'tury na novejšuju russkuju poeziju (na materiale liriki N. Azarovoj, A. Skidana, V. Aristova) (Influence of Chinese Culture on the Newest Russian Poetry: On the Material of Works N. Azarova, A. Skidan, V. Aristov' Works). In *Problemy poetiki i stikhovedeniya: Materialy VIII Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoj konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu KazNPU imeni Abaya* (Problems of Poetics and Verse Studies: Materials of VIII International Conference Dedicated to the 90th Anniversary of Abay KazNPU). Almaty: «Ulağat», KazNPU, 188–191. (In Russian)].
- Зейферт Е. И. Влияние китайской культуры на художественное пространство в новейшей русской лирике (на материале поэзии Н. Азаровой и А. Скидана) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2019а. № 2-2. С. 143–155. [Zejfert, Elena I. (2019a) Vlijanie kitajskoj kul'tury na hudozhestvennoe prostranstvo v novejshej russkoj lirike (na materiale poezii N. Azarovoj i A. Skidana) (Influence of Chinese Culture on Concepts of Space in the Newest Russian Poetry: On the Material of N. Azarova and A. Skidan' Works). *PSUH / RGGU Bulletin, Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*, 2-2, 143–155. (In Russian)].
- Зейферт Е. И. Восток и Запад: влияние китайской культуры на новейшую русскую поэзию // Динамическая поэтика / поэтическая динамика. Сб. ст. к юбилею Д. М. Магомедовой. М.: ИМЛИ РАН, РГГУ, 2019b. С. 57–65. [Zejfert, Elena I. (2019b) Vostok i Zapad: vlijanie kitajskoj kul'tury na novejšuju russkuju poeziju (East and West: the Influence of Chinese Culture on Contemporary Russian Poetry). In *Dinamicheskaya poetika / poeticheskaya dinamika. Sb. st. k yubileyu D. M. Magomedovoy* (Dynamic Poetics / Poetic Dynamics. Collection of Articles for Dina M. Magomedova Anniversary). Moscow: IMLI RAN, Russian State University for the Humanities, 57–65. (In Russian)].
- Зейферт Е. И. Влияние китайской культуры на современную русскую поэзию (на материале поэзии Н. Звягинцева и А. Александрова) // Тю/ипология дискурсов. К 75-летию Валерия Игоревича Тюпы. М.: РГГУ, 2020. С. 471–479. [Zejfert, Elena I. (2020) Vlijanie kitajskoj kul'tury na sovremennuju russkuju poeziju (na materiale poezii N. Zvjaginceva i A. Aleksandrova) (Influence of Chinese Culture on Modern Russian Poetry: On the Material of N. Zvyagintsev and A. Aleksandrov' Works). In *Tyu/ipologiya diskursov. K 75-letiyu Valeriya Igorevicha Tyupy* (Tyu/ypology of Discourses. To the 75th Anniversary of Valery I. Tyupa). Moscow: Russian State University for the Humanities, 471–479. (In Russian)].
- Зейферт Е. И. Моделирование художественного пространства в новейшей русской лирике под влиянием китайской культуры // Литературные миры Востока и Запада. М.: Мозартика, 2021. С. 50–66. [Zejfert, Elena I. (2021) Modelirovanie khudozhestvennogo prostranstva v noveishei russkoj lirike pod vliianiem kitaiskoj kul'tury (Modelling of Space in the Latest Russian Poetry under the Influence of Chinese Culture). In *Literaturnyye miry Vostoka i Zapada* (Literary Worlds of East and West). Moscow: Mozartica Publ. (In Russian)].
- Китайский поэт золотого века Ли Бо: Пятьсот стихотворений / Пер. С. А. Торопцева. СПб.: Нестор-История, 2011. [Kitajskij pojet zolotogo veka Li Bo: Pjat'sot stihotvorenij / Per. S. A. Toroptseva (Chinese Poet of the Golden Age Li Bo: Five Hundred Poems / Translated by S. A. Toroptsev). (2011) Saint Petersburg: Nestor-Istorija Publ. (In Russian)].

- Коваленко А. Г., Пороль П. В. Китайский текст в стихотворении Н. Гумилева // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2021. № 3. С. 529–536. [Kovalenko, Aleksandr G. & Porol', Polina V. (2021) Kitajskij tekst v stihotvorenii N. Gumileva (Chinese Text in N. Gumilev' Poems). *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 3, 529–536. (In Russian)].
- Кучерявкин В. Треножник: Стихи, проза. СПб.: Борея-Арт, 2001. [Kucherjavkin, Vladimir. (2001) *Trenozhnik: Stihi, proza* (Tripod: Poems, Prose). Saint Petersburg: Borej-Art Publ. (In Russian)].
- Лю Чжицян, Ван Фэн. «Стихи о Прекрасной Даме и об Одном Господине»: о поэтическом творчестве Л. Е. Черкасского // Новое литературное обозрение. № 2. 2020. С. 335–343. [Liu Zhiqiang, Wang Feng. (2020) «Stihi o Prekrasnoj Dame i ob Odnom Gospodine»: o poeticheskom tvorchestve L. E. Cherkasskogo (“Poems about the Beautiful Lady and about One Lord”: On the Poetic Work of L. E. Cherkassky). *New Literary Review*, 2, 335–343. (In Chinese)].
- Медведева Н. Г. Образ Китая в русской поэтической традиции (Н. Гумилёв, О. Седакова, И. Бродский) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2008. № 1. С. 53–72. [Medvedeva, Natalija G. (2008) *Obraz Kitaja v russkoj poeticheskoj tradicii* (N. Gumil'ov, O. Sedakova, I. Brodskij) (The Image of China in the Russian Poetic Tradition: N. Gumilev, O. Sedakova, I. Brodsky). *Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*, 1, 53–72. (In Russian)].
- Мартынова Н. В., Слипецкая Д. Р. Исследование орнаментальных символов образа бабочки в традиционной культуре народов мира // The Scientific Heritage. 2021. № 58-3. С. 9–14. [Martynova, Natal'ja V. & Slipeckaja, Diana R. (2021) *Issledovanie ornamental'nyh simvolov obraza babochki v tradicionnoj kul'ture narodov mira* (Study of Ornamental Symbols of the Butterfly Image in the Traditional Culture of the Peoples of the World). *The Scientific Heritage*, 58 (3), 9–14. (In Russian)].
- Осьминина Е. А. «Китайские стихи» Бальмонта и Брюсова: заглавие и жанр // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 6 (777). С. 278–288. [Os'minina, Elena A. (2017) «Kitajskie stihi» Bal'monta i Brjusova: zaglavie i zhanr (“Chinese Poems” by Balmont and Bryusov: Title and Genre). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6 (777), 278–288. (In Russian)].
- Осьминина Е. А. Культура Китая в представлении русского футуризма (на примере антологии «Свирель Китая») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 6 (835). С. 234–244. [Os'minina, Elena A. (2020) *Kul'tura Kitaja v predstavlenii russkogo futurizma (na primere antologii «Svirel' Kitaja»)* (Chinese Culture in the Representation of Russian Futurism: On the Example of the Anthology “The Flute of China”). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6 (835), 234–244. (In Russian)].
- Панина М. Е. Городской bestiарий в поэзии Владимира Кучерявкина // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2012. № 4. С. 194–201. [Panina, Marija E. (2012) *Gorodskoj bestiarij v poezii Vladimira Kucherjavkina* (Urban Bestiary in the Poetry of Vladimir Kucheryavkin). *Ural Philological Bulletin. Series: Draft: Young Scholars*, 4, 194–201. (In Russian)].
- Седакова О. А. Китайское путешествие. М.: Грааль, 2001. [Sedakova, Ol'ga A. (2001) *Kitajskoe puteshestvie* (The Chinese Journey). Moscow: Grail Publ. (In Russian)].
- Хабидуллина М. Н. «Глаз открывая к востоку»: Китай в лирике Владимира Кучерявкина // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2013. № 5. С. 220–226.

- [Habibullina, Margarita N. (2013) “Glaz otkryvaja k vostoku”: Kitaj v lirike Vladimira Kucherjavkina (“Opening the Eye to the East”: China in the Poetry of Vladimir Kucheryavkin). *Ural Philological Bulletin. Series: Draft: Young Scholars*, 5, 220–226. (In Russian)].
- Хабибуллина М. Китай по-русски: образ ивы в цикле О. А. Седаковой «Китайское путешествие» // Молодой ученый. 2021. № 1. С. 107–114. [Habibullina, Margarita. (2021) Kitaj po-russki: obraz ivy v cikle O. A. Sedakovej “Kitajskoe puteshestvie” (China in Russian: The Image of Willow in Olga Sedakova’s Cycle “The Chinese Journey”). *Young Scholar*, 1, 107–114. (In Russian)].
- Цзоу Синь. Изображение Китая в русской поэзии: «Китайское путешествие» О. А. Седаковой // *Litera*. 2023. № 10. С. 258–268. [Zou Xin. (2023) Izobrazhenie Kitaja v russkoj poezii: «Kitajskoe puteshestvie» O. A. Sedakovej (The Portrayal of China in Russian Poetry: “The Chinese Journey” of Olga Sedakova). *Litera*, 10, 258–268. (In Russian)].
- Цзя Юннин. Образ реалий Китая в поэзии Арсения Несмелова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 5. С. 28–33. [Jia, Yongning. (2019) Obraz realij Kitaja v poezii Arsenija Nesmelova (The Image of Chinese Things in the Poetry of Arseny Nesmelov). *Philology. Theory & Practice*, 5, 28–33. (In Russian)].
- Черныш Н. А. Путешествие Ольги Седаковой по «Книге перемен» // Ольга Седакова: Стихи. Смыслы. Прочтения. М.: НЛО, 2016. С. 401–434. [Chernysh, Natal’ja A. (2016) Puteshestvie Ol’gi Sedakovej po «Knige peremen» (Olga Sedakova’s Journey through the “Book of Changes”). In *Ol’ga Sedakova: Stikhi. Smy Sly. Prochteniya* (Olga Sedakova: Poems. Meanings. Readings). Moscow: NLO, 401–434. (In Russian)].
- Zeifert, Elena I. (2019) Modelling of Art Space in Modern Russian Poetry Written under the Influence of Chinese Culture (In Poetry of Natalia Azarova, Alexander Skidan, Nikolay Zvyagintsev, and Alexey Alexandrov). In Azarova, Natalia, & Dreyzis, Yulia (eds.) *Parallel Processes in the Language of Modern and Contemporary Russian and Chinese Poetry*. Moscow: Institute of Linguistics, RAS, 212–235.
- 庞欢, “诗”“歌”中蝴蝶意象研究//桂林师范高等专科学校学报, 2015, 第二期. [Pang Huan. (2015) Exploring Images of Butterflies in Poetry and Songs. *Journal of Guilin University*, 2, 121–124. (In Chinese)].
- 钱穆, 《中国近三百年学术史》, 北京:商务印书馆, 1997. [Qian My. (1997) *History of Chinese Scholarship in the Last Three Hundred Years*. Beijing: Commercial Publishing House. (In Chinese)].

Источники языкового материала / Language material resources

- Ду Фу. Проект Наталии Азаровой; пер. с кит. М.: ОГИ, 2012. [Du Fu. Proekt Natalii Azarovej; per. s kit. (2012) (Du Fu. Project by Natalia Azarova; translated from Chinese). Moscow: OGI Publ. (In Russian)].
- Кучерявкин В. До Янджоу тысяча ли. СПб.: Лимбус Пресс, 2018. [Kucherjavkin, Vladimir. (2018) *Do Janchzhou tysjacha li* (It’s a Thousand Li to Yangzhou). Saint-Petersburg: Limbus Press. (In Russian)].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бугрова Светлана Евгеньевна, кандидат филологических наук, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, sebugrova@lunn.ru

Дугалич Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, dugalich_nm@pfur.ru

Зубайдуллаев Ибодулло Амриллович, аспирант, Самаркандский государственный университет имени Шарофа Рашидова, Самарканд, Республика Узбекистан, ibodullozubaydullaev@mail.ru

Зубкова Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, Тверской государственный университет, Тверь, Россия, mary.zubkova2013@yandex.ru

Кабанова Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, kabanova@lunn.ru

Козачина Анна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, avkozachina@gmail.com

Королева Светлана Борисовна, доктор филологических наук, доцент, начальник международной научно-исследовательской лаборатории «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации», Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, lucia-photinia@mail.ru

Лукманова Ольга Борисовна, кандидат филологических наук, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, estson@gmail.com

Максимова Галина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, Калужский филиал, Калуга, Россия, galya.maksimova53@mail.ru

Недоступова Любовь Винаминовна, кандидат филологических наук, доцент, Воронежский государственный технический университет, Воронеж, Россия, nedostupowa2009@yandex.ru

Перминова Анна Константиновна, студент, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, perminihongo@gmail.com

Разина Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, israzina@lunn.ru

Разумных Елена Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, amilano80@mail.ru

Сдобников Вадим Витальевич, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, sdobnik@lunn.ru

Тырыгина Валентина Алексеевна, доктор филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, vatyrygina@lunn.ru

Цзоу Синь, аспирант, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, summer0326@mail.ru

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Нижегородский государственный лингвистический университет им.
Н. А. Добролюбова»

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н. А. Добролюбова

Выпуск 2 (66)

Редакторы:
Н. С. Чистякова
В. М. Цымбалова

Подписано в печать 25.06.2024. Дата выхода в свет 29.06.2024.
Формат 60×90 1/16. Печ. л. 12,31. Тираж 500 экз.
Свободная цена. Заказ № 11149.

Адрес редакции, издателя, типографии:
603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а

Подписной индекс в электронном каталоге Почта России: ПН269